

Мое время.

Записки Г. Вискаго.

Введение

24. Июня
1814
Башкирия

Все перечитавши, и несколько раз, что только нашлось Башкирия своего, или занятого; все передумавши, и неоднократно, что только задержалось в моей старой голове; всем наскучивши, что только могла доставлять благодатная мечта, - наконец с месяц нахожусь я в совершенном безделии, следовательно в несносной скуке. Работать в огороде? или бродить по окрестностям моего самопроизвольного заточения? - препятствует ежедневный жар; выезжать на охоту? - стрелять в сие время нечего; к тому, оводы одолевают коней. Чем же наполнять день, особенно чем сокращать предолгие предобеденные часы? Писать... Правда, в средних моих летах я много писал, перелагая из иноземных на отечественный язык истины, тогда у нас неизвестные. Но сие упражнение давно мною оставлено; затеивать его вновь, по нынешним временам, и не из чего, и не для чего. Я бы, кажется, забыл давно писать, ежели бы не поддерживалось сие не важною перепискою, которая не может дать дельного вещесловия. На что дельное? пиши, как и все почти пишут, что попадать станет под кончик твоего пера. Так..., но ничтожность не занимательна, следовательно, не может быть продолжительна. Ин пиши, сыскав себе предмет, и что ты лучше

знаешь дельно; я знаю самого себя лучше всего, так вот мой предмет: МОЕ ВРЕМЯ. Заглавие, однако, принадлежит венценосному сочинителю; тебя с первого шагу оговорят... Порфирородный жил, имел свое время; я живу, имею мое; и так каждому свое. Я хочу писать мою жизнь, и какие мне памятливейшие, случившиеся в течение оной происшествия. Да не подумает кто-либо, что сим маловажным занятием я хочу втесниться в лик творцов сочинений? Нет, нет... Я знаю, какие потребны дарования, сведения, знания, учение, витийство писателям, посвятившим себя, или пожалованным, препровождать до позднейшего потомства громкие подвиги витязей, славу владык, бедствия народов. Я намереваюсь писать о себе, для себя, для своих; следовательно я буду писать, как умею, не поставляя себе образцами ни Ксенофонов, ни Титов Ливиев, ни Вольтеров, ниже Карамзиных). Слог мой, подобно деяниям, будет прост, но правдив; в чем призываю на помощь мою богиню Истину.

О святая Мати Правда! пречестный Пария говорит: "Тебя понимают одни добрые сердца". Пусть же одни добрые люди меня читают, меня судят, и меня осуждают, ежели найдут тебе неверным. Аминь.

I ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ ИЛИ Детство и Юношество

Мое
рождение

Родился я в малороссийском городке Почепе; от родителей, ежели не знаменитейших и богатейших, то от самых здоровых и молодых. Важное преимущество! - говорит, надувшись, граф. Гораздо важнее, ваше с<иятельс>тво, нежели вы изволите понимать. Отец мой Ст<е>п<а>н Акимович Винский, юноша 21 года, женился по взаимной сердечной склонности на матери моей 16-ти-летней отроковице, Марфе Артемевне П<у>шк<а>р<е>вской, и их счастливый союз Бог на десятом месяце благословил мною. Что же тут особого? - возражает С<иятельство>. Особое, граф, извольте выслушать: родиться первенцем от неискусобрачных, за что буду крепко стоять, по меньшей мере, с одной стороны, молодых, здоровых родителей; быть воздоену матернею грудью, значит: получить с жизнью прочное членоустройство, чистую кровь, здоровые соки, что все вместе доставляет человеку крепкое тело и мужественную душу, - такие преимущества, которые одни делают людей истинно благородными и счастливыми. Сие наблюдается, как и вы изволите знать, по всем хорошим конским и другим заводам; но графские, княжеские и все отличающие себя дома сего не уважают, и от того сколько же в их семьях всяких игрушек Природы!

О любезный Шанди! как бы я порадовался, встретившись с истинным последователем твоей глубокомысленной, о зачатии и рождении, системы! Каким бы я мог быть доказательством твоего умствования! Ни десятилетняя в молодости самая распутная петербургская жизнь; ни шестинедельное в подземном сыром погребе заключение; ни заточение в суровый башкирский край и 30-ти-летнее в оном пребывание; ни все удары несчастья не могли совершенно разрушить, или ослабить, мое крепкое сложение. Теперь, имея 61 год от рождения, я многих еще заставляю себе завидовать по наружности; а внутренно? - я еще живу.

Шандеизм

Остроумный Шанди от одного неосторожно и не в пору сделанного вопроса: "Заведены ли часы?" выводит самое глубокомысленное умствование о зачатии, рождении и следствиях от того на всю жизнь человека. Дело, с первого взгляда, кажется не важным, шуточным; но рассматривая оное терпеливо, освещая со всех сторон светочем здравого рассудка, отстраняя при сем розыскании и высокопарные философские проблемы, и Богом вдохновенные богословские темы, а паче всего уклоняясь большинства голосов, гландеизм на сие вещесловие столько

разливает ясности, что все почти затруднении, касательно уродов, выроdkов, извергов, как естественных, так и нравственных, весьма много облегчаются. Вспомни, любезный Пр<о>к<о>п<о>в<и>ч, как мы в 1806 году в С<анкт>-П<етер>бурге, за дружескою трапезою у Пл<а>вк<о>вск<о>го, решали по сей системе задачу: "как могли родиться от благородного, умного, храброго боярина три сына негодяя?" По ней же, почти показывая пальцем, можно говорить: "Сей зачат украдкою, сей заделан торопясь; сего заработали в просонее; а сего восприяла сердитая от пьяного; как и сей добыт огнистою сладострастницею по найму". Взгляни же на сего благообразного, преисполненного любезности юношу; не являют ли все черты его лица и все движения его тела, что он есть произведение тихих, сладостных минут вечера, когда добрые, чувствительные два существа, проведши день полезно, после вечерней приятной прогулки, во уединенной мирной храме, предаются восторгам целомудренной любви. Или сей младый сын истинного кормильца всех других существ, не доказывает ли ярким румянцем своих щек, упругостию своих мышц, широкою грудью, звонким голосом, своею всегдашнею веселостию, что он есть чадо совестного союза, засеянное дюжим трудолюбивым земледельцем в ложестна дородные здоровыя подруги, вынесшей в поле сытный обед; или после общих летних работ, в тени ли ветвистых рощ или в холодке душистого стога. Так шандеизм может, при тщательном розыскании, развязывать запутаннейшие узлы, и по нему же: "Дети порочной любви редко бывают добрыми существами; сын же распустныя не может быть иное, как изверг"

Переселен
ие из
отеческого
дома

Мать моя, приживши еще сына Осипа, на 20-м году своей жизни овдовела и, обижаема будучи по имению нашими родными тетками, а может быть, и по иным видам, вторично поступила в замужество за Михаила Васильевича Губчица, в семью довольно знатную и достаточную; начала жить в имении своего второго мужа, куда и нас переселила.

Первые
впечатлен
ия

Первые годы моего детства мне почти совсем непамятны. Отдаляясь, однако, напоминовениями сколько можно к тем временам, вижу, как-будто в тумане, наш дом в деревне Котляковке; памятны сливные деревья по дорогам в огороде; помню еще дальний огород, куда шедши единожды с матерью, захвачены мы были грозою; памятно мне также, что тут в пруде дядя мой Тихон утопил было меня. Но кажется сие все я знаю более по рассказываниям домашних. Переезд отсюда на житье в местечко Баклань, куда вотчим мой определен был сотником, гораздо явственнее помню. Как теперь вижу приготoвлении к сему путешествию: вывезенные из шопы берлин, коляски, тарадайки, несколько возов и полуботов, в которые я играючи лазил; кормление у стайни строкатых и буланых коней, и самый в ночь

подъем живо себе представляю. Посажен я был в берлин, между вотчимом и матерью; кажется в просонье, помню, сделался между людьми шум, по причине перебежавшего чрез дорогу волка, и что вотчим говорил: се добрый знак; а коли б заяц, то недобре. Первые однако мои годы в сем местечке мне не памятливы: дом, сад, река Судость, гребля, городище и прочее жили и теперь еще представляются мне весьма явственно, сему виною долговременное тут, даже до осьмого года, пребывание.

С сего времени до 30-ти лет моей жизни, все места, где только я ни жил, даже проезжал, до самых малейших подробностей помню: с 30 года по сей день, жили и памятливы мне вообще предметы, но подробности почти совершенно изгладились в моей памяти. Так например: на пятом или шестом году моего века, еду осенью из Почапа в Баклань, при захождении солнца спускалась наша повозка с небольшого бугорка к реке Судости. От солнечных лучей, скользящих, что теперь знаю, по гладкой поверхности воды, казалась она огненною; чрез нее летели несколько сорок в лес ночевать. Глядя на все сие, я не знаю, от чего стало мне очень грустно. Сия картина, и теперь еще, так жива в моей памяти, что я, кажется, мог бы ее нарисовать; с того времени воззрение на заходящее солнце всегда в душе моей производит уныние. Киев со всеми своими монастырями, церквами и примечательнейшими местами, гораздо явственнее начертан в моей памяти, нежели город Уфа, хотя в первом я жил не более четырех лет, и оставил его назад тому 46, в последнем же я жил 12 лет, а был в нем пред сим за пять... На 18-м году приехавши в С<анкт>п<етер>бург, виденные тогда предметы, как недостроенные две стороны зимнего дворца, неочищенная пред ним площадь, зимовавший против кунсткамеры спущенный на воду военный корабль, каменный сарай, где отливался Петра Великого памятник, кристальный у Семеновского мосту завод, даже первые гренадеры Измайловского полку, в их древних шапках, и ундер-офицерские перевязи, так свежи в моей голове, будто я на них теперь гляжу. В январе же 1806 года, ехавши чрез Ярославль в С<анкт>-П<етер>бург, города Кострому, Мологу, Тихвин, Новую Ладогу, весьма темно вспоминаю; а картинные места, по деревням вечерние игры, в богатых селах, каковы Дуванное, Васильевское и др., катающиеся нарядные белотелые молодцы, все таковое, тогда мною виденное, теперь как во сне представляется. Проживши шесть месяцев в сей великолепной столице, бродивши ежедневно по привлекательнейшим местам, еще довольно картинно я могу себе представлять; но подробности: вахтпарады, гулянья на светлой неделе и первомайское, прогулки на прекрасных бульварах и набережных, неизъяснимо привлекательный для меня вид, в летнем дворцовом саду,

играющих по утрам малюток, с их прекрасными, нарядными кормилицами и няньками, - весьма темно в мыслях изображаются.

Начало
учения
грамоте

В Баклани, кажется, начали меня учить грамоте. Мечтается мне, что дом наш был насупротив церкви Св.Николая, что школа, принадлежащая ей, находилась чрез дорогу, что в сей школе жил дьяк, к которому меня водили, который, однако, чему и как учил меня, не помню, но что он часто и больно секал меня, особливо по субботам, сие помню. Сие глупо-варварское обыкновение было в употреблении почти во всех приходских школах; по причине доставления дьяку некоторого доходишка. После субботней вечерни, все ученики собирались в школу, и не садясь по местам, а стоя, ожидали прибытия дьяка. При вступлении в школу, он был приветствован ото всех в один голос: "Мир ти благий учителю наш". На что он отвечал: "треба секти вас" и тот час начинал экзекуцию; "учись, не пустуй, помни субботку" были его увещания при сечении. Те, которых матери присылали дьяку почаще: млинцев, боланцев, палениц и того-другого, получали удары по платью; а бедняки, или у кого матери были скупы, расплачивались голыми задницами. Проклятая поповщина! где ты не злочинствовала?

Малорос-
сийская
субботка

Первого же моего инспектора, то есть домашнего учителя, поляка пана Мушинского, гораздо более помню; не по его учению, а потому, что он был охотник стрелять, удить рыбу, ловить птичек, и меня нередко с собою важивал, и что он был крайне зол и нас секал без милости. После сего принят был для нас инспектором пан Дворецкий, родом из Сосницы. При сем учителе я прошел латинский альвар; по российски же читал уже по вечерам для матери Четь-минею, а в церкви Апостолов и Паремии; писал исправно я по сказыванию. Сей инспектор нрава был тихого, и я его душевно любил; бывали и от него наказания, но и редко, и не напрасно, и не жестоко; так что если за шалости и непрестанные мои проказы, в иной день, мать, поленившись сама меня сечь, отсылала к нему, я считал сие помилованием. При сем инспекторе кончилось мое домашнее учение, и я послан был продолжать оное в Чернигов.

Начало
учения
латинско-
го языка

Дитя, к десяти годам своего существования, являет уже начатки страстей, имеющих некогда образовать его свойства. Сие время есть важнейшее в жизни, потому что тут должно, чрез воспитание, добрые склонности в юной душе посеять, возрастить, усилить, как дурные возникающие выполоть, искоренить, по меньшей мере ослабить. Но, увы! сии важнейшие дни моей весны протекли без малейшего обрабатывания! Говорили вообще мне быть добрым, тихим, искательным, услужливым; но сделаться таковым предоставляли случаям. Можно сие уподобить брошенным на ниву нескольким горстям зерен хлебных, коих

Важность
первого
десятиле-
тия

Первые
признаки
нрава

всходы, рост и созрелость оставлены судьбе. Как бы я желал начертать первые признаки моего рассудка, первейшие ощущения моего сердца, начальные порывы моих страстей! Но все мое о сем старание тщетно; едва могу припомнить, что по многокровному моему сложению, преданный веселостям, рассеянию, забавам, я точно не был ни зол, ни скуп, ни завидлив. В детских играх душевно равнялся с низшими; но господствовать ни сам не любил, ни над собою не терпел. Сие, как бы врожденное, осталось во мне на всю жизнь мою. Да не помыслит читатель, чтобы я был противник властям и не повинующийся начальству? Нет, я смело могу божиться, что власть законная всегда была для меня священна; начальникам я бывал неизменно покорен; и самые несправедливости правительства, коими преобременен я был, переносил терпеливо. Скажу торжественно, что я был бы лучший Гражданин во всяком обществе, где бы законы хотя драконовские, но тяготели равно на всех.

Дом
вотчима

Вскормленный в доме вотчима, я испытал прежде несправедливости и обиды, нежели ласки и милости; но я их тогда не сильно чувствовал, и по ребячеству скоро забывал. Вотчим мой, бывши от природы человек угрюмый и сердитый, к нам весьма был неласков, но сам, сколько помнится, меня никогда не бивал, а исправлял сие чрез нашу несчастную мать, которая, как теперь помню, при наказаниях, иногда, сама горько плакала. Правда, резвости мои, шалости и непрестанные проказы и не в вотчимовском доме должныствовали бы быть унимаемы; а тут, как примечали их старательнее, взыскивали за них тщательнее, то наказании случались ежедневно, нередко с повторением, и не обходя праздников.

Нечто о
брате

Брат мой, ушибленный грудью еще в детстве, почитался хворым; потому его не принуждали учиться, никогда почти его не наказывали, больше ласкали; за то, а больше, что он великий плакса был, я худо с ним ладил и никогда не принимал в свои игры. Как по учению далеко от меня отстал, то я, послан бывши в училище один, с ним уже никогда вместе не жила, и очень редко видался. В сие же время, помнится, мать часто мне говаривала о богатстве нашею отца расхищенном, и что мы бедняки против сестры нашей, рожденной ею от г. Губчица. Сие, однако, весьма мало действовало на меня, ибо я, с юнейших лет, не уважал богатства и не дорожил деньгами, до того, что даваемые мне иногда несколько копеек отдавал первому, кто захотел бы их взять.

Отбытие
на
чужую
сторону

Наконец наступило время моего странствования. Два почепские паньчи Самоцветы, учившиеся уже в Черниговской коллегии под надзором инспектора Цвета, со вновь затребованным паньчем Рославцем, заехали к нам в октябре 1762 года и, присоединив меня к себе, повезли в Чернигов. Расставание мое с

Отъезд в
Киев

матерью и домом было самое плачевное; во всю дорогу я непрестанно плакал, ничего не примечал и ничем не занимался. Принятие меня в третью школу, то-есть грамматику, да и все мое пребывание в Чернигове чуть-чуть помню. Знаю, что учитель мой был пан Дембицкий, памятно, что Самоцветы, бывши меня гораздо старше, часто меня обижали, и что пан инспектор нередко меня сек понапрасну. По сему конечно, я взят был домой на вакации гораздо ранее обыкновенного, то есть до Троицына дня, и оставался без инспектора до осени. Кажется, в сентябре мать моя с своею, а моею бабкою, для каких-то надобностей ездили в город Нежин. Я был с ними, очень помню виденных тут греков; в их лавках особое привлекали мое внимание каракатицы и колбасы; базар и улицы завалены были каунами, дулями, сливами, виноградом и проч. Оттуда поехали мы в Киев, где мать моя, исправивши с великою торопливостью свое богомолье, оставила меня тут на попечение какой-то женщине, именем Варваре. С сею женщиною, как кажется, ставшею моею нянею, я жил недели две в совершенной праздности, шатался с нею по монастырям, и по крайнему изобилию всех родов плодов, пресыщался ими. Потом я был переселен на квартиру к панычам, у которых был инспектором пан Рознатовский. Не долго, однако, оставался я при сем надзирателе: некто пан Щербацкий, старый богослов, то-есть ученик богословия, выпросил меня у отца префекта под свою инспекцию.

Пребыва-
ние в
Киеве

Описывать все подробности моего пятилетнего в Киеве пребывания, хотя и весьма мне памятные, не считаю нужным, поелику во все сие ничего со мною не случилось особенно любопытного. Жил я на наемных квартирах, под начальствованием разных переменявшихся инспекторов, всегда с моею Варькою. Учился довольно прилежно, не только не отставал от других, но всегда числился между отличными. Учителям, как публичным академическим, так и приватным инспекторам, был всегда послушен: и добрых, особенно умных, душевно любил. Несправедливые, однако, их в рассуждении меня поступки я умел уже чувствовать и им того не прощать; так паны: Щербацкий и Самойлович, не взирая на всю ученость последнего, остались в моей памяти навсегда самыми низкими людьми; напротив, тогдашний отец ректор Самуил и учитель риторики отец Никодим, никогда не воспоминаются мною иначе, как с сердечным почитанием и благоговением.

Негодова-
ние и
почетание

Академия

Киевская Академия, по назначению своему для духовенства, пеклась наиболее образовать людей в сие звание. Посему науки, преподаваемые в ней, были: грамматика, пиитика, риторика, философия, богословие и языки: латинский, как основание, польский, как истолковательный; по ним греческий и еврейский,

Оконча-
ние
учения и
невежест
во

как нужные для разумения церковных писателей; немецкому и французскому хотя также обучали, но весьма недостаточно; прочие же науки там были совершенно неизвестны. Из сего можно видеть, что я, учившись весьма похвально, бывши в одной риторике три года, говоривши и писавши латинским и польским языками, как моим природным, имевши набитую голову тропами и фигурами, умевши соорудить хрию правильную и превращенную, выехал из Киева настоящим, касательно необходимейших знаний, дурнем, до того, что ежели бы добрый человек, квартировавший тогда в Киеве, канонерного полку штык-юнкер Панченко, не показал мне первых правил арифметики, я бы принужден был считать по пальцам.

Пансион

В половине 1768 года я оставил Киев и, прибывши домой, тою же осенью помещен был для французского языка в новозаведенный в Стародубе г.Карновичем пансион.

Перейти из публичного училища в частное значит быть понижену в своих собственных очах; но я, по пристрастию к французскому языку, сим не затруднился. Лета мои, знание латинского языка и правил грамматических, произвели в учителе некоторой род ко мне уважения, так что он, снисходя на мою просьбу, прошел для меня синтаксис Пешгаеров. Сие одно мне было нужно; и я чрез девять месяцев оставил пансион; сим на 16 году моей жизни школьное мое учение совершенно кончилось.

Переселе-
ние в
Глухово

Осенью 1769-го я отвезен был в Глухов, где, препорученный генеральному судье г.Журману, я долженствовал прожить зиму, и потом, с его заступлением, ехать в заграничную армию. Кратковременное мое в сем городе пребывание было как бы образчиком имеющей быть жизни. Я находился под покровительством вельможи, у коего временно являлся и иногда обедал; жил же на наемной квартире, располагая моим временем, делами и поступками самопроизвольно. Город Глухов в сие время, по причине пребывания в нем вышних малороссийских властей, был как бы небольшая столица; шляхетство, начиная тут свое служение, но значительному количеству и видной жизни, стечение всех состояний по делам, казали сей город и многолюдным, и оживленным. Роскошь, хотя и не повсеместно, но уже водворялась; трактиры, немецкий и греческие, не бывали пусты; шинки также не напрасно заводились, особенно где были пригожие хозяйки или наймычки. Молодые шляхтичи, приписанные в разные присутственные места, вели жизнь по большей части праздную; уже ничего студентского в них не было видно, а многие и профессорами распусти могли быть названы. Я был причислен к генеральному суду, но присутствовать в нем более трех раз не удосужился. Первые дни определены бывши на приготовление необходимого, для пристойного появления в

Стечение
шляхетства
и распутной
жизни

большом городе, я провел их почти заключенным в квартире, занимаясь непрестанно пересмотром вещей, данных мне из дому. Не имевши никогда толикого количества и толикой разновидности, я любовался ими несказанно; самые безделушки я почитал драгоценностями и, пьючи свой чай при услуге моего Матюшки, я почитал себя счастливее всякого князя. Знакомиться я весьма был туп; но делать знакомства подверховные почти никогда не умел и прилеплением моим откровенностию всегда других опережал. Знакомиться начал с однолетками, но скоро введен был в круг гораздо старейших, и тогда пустился, что называется, во все тяжкие. Скоро немецкие, греческие и всякие другие благодатные дома мне стали знакомы; благодаря, однако, моей застенчивости, или лучше безденежию, я только был повсюду зрителем, но действователем нигде; да правду надобно сказать: глуховские моты и их шалости к петербургским так были, как 5 ко "100"; посему мне не удалось тут научиться ни пить, ни в карты играть, ниже б.....

Неудача
испортить
ся

Важней-
шая наука

Трудно
быть
добрым

Точное
начало
просвеще-
ния в
России

Рассматривая беспристрастно время моей юности, открывается, что оно протекало для меня весьма невыгодно. От всего моего многолетнего учения приобрел я знание латинского языка и небольшое умение писать; существенные же и необходимейшие для моего благоденствия знания, как святая нравственность и состав людских обществ, или яснее: "Чем каждый человек обязан обществу, и наоборот, общество человеку"? до того мне были неизвестны, что я их и в числе наук, до 40 лет моей жизни, не считал. "Все науки, - пишет Мерсье, - даже и божественная астрономия, суть только роскошь ума человеческого; одне: мораль и политика ему необходимы". Сию важную истину я узнал поздно. Низринутый в бездну злополучии, свиделся и познакомился я со нравственностью, полюбил ее от всего моего сердца, прилепился к ней всею душою; но как можно было то исправлять, что в продолжение 40 лет портилось! Скажу чистосердечно, что все мои старания быть добрым, справедливым весьма неважные имели успехи; и я расстанусь с жизнью, конечно, не злодеем, но весьма мало и добрым. Из многих собственных опытов знаю, как трудно, ежели не совершенно невозможно, быть истинно добрым, когда в юных летах не обсеменено сердце добром. Железо, покрытое и во многих местах проникнутое ржавчиною, самое тщательнейшее очищение не может освободить совершенно от повреждения; хорошо хотя бы не допускать усиливаться ржавчине.

Несправедливо было бы требовать от тогдашних школ и учителей полезнейшего научения юношеству; они сами точно не имели ни малейших по сей части сведений; Заря наук для нашего общества начала пробиваться сквозь мрак невежества в конце 8-го

десятка протекшего столетия. Сколько бы из лиха не вопияли: "Распинайте французов!", но они одни гораздо более способствовали нашему научению, нежели совокупно вся Европа. Россия по воле Петра Великого, находившись более полувека под ферулою немецкою, даже и признаков не являла просвещения. Царствованию Екатерины принадлежит вся честь водворения в нашем отечестве полезных наук, которые разительнейшим образом начали иметь влияние на нравственность. Повторю паки: сколько бы старообрядцы, новообрядцы и все их отголоски ни вопияли: "Распинайте французов!", но Вольтеры не Мараты, Ж.Ж.Руссо не Кутоны, Бюффоны не Робеспьеры, и проч, и проч.

Екатерина
виновница

Смягчение
нравов

Апелляция
к
потомству

Ежели когда-нибудь настанут времена правды, тогда великие умы 18-го столетия, истинные благодетели рода человеческого, получают всю им принадлежащую честь и признательность.

Так искренно судя, что первая существования моего четверть, долженствовавшая быть основанием моего благоденствия, была почти для меня потеряна, я не ропщу ни на мать мою, ни на моих наставников. Всему виною тогдашние времена. Но ежели бы оставили меня, по крайней мере, итти по той дороге, на которую я был Академиею выводим, я бы мог быть изрядным духовным, искусным врачом, а может быть и порядочным писателем; следовательно полезным членом общества, и способным устраивать свое собственное счастье. Но увы! меня как будто с умыслу возрастили у Монахов, а заставили служить в Гвардии! Переведенный из мирной, скромной, почтенной жизни в мятежную, наглую, своевольную, чем мог я сделаться, как не самым несчастнейшим творением?

Чем бы я
мог быть

От Ролюса
под
Экватор

Не по
способнос-
тям и
склонностям
определение
к
должностям

Так бывало, есть и ныне, что большая часть юношей заставляются занимать места в обществе, совсем не сообразные ни с их склонностями, ни с их способностями. Научение в публичных и частных училищах есть для всех одно и то же. Мерсье пишет: "Надлежало бы завести особый род наставимков которые бы, по своему знанию и опытности, умели узнавать в детях склонности и способности, по коим бы назначали им учение". Так распорядив детей к учению, скоро бы могли иметь в каждой части наук, художеств, даже ремесел, людей отличных; и сей, родившись быть зодчим, или ваятелем, не потел бы понапрасну над сборным уложением; а природный вития и пиит не ломал бы головы алгеброю.

Научение
вместо
воспитания

В России научение почти повсеместно принимается за воспитание. Я сам, скажу со стыдом, прожив более половины моего века, и бывши по несчастию уже домашним учителем, различия в сем даже и не подозревал. Не забуду никогда почтенного г.Реми за многие его мне одолжения, как и за пояснение сего различия.

Воспита-
ние
должно
предшест-
вовать
научению

Иноземец
не может
воспитывать

Воспита-
ние
принадле-
жит
родителям

Обществе-
нное
воспитани-
е под
надзира-
нием
правитель-
ства могло
бы
наиверней-
ше
улучшить
нравы

О! Отцы, Матери и все вы, от коих зависят дети! Войдите в подробнейшее розыскание разности между воспитанием и научением; пекусь ваших чад прежде воспитывать, потом научать. Знайте, что болтание чужеземными языками, вальсированье, прыганье, брацанье на фортепиано и на гитаре не есть воспитание, но одно научение; ведайте, что наемные иноземцы, из какого бы они народу не были, хотя бы нравственность их была без малейшего нареkania, не могут дать вашим детям воспитания, по тому одному, что они не знают законов наших, ни нравов, ни обычаев, ни преимуществ и прав, принадлежащих у нас каждому сословию граждан, по которым необходимо должно прилагивать нравственность. Будем искренны: российский дворянин, по своему званию, обязанностям и правам, ни малейше не сходствует ни с одним европейским дворянином, как купец, мещанин и крестьянин ничем не равны заморским. Сколько ни всеобща чистая нравственность, но состав обществ, нравы, обычаи во всякой земле свои, и по ним одним народы удерживают свое отличие.

Россиянина воспитывать должен непременно россиянин; научение же можно попустить и иностранцу, только бы воспитание оному предшествовало и никогда из виду не терялось.

Воспитание одно есть отличительная принадлежность человека, научение же не совсем чуждо и другим тварям; Сия важная должность от самых природы назначена родителям. Дать просто жизнь, по строгой справедливости, не составляет великого благодеяния; одно воспитание может доставлять Отцам неоспоримое право на детскую благодарность, повиновение и пособия. Признаться, однако, должно, что по нынешним временам ревностнейший Отец, или искуснейший Наставник, едва ли успеет обсеменить юное сердце чистыми правилами нравственности.

Общественное воспитание, неперменным законом утвержденное и самим правительством называемое, могло бы идти наивернейше к сей цели; ибо добрые нравы не иначе могут завестись и утвердиться, как когда правительство, согласуя с нравственностью, займется искренно попечением о благодетельности народа и присвоит воспитанию всю важность, ему должную. Покуда о воспитании не будут радеть, нельзя ожидать, чтобы люди сделались лучшими или счастливейшими. Правительство непременно обязано поддерживать нравственность без того она бесполезна и не может иметь никакой власти над сердцами. Законы должны быть пополнением и доказательством нравственности, внушенной воспитанием.

Вопросят: можно ли целый народ воспитать, то есть внушить ему правила нравственности?.. Ясные и простые правила естественныя нравственности гораздо легче для понятия, нежели

Догматы и Заповеди духовные, которые не только поучающиеся, но и сами поучающие, по совести, не понимают.

Способ к
облегчению
воспитания
целого
народа

Правительство, которое возымело бы искреннее намерение завести в своем народе добрые нравы, могло бы, учредивши для детей общественные воспитательные дома, для народа весьма выгодно употребить священников, дав им в руки Катехизис Чистых Нравственности, по которому бы они своих прихожан в проповедях наставляли и на духу поверяли. К сему присоедини знаки отличия для добродетельнейших, не корыстные, но почетные, как строгое и неупускательное взыскание и наказание для порочных и злых, сопровождаемое общим отвержением, произвели бы непременно желаемые успехи.

Доказате-
льства
предыдущ

Ликург, хотя против правил здравия нравственности, написал свои законы, но нельзя не согласиться, чтобы он не чувствовал могущества общественного воспитания, В Спарте оно было под непосредственным назиранием Правительства, единообразное для всех и утвержденное Законом. Ежели сей свирепый законодатель мог чрез воспитание образовать исступленных воинов, презиравших болезни и смерть, почему законодатели более человеколюбивые и более благоразумные не могли бы так же образовать людей добродетельных и рассудительных? Банианы в Индии, квакеры в Америке и сарептцы у нас в России не могут ли так же быть сему доказательством?

Лета
невинности

Первый выезд мой из благословенный Малороссии поставивши пределом моего юношества" я не могу о сем времени вспомнить без сердечного умиления, как о летах моея жизни, проведенных в истинной невинности. Я оставил Глухов, не могучи себя, по строгой справедливости, ничем укорять порочным или вредным. Шалости мои и проступки точно были ребяческие, могущие быть достаточно изглаженными одним признанием. Как сладостно вспоминать и теперь, что я тогда не был еще виновен ни пред людьми, ни перед собою!

Щекотливое
признание

При расставании с милою родиною, и дабы быть чисту ото всего, я должен учинить исповедь, для всякого чувствительного сердца самую трудную. К четырнадцатому году нельзя было не ощутить в сердце чувствования, нудящего всех искать любезных, глядеть на них, любоваться ими и желать от них чего-то неисповедимого. Первый порыв на сие познал я в Киеве, но без малейшего удовлетворения. Правда, приглашен бывши в одно лето прожить несколько недель в дом одного сельского священника и познакомившись там с его дочерью, девушкою лет 20-ти, полною, румяною, веселою, резвою, простодушною, я тут же научился целоваться, прикосновение также отведал, но пройти далее не умели: я по причине моего младолетства, она же, как кажется, по причине неопытности. Сия первая моя склонность весьма долго

Вкушение
яблока

Развивка
способнос-
тей

Нечто
препятству-
ющее

Еще нечто
о моей
тогдашней
нравствен-
ности

была мне памятна. В Стародубе, находясь в пансионе, как учитель жил прежде в Москве, то имел почти всю прислугу из русских, в том числе трех девок, настоящих московских к.....; посему целомудрие мое неминуемо должно бы уничтожиться: наслаждение скотское, которым я тогда же мерзил. Паночка Севичева особо возбуждала во мне к себе благоволение, но тут я лакомился одними глазами. В Глухове по сей части я действовал уже гораздо вольнее; славные тут, часовщица и трембачиха, имели и меня прицепленным к своим тарадайкам; с ними я игрывал, лобызался, но по причине великого стечения, и паче, что тут требовались доказательства любви наличные, коих у меня не много водилось, я принужден был довольствоваться платонизмом. Вот все, что лежало на душе, и чего, кажется, за один порядочной грех почесть нельзя. Кстати поместить здесь происшествие, следствии коего я почти во все, продолжение жизни чувствовал. На четвертом моем году посетила меня лютая рода человеческого враговка воспа. Не помню самая болезни, но признаки ее бытности оставила она мне вечные, которые в самых молодых летах приносили мне много досад; кроме того, что меня дразнили Дзюбаным, со всеми употребляемыми приговорками, я слышал весьма часто, что меня не будут девки любить як мерзенаго. Сие так мне бывало чувствительно, что я с горя сам в себе говаривал: "и я их не хочу любить". К природной моей застенчивости, чрез сие сделался осторожным и равнодушным, и какое бы не чувствовал влечение к красавице, но на искание в ней никогда не решался. По сему легкие приобретения были для меня сходнее, хотя самым пользованием я душевно мерзил.

Окончу, повторив: ежели, как сказал прежде, не имел я самых худых свойств, то по совести же не могу похвалиться, чтобы обладал отлительно добрыми. Сострадание, благотворение и все сладостные ощущения человеколюбивого сердца, кажется, в сем времятечении моей жизни едва ли были мне известны. Я совершенно не склонен был обижать, себе чужое присвоивать, еще меньше хищничать, но вступить за обижаемого, плакать о несчастьи другого, пособить нуждающемуся я точно не умел. Вот и сие может быть доказательством, что человек ничего не имеет врожденного, ж что все он приобретает, перенимает от тех, с кем живет в теснейшем сообщении. Нравственность нашего дома была средняя, между самою хорошею и между самою худую; по коей и мое сердце обсеменялось. Я не навик мучить несчастных слуг, глядеть спокойно на брызги их крови, слушать хладнокровно их вопли, не трогаться их стопами, видеть их голодных, холодных и всегда готовых забавлять своих мучителей, не навик потому, что в нашем доме сие не виделось. Так и все занятое мною во время моего детства, как доброе, так и худое, были средней руки.

В сие время малороссияне жили только между собою; кроме поляков, иностранцы им вовсе не были известны; даже с ссиянами почти не имели сообщения, почему нравы их были также ни худшие, ни лучшие. Злодеяния, каковы: убийство, разбои, грабеж и проч., весьма были редко. Пороки: пьянство можно бы почесть всеобщим, поелику не только мужчины, даже женщины в лучших домах пили водку, наливку и проч., но напиваться до забвения почиталось зазорным и истинные пьяницы всеми были презираемы. Скупость, родная сестрица расчетливости, родственница бережливости, свойственница хозяйства, довольно была у соотчичей моих приметна; но скряжничеством и лихоимством, кажется, они душевно гнушались. Тяжбы и ябедничество были весьма употребительны и преимущественно между шляхетством. Ссоры и драки у простолюдинов случались, но непродолжительный и неувечный; ибо наиболее разделялись чубами, забиячества же были редки... Явная распуста была строго наказываема; волокитство, ежели сим именем назвать жениханье, было терпимо в простом народе, но никогда почти не простиралось до порочного и по большей части имело в виду супружество.

Сказавши худое, справедливость требует молвить сколько-нибудь о добре. Добронравие малороссиян обнаруживалось разительно тем, что они в сие время имели уже свое общее мнение, то есть не только злодей, порочный, даже своевольник были у всех и каждого в омерзении; начинающего сочлена беспутствовать каждый отец семейства считал своим долгом уговаривать, отговаривать, стыдить, унимать, и в случае неуспеха в том, по крайней мере, искренно отвергать¹

Дети были у родителей в полном повиновении, простиравшемся смертию родших относилось к старшим родственникам. Молодые люди обязаны были почтением всем вообще старикам. Вот черты, так далеко, что ни лета, ни звание не освобождали от онаго; сие за коих я по отъезде моем из отчизны нигде не приметил, и противодействия коим с первых дней для меня были крайне удивительны, даже несносны. Странноприимство и гостеприимство по всей Малороссии были исполняемы с истинным усердием и удовольствием. Супружеское состояние было беспорочно, надежно и тем похвальнее, что жены были полновластны во внутреннем хозяйстве и в своем поведении. Откровенность и дружелюбие были общи всему народу. Праздничать, веселиться, петь, плясать все

¹ (Дающих пристанище вора́м, и заведомо принимающих краденое, законы наказывают равно с преступником; в справедливом смысле: "Ежели бы некуда бы́ло сбывать краденого, на что воровать?" Обратите сие правило на злочинцев, кишущих тепе́рь в обществах; авось и они, подумав: "К чему злочинствовать?", уймутся хоть трохи).

любили; музыку умели чувствовать. Наряжались охотно; чистота и опрятность жилищ была повсеместна. Женщины, как и повсюду, убранством старались усилить свои прелести, но поддельных нигде не терпели; и набеленная, нарумяненная обегаема была, как явная к.....

К вере малороссияне все имели душевное прилепление; и по причине, что тамошнее священство было довольно просвещено, нужнейшие члены Закон и Церковное служение каждый знал основательно. Сие, я думаю, воспрепятствовало завестись у них разнотолковщине или бестолковым расколам. В храмы ходили охотно, привлекаемые нарядным служением и согласным пением. Но суеверие?., увы! сие адское детище и в благословенной Малороссии было почти повсеместно!..

II ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ или МОЛОДОСТЬ

Отъезд в
С-п-бург

Разность
воззрения

Принятие в
гвардию

Школа для
дворян в
Измайловском
полку

Определение в
школу

2-го марта 1770-го повезли меня из Глухова в С<анкт>-П<етер>бург; утопая в слезах, простился я с любезною Малороссией), как бы предчувствуя вечное мое из оныя удаление. До Орла я ничего ни видал, ни чувствовал. Тут, для облегчения моего крайне утеснительного, на камергерских повозках, помещения, посоветовали мне завестись собственной кибитчонкою, которая, в сотовариществе корнета Чигиринского, доставила меня к берегам Невы. Переезд мой до северной столицы не заслужил никакого моего примечания. Все города, и самая Москва, не произвели во мне малейшего внимания; я полагаю сему виною, что, живши в Киеве и видевши там строения довольно огромные и величественные, я по их размеру смотрел и судил о попадавшихся моим взорам; по сему: славимый русскими Иван Великий пред Киевскою Лавринскою колокольнею был в моих глазах столбик, как и Успенский собор гораздо у меня меньше значил Киевобратской церкви. От сего и санктпетербургские тогдашний строения ни малого не возбуждали во мне удивления; поелику, зная киевские, я об них воображал несравненно выше. 12-го апреля того году флигель-адъютант графа Кириллы Григорьевича Разумовского Петрищев, по-садя меня с собою в карету, отвез в полк и представил как принятого его с<иятельством> в службу господину премьер-м<айору> Александру Ильичу Бибикову. Сей, заглянув в бумагу, тогда же ему врученную, что верно была моя челобитная, спросил меня, где я учился? - и, отдавая бумагу стоявшему подле него офицеру, сказал: в школу. Отходя только от него, я увидел, что все его комнаты набиты были офицерами и унтер-офицерами, томящимися в двух передних, которые проходя как полумертвый, я слышал со всех сторон слово - недоросль.

В сие время умным и благотворительным Бибиковым заведено было в Измайловском полку училище под названием инженерной школы, для записывающихся в сей полк дворян, из которых большая часть едва знали грамоте, Заведение, без прекословия, весьма полезное, ибо тут учили: языки, математику, фортификацию, артиллерию и еще некоторые науки; для языков и высших частей математики были наняты учителя, для нижней же математики и арифметики употреблялись солдатские дети.

Снабженный аспидною доскою и грифелем, я был введен помещен между учащимися сложению. Представьте себе малороссиянина между москалями, киевского студента между школьниками, видящего, вместо важного профессора, в

оборванном, солдатского сукна сюртуке, с сковерканною рожею Артамонова, который его вопрошает: умеешь ли ты писать?.., а цифры?.. Вообразите, что он, остолбеневши от удивления, едва ли что отвечал; и потому г.учитель, сказавши другим школьникам: поучите его, братцы, сам удалился. Первый взявшийся меня учить, коль скоро услышал мою речь, тот час меня поподчивал: хохол; другие, вслушавшись, немедленно начали меня величать безмозглый, валю.... и проч. и проч.

Неприязнен
ность к
малорос-
сиянам

Встреченный так неблагоприятно учителем и столько злобно товарищами я вдруг, как и каждый бы на моем месте земляк, претворился в настоящую скотину. Потупивши глаза в доску, молчал и страдал. После обеда, решившись сесть особенно, я будто нарочно выставил себя <для> всеобщих нападков, от которых и добрый наш фельдфебель Сумароков едва ли мог меня защищать. Чрез несколько дней, привыкши, как к карканью ворон, к ругательствам русского благородства, я приложил все мое старание открыть, на чем вообще основали свое мнимое преимущество гг. мос<кали> над мал<ороссами>? Смотря на бедняков и мизирных, составляющих две трети благородного сословия, весьма явно видал изо всех их приемов, поступок и речей, что они были сущие мужики; приближаясь иногда к достаточнейшим, хотя и царапаемым, я примечал, что большая часть и от них, даже воспитанные иностранцами, весьма ограничены в знаниях, особенно касательно словесности. Откуда же? и от чего подобное предубеждение? По строжайшему розысканию, виною сему: старинная, как бы природная всем русским, ненависть ко всему иностранному и невежественное презрение всего неотечественного. Сей недостаток в м<оскалях> едва ли когда-нибудь истребится? Я, живши более 40 лет между ими, знаю их во всех состояниях; по совести скажу, что глупое сие самохвальство есть еще и теперь вельми общее всему народу. Любопытный может ежечасно в том уверяться; заговори только о чем бы то ни было иностранном, и тотчас услышатся самые нелепые отзывы; не от одних брадоносцев; нет, по сей части, дворянин, приказный, военный, даже ученый, все являют себя сущими мужиками.

Вина
неприязни
русских к
малорос-
сиянам

Негодование
до упрямства

Дурной нос Артамонова, и нападки сотоварищей, произвели во мне негодование до упрямства. Напрасно величаемый безмозглым, я пустился из доброй моей воли в дураки, притворяясь непонятным до того, что учитель и начальники, уставши разговаривать-рапортовать меня еженедельно ленивцем, выключили наконец в роту.

Служба фронтовая мне также не понравилась; но я и тем был уже доволен, что, не находясь под подлою ферулою, определен был вертеть ружье, поворачиваться, топтать ногами, как бы делать

Худой
служивой

что-нибудь путное. Признаться, однако, со стыдом должен, что я во все продолжение моея четырехлетней службы был неизменным самым худым служивым, точно имея природное от нее отвращение, что деспотическое по оной управление еще более во мне усиливало. В сей роте служил земляк Сохинский капралом. И по чину своему, и по землячеству он был для меня великою находкою, и ежели бы не так скоро выбыл он в армию, я думаю, из многого худого гораздо было бы у меня меньше.

Служба
худого не
исправляет

Хотя воинское звание по наружности имеет вид строгого присмотра, но в самом существе едва ли какое другое <из> общественных состояний доставляет более своеволия. Умел только опрятно одеваться, проворно вертеться, раболепнейше повиноваться - вот и желаемые качества в военном. Нравственность же, ежели в котором полку, по каким-либо особнным обстоятельствам, не уничтожается совершенно, то не наблюдается ни в одном; наказывают не за то, что крадут, отнимают, грабят и проч., но за то, что не умеют концов хоронить. А о другом и говорить не для чего.

С первых дней моей службы, увидевши себя совершенно в моей военной жизни независимым, я начал тотчас во зло употреблять сию свободу. Правда, девять месяцев, пока я не жил в полковых казармах, нельзя по строгой справедливости назвать порочными; но, проживши их в совершенной праздности, удален бывши сообщества порядочных людей, я всматривался и навыкал быть негодяем. Болезненно мне сказать, что первые лекции распутства и мотовства начал я в сообществе земляков.

Благо и
зло от
земляков

В сие время были в С-П-бурге два прокураторы, гг. Андреянопольский и Острожский. Оба по своей части весьма сведущие: славные писцы и довольно, по тогдашнему, знакомые со словесностию. По делам в Сенате имели покровителями много вельможей; по своим качествам знакомы были с лучшими деловыми и учеными людьми, особенно со служившими тогда в Комиссии о сочинении проекта Н<ового> Уложения. Значительные свои доходы проживали благородно, имея хороший стол и ежедневно гостей. Лучшее занятие тут бывало: веселая беседа, шутки, нередко карточная игра; к вечеру непременно дионисияки; но пунш и б.... никогда не употреблялся. Введенный в сие общество, я приласкан был за мои знания, скоро приобрел любовь за мою живость и сделался для сего общества интересным. Не скажу, чтобы они были ординарные профессора сих наук, но нельзя же потаить, чтобы не в сем сообществе научился я роскошествовать, узнал вкус в винах, а важнейшее - держать расходы, не справляясь с собственным карманом. Корысть была, есть и вечно будет побуждением ко многим злодеяниям. Обожаемый мною Острожский, полюбивши моего мальчика

Матюшку, хотел всевозможно его себе присвоить; дял сего не посовестился заводить меня в долг, и окончил, принудивши, можно сказать, некоторым образом дать первый вексель. Чрез сей приятельский поступок, шагнувши раз по мотовской дороге, я не умел уже никогда со оной удаляться. Ничего я так глупоохотно не делывал, как составление вечных долгов, без размышления оные уплачивать. От векселей до закладных, и потом до банковских обязательств, дошел я самыми скорыми шагами. Описывать все происшествии тогдашнего моего времени считаю не нужным, ибо они ничуть не занимательны, еще меньше поучительны" Дни провождать в трактирах, ночи с б....; быть отчужденну от порядочных обществ; не радеть о своей должности; угрызения совести за учиненный проступок заглушать поспешнее другим, и так от напасти стремиться к другой. Дело было общее всем нам мотам. Худшее самое в сем роде жизни то, что мотовство не иначе останавливалось, как совершенно погубивши несчастного юношу. Бедность, непременно спутница мотовства, скоро стала быть мне знакома; и о! боже! до каких уничижений она меня не доводила! Благодарю провидение, что и плохое воспитание предохранило меня от злодеяний. Так бедственно два года проживши, осквернившись всеми мерзостями распутства, окончил я сие поприще, заключивши себя в магистратскую тюрьму, что, при тогдашнем благодетельном правительстве, было обыкновенным безрассудного юношества уделом.

Причины,
пособству
ющие
распростра
нию
мотовства

Ни в оправдание мотовства, ниже во извинение мое, и подобной мне братии, глупости, я хочу показать здесь некоторые посторонние причины, пособствовавшие в сие время распространению бедственного распуты и гибельного мотовства. Я под сим разумею благонамеренных людей, снабжавших деньгами нуждающихся, под ручные заклады, на векселя, под заклад имений, с самыми умеренными, по десяти на месяц, процентами.

Ручные
закладные

Банкиры для ручных закладов находились из всех состояний, от дворянского даже до полковых фурлейтов; были самые многочисленнейшие и повсеместные, так что их во все часы дня можно было найти везде, даже в харчевнях и богадельнях. Некоторые же человеколюбивейшие ежедневно жаловали в трактиры, где проигравшему последние деньги тотчас помогали на часы, табакерку, шубу или фрак продолжать окончательно разорение. Так, я часто сам видал, как нашия первыя роты цирюльник Максимка, согибая свой хребет под ношею разнovidной одежды, и обременя свою десницу узлом вещей, шествовал медленно в казармы, тогда как наша братия, вельми облегченная от излишнего, бежала туда будто взапуски. А сколько же еще невидимо скрылись облегченные до камзолов и рубах.

Заем на
векселя

Банкиры вексельные были гораздо реже и, находясь все в купеческом сословии, имели некоторый род контор и прикащиков, исправляющих ремесло лазутчиков. Сии выискивали по городу и гвардейским полкам нуждающихся осведомлялись об их состоянии и возможностях, составляли предварительные условия, то есть сколько их хозяин может дать в счет известной суммы наличными деньгами, сколько товарами, вещами, мебелью, за какие проценты и проч. и проч... Сих лазутчиков не худо можно уподобить ищейным собакам, принимающим для охотника дичь, с тою только отменой, что в охоте стрелок идет за собакою к птице дабы ее застрелить, а тут ищейка ведет мота к ростовщику, чтобы быть ограблену.

Заимодавцы под заклад имений были как бы гофбанкиры, не многие, и непременно дворяне, старающиеся свои небольшие деньжонки превратить в значущие деревеньки. Для пояснения операции сих человеколюбцев я представлю просто мое с одним из них дело.

Заем на
закладные

В нашем полку многие офицерские связи занимались благородными семействами, в том числе и г-на Строиловой, состоящая из жены, дочери и своячины, обитала в 4-й роте. Я, промотавшись уже до того, что остался в одном мундире с необходимою муницею, принужденным нашелся нанять квартиру в сей же роте в солдатском домике по 6-ти руб. на месяц с пищею. Не могучи появиться без денег ни в трактирах, ни в б..., я проводил скучные осенние вечера волокитством по полку, или спаньем дома. В один вечер является ко мне неожиданно нашего батальона подлекарь, слегка мне знакомый. После первых слов он мне говорит, что он идет от г-жи Стр<омиловой> и спрашивает меня: почему я с нею не познакомлюсь, что она обо мне с ним говорила, что она из нашей стороны, знает мою мать и родственников и проч. и проч... Будучи вельми не мастер с барынями знакомиться, я ему пробормотал несколько слов, на что он прибавил: она говорила, что она готова пособить мне, в чем нуждаюсь. Сие, как запах похмельному вину, тотчас возбудило мое внимание, и он, выпросив у меня, что было ему надобно, обещал завтра же притти ко мне с ответом. Ответ был самый благосклонный и тягостный: денег давали сколько угодно, но требовали на них в заклад крестьян; закладную, однако, обещали всевозможнейше совершением облегчить, при пособии супруга г-жи, который был сам член юстиц-конторы.

Увидеться, уладиться довольно было двух дней, и я имел у себя 500 руб., а г-жа Строилова>на 800 рубл. закладную на полгода. Не прошел месяц, еще две закладные на 600 рубл. и вексель ее сестрице на 400 рубл. А всего осчастливлен я в сем благодатном доме 1500 руб., обязательств же с меня взяли на 4

тыс.руб., которые и получили все сполна, как помянуто будет в своем месте. Прочитавши о сих операциях, способствовавших мотовству столь деятельно, не увидит ли беспристрастный читатель, что без них число мотов было бы гораздо умереннее?. Не будь сих грабителей, и кредит нашей братии мотов заключался бы весь у булочников и в лавочках. Иной благочестивый скажет: "не сильно было, вольно"; все равно хоть бы винить палимого горячкою за то, что он обопьется холодного и умрет. Не поспорю, что законы есть против лихоимцев; но не спорьте же и вы, ежели скажу, что они почти все выше сих законов и что на одного из них наказанного верно тысячи погибли их жертв.

Заключение

Говорят: "человек из всех животных есть самое привычливейшее". Сие я несколько раз в моей жизни испытал. Сетование, видя себя в заключении; воззрение на оборванных солдат, обнаженными палашами охранявших выход; зависимость от их начальника, который сам не более был, как гарнизонный унтер; сотоварищество, составленное из дворян, купцов, иностранцев, всех некоторым образом поровненных; зрелище, что тут иные ели, те пили, другие в карты играли, некоторые спали, многие лежали, и каждый помещался беззастенчиво где хотел, - производило в душе моей тесноту не более недели. Ко всему сему привык и два года провел в числе тюремников без дальнего роптания. Правда, заключение сие не так было строго: корыстолюбие из всего умеет извлекать свои пользы; неоплатные должники давали унтеру годового дохода около 5-ти тысяч рублей. Тут у места сказать нечто о несообразности наших узаконений, силою которых по вексельному праву всяк, из какого бы состояния ни был, несостоятельный заимобратель, подвергался суду магистрата, то есть купеческому сословию. Сим мечтали ускорить удовлетворением векселей; но на самом деле открыли лишь средства к проволочкам, к злоупотреблениям.

От всего
корысть

Пособие
матери, во
зло
обращенное

Мать моя, узнавши о моих мотовствах и моем уничижении, употребила все от нее зависящее, дабы вырвать меня матери, во из моя бездны, но средство, ею употребленное, не имело желаемого успеха. Она прислала нарочного, честного малороссийского маленького чиновника, дабы заплатить мои долги и, меня освободив, к ней привезть. Неопытность сего поверенного, достаточное развращение моего сердца, особенно корыстные наставления моих тюремных приятелей, все сие оборотили вверх дном. Выплачены закладные и несколько векселей, но на все у присланного денег не достало, и потому я остался неподвижным в магистрате, воспользовавшись на мою часть, за ложно данный вексель, несколькими сотнями рублей. Не могу без ужаса вообразить о моей жизни от сего времени, как я готов был на всякое злодеяние, и что один недостаток только в случаях не

Действитель-
нее от
матери
пособие и
выезд в
Москву

выставил меня злодеем. В конце <1>774 года двор отбыл в Москву, для празднования торжеств о заключенном с турками мире; мать моя, приехавши туда же с новоприобретенным своим зятем Афанасием Кирилловичем Лобысевичем, бывшим генеральс-адъютантом у графа Разумовского, исходатайствовала мне не только освобождение из заключения, но пожалование чином и отпуск в Москву; для выполнения сего, сама не пожалевши себя, прибыла на почтовых в С<анкт>-П<етер>бург. Так вырвавшись из беды, по неизреченной нежности материнской, при покровительстве довольно сильного моего нового родственника, я бы конечно мог все еще исправить, войти в порядок, продолжать службу выгодно и улаживать потихоньку о себе дальнейшее; но злая моя судьба определила о сем иначе.

Зять умный,
честный,
добрый,
сколько
можно
таковым
быть

Зять мой, 45-ти лет, из весьма бедного состояния, по уму своему и учению дослуживши полковничья чина, во время служения за свои достоинства и качества приобретши дружбу благородного вельможи гр.Р<азумовского>, своего начальника, живши всегда в большом свете, зная оный со всеми его коловратностями достаточно, бывши честен и добр, многих молодых людей по покровительству своему выведший на путь счастья, для меня, однако, ничего не сделал, ежели не поставить в счет милостей вывоз меня из Санкт-Петербурга с повышением унтерства. Буйные мои поступки и ежедневные с сестрою распри, может быть, отвратили от меня его сердце" Но что же доброта души и благотворение ближнему? Ежели бы я в то время мог нынешними моими, хотя и слепнущими уже, очами смотреть на свет и его обороты, конечно, моему милому зятю не много бы труда стоило устроить мое благоденствие. Мир праху твоему, любезный Афанасий Кириллович! Ты сам, утесненный ехидною твоею супружницею, омочавши иногда твоими слезами моих несчастных детей, примирил меня совершенно с тобою.

Попущение
своеволя

Проживши в Малороссии три месяца, с окончанием отпуска отъезжая в полк, я предоставлен был снова моему собственному о себе распоряжению. Вредные наклонности, не истребленные, ожили во мне с новыми силами. Я снова предался необузданному исканию веселостей, наслаждений и скоро снова пустился странствовать по смердящим болотам распусты.

Хотя погруженный в распусту, и преданный всем порокам своеволия, я долженствовал бы, наряду с прочими, быть не иным чем как негодяем, но малороссийское и плохое воспитание удержало меня от всесовершенной гибели; я под сим разумею поселенную Киевскою Академиею во мне любовь наук. Принятый в общество гг. Андр<еянопольского> и Ост-рожского, о которых я уже говорил, кроме их ласковостей и часто умных бесед,

Небольшое
спасение от
чтения книг

значительная библиотека лучших российских книг, у них имевшаяся, немало меня привлекала их посещать. Тут, не досыпая иногда ночей, познакомился я с Ролленими, Ле-Сажамми, Вольтерами и получил такое пристрастие к чтению, что никогда, никакое занятие не брало по сеи день у меня поверхности над оным. Так, в карауле, в трактирах, в б... я всегда имел товарищем книгу, как и в заключении моем занимался переводами. По страсти к чтению, не трудно поверить, что я имел любопытство и то узнать, чего в книгах не печатали.

Способы
через которые
получались
сведения

Тогдашняя гвардейская служба доставляла любопытным много способов научиться. Сословие офицеров составлялось по большей части из сыновей знатнейших вельможеских домов. Сии молодые люди, воспитанные отлично, по связям своих семейств и по близкому допущению ко двору получая познания почти из источников, передавали оные нескольким низшим подчиненным, которых, как свою братию дворян, особенно хорошо воспитанных, они принимали в свое сообщество. Богатейшие с воспитанием же унтер-офицеры, выбираясь к полковым начальникам бессменными ординарцами, состояли у них как бы домочадцы, сопровождая их при всех выездах и принимаясь с ними, как благородные, во все общества и дома, имели довольно случаев многое видеть и слышать. Ученые и знающие чужестранные языки унтер-офицеры находились при Иностранной Коллегии для курьерских посылок. Сии, часто бывая в чужих землях, проживая там по несколько месяцев при министрах и возвратясь в отечество, доставляли своей братии сведения, иногда самые интересные. Батальон гвардии, сопровождавший графа Орлова в Архипелаг, и довольно времени проживавший в Италии, сколько привез с собою преважных новостей? По сему, и еще что прилагал особое старание знакомиться и сыскивать доверенность иностранцев, и более ф<ранцузов>? читателю моему не покажется затруднительным, что я осмеливаюсь говорить о политике.

Знакомство с
иностранцами

Европа, после Кайнарджицкого мира, находилась на сей раз в покое.

Легкий
абрис
Европы

Португалия, защищенная Англиею от нападков Гишпаниии, наслаждалась спокойствием и, в тишине обрабатывая свои богатые земли, произведения их отдавала своим покровителям; так что ее можно было почитать именем Великобритании.

Гишпаниия, сблизившись теснее с Франциею, продолжала суеверствовать и изуверствовать, от чего, как внутреннее ее хозяйство, так и торговля, были в худом состоянии; ибо богатые, ее колоний произведения, и самые металлы вырабатывала она для французов и англичан.

Франция, к концу царствования Людовика XV истощенная непрерывными войнами, роскошью двора, хищениями

королевских любовниц и крайне запутанная в своих доходах, не оставляла поддерживать свое тяготение над целою Европою; держалась на проложенной Ришельем и Мазарином дороге с переменою только своих политических связей чрез теснейшее соединение с Австриею. Основанием сему положен брак дофина со дщерью Марии Терезии, Марию Антуанеттою; но он, не одобряемый тогда же почти всеми благомыслящими французами, особенно впавшим в немилость министром Шоазелем, при неблагоприятных поступках младая дофина, начинал производить всеобщий ропот. Научение, особенно словесность, по легкости и чистоте французского языка протекши до последних состояний народа, открыли большей части глаза, дабы смотреть и видеть должностных особ, их деяния, их домогательства в настоящем виде; следовательно совсем не в том, в котором казалось их правительство. Злоупотреблении богатого французского духовенства, наглость высокомерия высшего дворянства скоро открылись, как одинакий дух, и расположение сие сословий от них, по естественному наклонению, неминуемо должно было коснуться престола. Сие время во Франции можно было почтить брожением умов.

Англия, торжествующая на всех морях, владычица богатых стран восточной Индии, производящая весьма выгодную торговлю со всем светом, старающаяся всеми дозволенными и недозволенными средствами оттеснить от оных другие народы, в сие время занималась подчинением своей воле свободных американцев, которые, почувствовав свои силы, требовали, чтобы их братья англичане поступали с ними, как с равными, а Великобритания хотела их иметь подданными.

Голландия, растучневши от своих непомерных богатств, лежала в безчувственной спячке. Почитаемая между первыми твердой земли и второю морскою державою, на самом деле была не иное что, как огромный преукрашенный бот, прикрепленный к английскому военному кораблю.

Италия, поработанная, существовала своими развалинами, древними истуканами, картинами, певцами, музыкантами, но сама собою ничего не значила. Папа, отученный от притязаний, держался на своем седалище одним ревнованием государей, нимало его не уважавших.

Германия, в своем древнем чудовищном составе, являла старого, дряхлого великана, которого и свои, и чужие щипали безбоязненно.

Пруссия, вознесенная умом, уменьем и отвагою Фридриха II-го на степень вторых европейских держав, была в сие время, по причине мира, может быть, самым счастливейшим государством.

Дания, при благоразумных своих правителях, была хозяйственна и покойна"

Швеция, обуреваемая внутри и слабая извне, ожидала от преемника престола перемен к лучшему.

Польша совершенно разлаженная и потерявши значительную часть своих земель, которые присвоили себе ее добрые соседи, шумела, донкишотствовала под ферулою российских посланников, уготовлявших ей окончательное разрушение.

Турция, побитая и униженная Россией, бросилась отдыхать на диван; покорна же будучи предопределению, она не видела и не хотела видеть готовимых ей снова соседкою занятий. Несчастные греки, в сию войну поднятые и оставленные Россиею, несли одни все мщенье своих жестокосердых мучителей.

Россия, после Петра 1-го мало имевшая участия в делах Европы, в царствование Е^{катерины} II-я приняла на политическом театре действительную ролю. Она показала себя во уважительной осанке; дружеские же, Англии и Пруссии, расположения обнадежили ее первую выступы Внутреннее ее состояние, хотя не обработанное, было не повреждено и довольно мочно. Изобилие и дешевизна первых потребностей жизни соделывали народ здоровым, веселым и на все годным. Торговля, хотя и в руках иностранцев, приносила, по причине великого плодородия земли, важные прибыли. Словом, мы столько были внутренне благополучны, что для семилетней, оконченной со славою, войны, не более 30-ти копеек прибавлено подушных; что цены во все продолжение войны ни одною копейкою ни на какие вещи не возвысились; что курс наш держался всегда около 30-ти штиверов; и, наконец, что деньга золотые, серебряные, медные и ассигнации ходили для всех в своей истинной цене.

Торжественное
миро

Е^{катерина} II, расстроением Польши, победами над турками и отторжением от них Крыма сыгравши первое действие своея политическая фамы довольно удачно, вздумала народ свой занять, ослепить и Европе бросить несколько в глаза пыли блистательными торжествами и премудрыми новыми, ежели не законами, то учреждениями. Для сих важных дел назначена была древняя столица и целый 1775 год.

Торжественные
ворота на
скорую руку

Мелодрама открылась наряднейшим императрицы въездом в Москву, предшествуемой и сопутствуемой блистательным двором, видными полками телохранителей и бесчисленным народом. Торжественные ворота, взгроможденные на скорую руку, хотя из лубков и рогож, но раскрашенные, раззолоченные и в приличных местах убранные соответственными предмету картинами, восхищали всех до безумия; к чему присоединяя военную музыку, колокольный звон и пушечную пальбу, каждый

может себе вообразить, что сие очаровательное явление, не взирая на лютую зиму, было бесподобно.

47
милостей

В марте месяце государыня, при торжественном заседании в Сенате, пожаловала народу 47 милостей. Сии милости, для овековечивания их внесенные в Государственную Хронологию, по суждению некоторых крутых голов, не стоили одной дельной. Затем скоро появилось новое учреждение, или совершенное преобразование правительственной махины. Все переновлено, даже до наименований: губернии названы наместничествами, губернаторы правителями, воеводы городничими и проч. и проч.

Учреждение
наместничест
ва

Судебные места умножены со умножением в них чиновников, так что иная губерния, управляемая прежде 50-ю чиновниками, разделившись по сему учреждению на четыре наместничества, в каждом имела до 80-ти судей. Умножение судейских мест, конечно, открыло многим бедным семействам средства к существованию, ибо жалованье по тощавшему времени назначено было довольно достаточное; но грубый хлебопашец скоро почувствовал от сея перемены невыгоду, поелику вместо трех баранов в год должен стал возить их до 15-ти в город,

Совестный
суд

Учреждение Совестного суда, с важным преимуществом решать дела без переносу, в решениях придерживаться более совести, нежели закона, дела по суеверию или изуверству, дела слабоумных и малолетних, которые составляли важнейшую его обязанность, заставило во всей Европе пропеть и вострубить Е<катерины>ну мудрость. Славный тогда Мерсье сгоряча написал: "Заря благоденствия рода человеческого занялась на севере; владыки вселенный, законодатели народов, спешите к полуночной Семирамиде и, преклонив колена, поучайтесь; она первая учредила суд Совести!" Номы, россияне, для которых собственно великая законодательница изобрела сии спасительные суды, мы скоро на свой счет узнали, что они были одна кукольная игра. Каких дарований, знаний не долженствовал иметь совестный судья по одним делам колдовства, которое, в невежующей черни, сколько многочисленно, столько, по нелепостям и сумасбродствам, разнообразно! Бывали примеры, что последствиям земских судов целые семьи обнаруживались преступными в колдовстве: одни как колдуны, другие как заколдованные, утверждающие сие своими собственными признаниями сего. Какое искусство, какая сила речи потребны судье, дабы образумить сих несчастных и истребить в них вредные нелепости, ставшие им как бы врожденными! Касательно разбирательства тяжёбных дел, сии одни, конечно, могли бы существенную доставлять обидимому пользу, ежели бы учреждение точнее уполномачивало сей суд в производстве дела. Когда один из тяжущихся, и несумлительно справедливейший, желал предать разбирательству Совестного суда свое дело, тогда

другий, и непременно виновный, от одного отказывался; и суду не только не дано силы его принудить к явке, ниже права его позвать, или записать и сделать гласным его злонамеренное сопротивление. Так желание благонамеренных быть судиму по совести уничтожалось, и ябедники безбоязненно продолжали угнетать беспомощных. Можно утвердительно сказать, что, во все время существования сих судов, едва ли десять дел произведено в оных надлежащим образом. Я, четыре года живши в доме совестного уфимского судьи, видел как его Алешка, бутуз, гонял со двора несчастных чуваш и мордвов, притекавших к совестному правосудию; как судия сам хвастал что в двенадцать лет судейства и двенадцать дел не поступило в суд. По наведываниям в других губерниях совершалось то же.

Привелегии
дворянству и
городам

Важнейшим и точно полезным пожалованием можно бы почтить Права и преимущества, дворянству и городам данные, ежели бы мы умели читать и понимать. В другом европейском народе подобные узаконения произвели бы неминуемо во всем полезные перемены; но Е^{катерина} знала основательно своих ^рабов и твердо была уверена, что они не только не воспользуются даруемой свободой устраивать свое счастье, но не поймут ни содержания, ни силы ее благоволения, и что она, не отваживая ни малейше сим смелым поступком своего самодержавия, бросит пыль в глаза Европы и обморочит потомство. Сие все в точности воспоследовало: во всех собраниях дворянства, кроме нелепостей, споров о пустяках и ссор, никогда ни одно дельное дело не было предлагаемо. Люди благонамеренные, со знаниями и с душами, или правительством под различными видами были устраняемы, или, ежели случались во оных, были заглушаемы кликами черни. Так, скажу смело, и всяк благомыслящий меня одобрит, что у нас людей со сведениями весьма не много тогда было, потому что одни лучшие и достаточнейшие дома чрез воспитание доставали знания, что из сих домов наполнялись двор, гвардии и важнейшие места в столицах, и что в губерниях таковых особ было весьма мало. Жившее же в деревнях дворянство, по грубости своей и бедности редко даже бывавшее в своих уездных городах, с нуждою наученное читать и писать, не справедливо ли я назвал чернью? И сия то благородная чернь, будучи самая людная, составляла дворянские собрания.

Надобно отдать Е^{катерине} справедливость, что в нескольких дворянства с правителями расприх она принимала сторону дворян; но сии борьбы были маловажны и редки, ибо по духу рабствования и невежества дворян правители гнули и вертели его, как податливый тальник, во всех смыслах. Вот одна из истин, которая многим моим соотечественникам не понравится; но по

совести скажите, выдумал ли я ее? Нужны ли вам доказательства? Я приглашаю каждого честного и беспристрастного человека поверить пересмотром собрания из их губерний. Впрочем настоящее мое о сем есть совершенно напрасное. Собрания сии, существуя более тридцати лет, ни сколько не улучшились, то есть не научились не только более ценить общественную пользу, или об ней радеть, но, предавшись повсеместному стремлению, так же: "всем торгуют, да и в ус не дуют".

С сего времени Е^{катерина} перестала себя слишком принуждать, и в четырнадцать лет владычества, высмотревши, что народ русский есть самый поводливый и нещекотливый, пустилась наслаждаться всем, без многих оглядок. Любимцы ее не имели до сего никакого важного значения в правительстве: Орлов, не взирая на то, что он был генерал-фельдцейхмстер, генерал-адъютант и подполковник конной гвардии, по делам почти был неприметен и до того скромн, что в каждый праздник ездил с утренним, по тогдашнему заведению, поздравлением ко всем вельможам. Но в сие время возсиявший полный генерал, граф и скоро князь Потемкин, приняв во управление вообще всю военную часть, и особенно гвардии Преображенский полк, сделан Новороссийским наместником, с неограниченною властью созидать, разрушать, не даючи в этом никому никакого отчета. Сей честолюбец, овладевши сердцем и умом своея государыни, видя, что вельможи, по причине низкости его происхождения, не уважают его возвышения, решился и в короткое время успел всех знатных бояр удалить от двора и наполнить оный, гвардию и все важнейшие места своими приверженца Князь Вяземский, генерал-прокурор, по гражданской части был истинный визирь, владычествуя самовластно не только в губерниях, но и в самом Сенате. Описывать деяния сих двух мочных Сатрапов здесь не место; я упомяну о сем в свое время; теперь же поставляю нужным сказать несколько о тогдашней нравственности.

Вера, не тронутая в своем составе, начинала в сие время несколько слабеть: несодержание постов, бывшее доселе в домах вельможеских, начинало уже показываться в состояниях низших, как и невыполнение некоторых обрядов, с вольными отзовами на счет духовенства и самих догматов, чему виною можно поставить теснейшее сообщение с иностранцами и начавшие выходить в свет сочинения: Вольтера, Ж.Ж.Руссо и других, которые читались с крайнею жадностию.

Нравы по сему же, хотя начинали умягчаться, но с тем вместе и распутство становилось виднее. Многие женщины, особливо из знатности, имели гласных любовников; мужчины в сем от них не отставали; волокитство, хотя и с тонкостию, шло своим чередом; б... умножались не напрасно; но со всем тем публичные забавницы

Появление
всемоущего
временщика

Гражданский
визирь

Через tolerance
indeference

Нравы
умягчаются,
сердца
распущаются

не смели еще являться под своею собственною вывескою, или помещаться в порядочных обществах; никто еще не отваживался тщеславиться содержанием девки, паче жить с нею в одних покоях и являть ее хозяйкою. Сие не только было зазорно, но и подвергало молодого человека ответственности.

Роскошь во
младенчестве

Роскошь приметна была только у знатных и богатых людей; ибо другие состояния, не познакомившись еще со утонченностию сластолюбия и сладострастия, хотя сладко ели, пили, щегольски одевались, но сие, по тощашнему времени, не могло составлять важных издержек; щегольство же мебелью, экипажами, картинами, истуканами и проч. было еще весьма редко.

Корыстолюбие
в юношестве

Корыстолюбие, со всем своим племенем, единовременное, может быть, всем человеческим обществам, в невежествующем народе, конечно, имело всю свою деятельность. Мы имели уже в купеческом отделении своих Гарпагонов, Каржавиных, Чечулиных; в подьяческом роде взяточбраловых, которые, пробившись и в вышнюю степень, не изменяли своей крови; таковы были: Терские, Ананевские, Бельские; но самое взяточбрательство было в тогдашние времена весьма еще маловажно, как по цене, так и по своим последствиям, ибо оно по большей части относилось к тяжбым делам, где одна сторона платила, дабы другую разорить, или к откупам, к подрядам, к поставкам и проч. и проч. Покупка же чинов, мест, должностей вельми еще тогда была необыкновенна. Правда, получались и сии не всеми законно; но доставляло их одно покровительство вельможей, которых тогда еще не покупали, да и знакомство с ними не для всех было удобовозможно.

Возвращение на
прежнее

Возвратившись в конце июня в Москву, я был зрителем и несколько участником блистательных торжеств и веселий, ращение которые описывать, однако, считаю ненужным, ибо в них, кроме обыкновенного, ничего не замечалось особенного. Для сего торжества императрица пожаловала свою гвардию позволением облегчиться ей от многочисленного дворянства выпуском в армию и отставку.

Отставка

Я не пропустил случая сделаться совершенно свободным, чтобы вести ничтожную жизнь; ибо признаться должен, что я испросил себе увольнение от службы, не имея начисто ничего в предмете. Старинный мой знакомец г.Острожский, столкнувшись со мною в Москве, пригласил жить с ним вместе, на что я согласился тем охотнее, что сей человек, несмотря на то, что по наводнению его посажали меня в магистрат, был мною всегда любимый, как единомышленник и сочувственник мой. Еще отставка моя не воспоследовала, а казна моя была уже истощена; по сему одному соединение мое с г.Острожским сделалось для меня необходимостью. Он, продолжая по-прежнему

Соединение с
Острожским

Намерение
ехать в
Малороссию

адвокатствовать, вел жизнь почти петербургскую, то есть мы ели, пили сладко, засыпали весело, не заботясь о будущем. Я, напуганный магистратом, в Москве остерегался заводить долги, и для сего бегал всех знакомств, довольствуясь быть в сообществе попов и провождая время в волокитстве за попадьями. Год проживши таким образом и истощившись гардеробом, чему одному г.Острожский не мог пособлять, я решился наконец отъехать в Малороссию. Доброхотные извозчики, знающие моих родственников, свезли меня в Почеп со всеми от себя издержками.

Опасные
следствия
распутства

Не должен пропустить здесь происшествия, в котором не от меня зависело, ежели я не учинился злодеем. По связям моего товарища г.Острожского, один из его знакомцев, петербургский немчин Фридрих Тауберт, молодец, можно сказать прошедший сквозь огонь и воду, на ту пору бывший в Москве шляпником, сильно мне не понравился за его наглое старание обманывать моего товарища. Открывши ясно г.Острожскому его мошенничества, я мало успел, и г.Тауберт, умея все употребить для своего поддержания, не поскупился к своею женою.

К концу моего в Москве пребывания, товарищ мой все узнал, да поздно; и Тауберт, открытый, но сделавший свое дело, продолжал нахально с ним знакомство, бывая часто у нас. Он столько же на меня злился, сколько и я его ненавидел; но в Москве он меня устранился, я его удалялся, а потому враждование наше было без всяких следствий.

В день моего выезда, товарищ мой, хозяин и еще несколько наших знакомых, вздумали проводить меня до заставы, и когда мы совсем уже готовы были выходить, вдруг является на лихом извознике и довольно нагрузивши голову Тауберт, будто бы проститься со мною, Я поцеловался сухо, садясь на большие дрожки с хозяином, и думал, тем дело кончилось.

Но, приехавши к заставе в сумерки, когда мы расположились выпить кой-что привезенное для прощанья, явился между нами, с обыкновенным своим бесстыдством, и Тауберт. Закипел было я, будучи уже гораздо за полпьяна, но, удержанный хозяином, успокоился, продолжая с ним беседовать. Так прошло несколько минут, и я хотел было со всеми распрощаться и ехать, как, взглянув в сторону, вижу, что мой Острожский, в хмелю весьма не спокойный, спорит с Таубертом. Воспламенясь снова, подхожу и начинаю тем, что ударом по голове Тауберта сшибаю с него шляпу, под видом: как он смеет стоять перед офицером в шляпе? Он бросается на меня, но от второго удара катится к своим дрожкам; я, считая бой конченным, обращаюсь к своей компании; сия торопливо и, не прощаясь уже со мною, садится на коней и уезжает. Возвращаясь, чтобы найти Острожского, вижу опять Тауберта, держащего что-то светлое в руке и, крадучась,

подходящего. Я, обежавши тенью на его сторону, схватываю его за горло, отнимаю у него старую, обнаженную, однако же шпажонку, бросаю ее в сторону, тужу его, он меня, повергаю его к моим ногам, но он вывертывается, бежит к дрожкам, садится и уезжает; я же, преследовавши его в темноте, набегаю на забор и нехотя останавлиюсь.

Постоявши несколько и намереваясь уже воротиться к огню, слышу двух разговаривающих не очень далеко от меня в правой стороне; прислушиваюсь, отличаю ясно Таубертов голос, устремляюсь на него, но чувствую себя удерживаема сзади; при словах: куда вы сударь? - оборачиваюсь; это был мой Ванька; велю ему за собою следовать; в молчании подкрадываюсь к дрожкам, и слышу слова: "нет, не еду, не доконавши его"; бросаюсь на говорящего, схватываю его за волосы; лошадь от испугу помчалась, задевши меня колесом, опрокинула на землю и моего врага, держимого мною крепко за волосы. Для полнейшего наказания мне желалось иметь свидетелем моего товарища; для сего поверженного на землю злочинца потащили мы с Ванькою к нему. Но по причине темноты, сшибшись в поворотах, вместо заставы, бывшей от меня, конечно, не далее ста шагов, я пустился поперек поля к Серпуховской дороге.

Таща и по временам тузя нашего пленного довольно долго, и не только не приближаясь к заставе, но, видя, или лучше, чувствуя себя совершенно в пустом месте, я опомнился, бросил страдальца и, схватя Ваньку за руку, ударился с ним почти бежать. Темнотою, однако, паки запутанный, отправился я в лес, и шедши более часа около заборов и нескольких строений, начал слышать бой часов еще левее и скоро, по представившемся мне огромному строению с высокими башнями, догадывался я, что нахожусь у Симонова монастыря. Затрепетал я во всем моем существовании, сообразя все происшествии сея гибельныя ночи. Собравшись несколько с мыслями, первое что сделал, обратился, чтоб вернее итти к заставе.

В тогдашнем моем наряде и с моим видом, всяк почел бы меня разбойником. Испачканный кровью халат; изорванная такая же рубаха; растрепанные, дыбом стоящие волосы; почти босый, ибо бывшие на мне для дороги туфли в барахтаны потеряны. Пробираясь по усталости весьма медленно к желаемой заставе, я размышлял с ужасом о всех происшествиях, и боялся более всего, - не убит ли Тауберт? В сем тревожении, при начинавшей светлеть ночи, увидел мой Ванька и показал мне идущего на нас довольно скоро человека, от которого, едва увернувшись к случившемуся тут забору, я заметил, что это был мой немчин, выбитый по-видимому из памяти, направлявший свои стопы от Москвы прямо в поле. Обрадовавшись невероятно, что буйство мое не сотворило

меня убийцею, я попустил ему удалиться и, отошедши несколько от того места, сел отдохнуть. Звон в Москве к заутреням поднял меня в поход, и я с великою нуждою на заре прибился к постоялым дворам, находящимся у заставы, где нашел извозчиков моих, выпрягши лошадей, спящих, товарища же моего в моей повозке храпящего. Разбудивши всех, пока запрягли коней, я пересказал Острожскому все мое похождение; потом, простясь с ним, пустился печально в мой путь. Вот происшествие, которого я никогда не могу вспомнить без содрогания сердечного, и не знаю сам, почему оно так тяжело лежит на моей душе; разве потому, что тут я точно был обидчик, и сея обиды никогда ничем не загладил. При воспоминании гораздо важнеего побоища, как будет сказано ниже, я гораздо бываю равнодушнее; может быть потому, что тут и мне досталось препорядочно, и обиды заплачены по возможности.

Приезд в дом

Мать моя искренно обрадовалась моему возвращению, и от радости плакала, видя меня при золотом темляке. Обстоятельства мои между тем были самые хлопотливые. Мать для выкупа меня из магистрата принуждена была не только все скопленное издержать, но многое продать или заложить, так что по возвращении моем в Почеп, я нашел мое имение, состоящее в одном огромном, но пустом городском доме, в плохой мельнице и в нескольких семьях крепостных людей; к тому, вотчим мой на меня гневался и зять сердился, так что мне и приютиться было негде.

Затруднительные
обстоятельств

Другой на моем месте тихостию, угождением старался бы сие неблагоприятствование исправить, что и не вельми затруднительно было; но моя буйная голова придумала со всеми ссориться, бороться и начало сему учинила, поместивши меня в пустом доме.

Запорожская
сечь

Как люди мои, по причине нашего всегдашнего в детстве житья в доме вотчимовом, жили и в сие время у него же, а некоторые у сестры, я тотчас решился перезвать их к себе; но учинить сего добрым порядком не могли, увидел я явившихся ко мне одних мушкетеров без жен и детей. От сего жилище мое походило на Запорожскую сечь. 18-ть человек мушкетеров и ни единыя женщины, не имея ни основательного содержания, ни должного занятия, всегда праздные, часто пьяные, не восприимчивые ни в каких шалостях, скоро стали страшны всему городу.

Буйная жизнь

Ежели бы описывать все деяния, учиненные мною в сей бедственный год, можно бы ими наполнить несколько тетрадей. Все то, что буйная распушта имеет отвратительнейшего и порочнейшего, производимо было мною без малейшего зазрения. Ни чин, ни леты, ни родство, ни знакомство не защищали никого от моего буйства. Дюжий сам по себе и подкрепляемый 18-ю

забияками, на что я не отваживался? Сколько раз я был близок сделаться убийцею и убитым; что особенно хочу изъяснить в приключении монастырском,

Острожский, приехавши по своим делам в Стародуб, вздумал посетить меня в Почепе. Что отпраздновали мы с ним несколько дионисияк со всеми принадлежностями, сие само собою разумеется. На одной из них случился подгороднего Костянского монастыря строитель, чернец во всем смысле. Знакомство и приязнь свести ничто не препятствовало. Приглашение посетить святого отца в его келье принято без прекословия, и на выполнение оного провожание приятеля стало предлогом.

В ясный осенний день после обеда, на тройке удалых, с тремя залетными молодцами, отправился я провожать гостя. За обедом и при выезде выпито было, видно, порядочно, поелику я, прибывши в обитель, едва мог различать предметы. На беду товарищ мой в хмелю был один из задорнейших, а тут случился в гостях какой-то панок, с которым у Острожского моего скоро начался диспут, а там и сражение.

Я, богословствуя с отцем строителем, был в самом дружеском расположении; но, увидавши моего друга, как и в Москве, обижаема, бросился на несчастного его противника и, одним ударом кулака сразивши с ног и лишивши его памяти, готовился топтать ногами; строитель и двое собеседовавших монахов кинулись меня удержать. Тут, закипев от ярости, я сам не знаю в точности, что происходило. По рассказам же людей и монахов, у отца эклезиярха с первого моего розмаху бурая будто отгорела; у отца строителя два зуба пошатнулись; люди мои, услышавши драку, ворвались в монастырь, и тут уже началось настоящее побоище. Я, разогнавши монахов по саду и явившись неожиданно между бойцами на монастыре, встречен был всем, что только служкам в руки попадалось; из которых одна вещица, видно довольно полновесная, растворив мне на двое лоб, столкнула на землю; и людям моим, также избитым, не осталось иного делать как спасти мое великотеlesие; почему, вытащивши меня кой-как за монастырские ворота и вваля в повозку, отправились в город.

Проспавши мертвым сном до утра, я содрогнулся, приведя на память происшествии вчерашнего дня, и по вопросам об окончании сражения, почти на верное полагал кого-нибудь убитым. Но милость божия явилась еще на мне: посланный для осведомлении, возвратясь донес, что безбородых, беззубых, с переломанными боками и ребрами находилось довольно, но убитых, даже тяжело раненых, ни одного. Сие доставило мне некоторую отраду, хотя посол мой пересказывал притом, что св.отцы сочиняют на меня жалобницу и грозятся ничего не пожалеть для обнаружения моего разбойничества.

Вечером, с завязанною головою, в сотоваршествовании одного известного городского законника, пустился я в обитель для утешения сего дела. Затруднении представили очень много; но старанием и убеждениями искусного моего адвоката, все пошло гораздо глаже, нежели я думал, особенно когда показал я на моей офицерской башке преогромный провал. Окончилось все порядочною вечерею, за которою я, по великодушию, монастырю поднес на молитвы несколько осмичек гречихи и раненым несколько рублей. На другой день я отправился лечиться в Стародуб, а монахи вылечились, как знали, дома.

Так кончился один из гибельных моих подвигов, где явным милосердием Божиим удержано смертоубийство. После сего, истощенный во всем, я принужден стал вести жизнь гораздо тишайшую, хотя не добродетельнейшую.

<1>776 год в жизни моей есть один из доетопамятнейших тем, что от буйства моего в сем одном году лилися слезы и несколько кровь моих братии, чего ни до того, ни после почти никогда уже не случалось. Я сам себе удивляюсь, когда подумаю: как мог я тогда сделаться столько жестокосердым? По природе моей не только бить самому, но и видеть наказании, было всегда и есть теперь тягчайшее для моей души. Как справедливо написано: "в пороках и злодеяниях первый шаг несколько затруднителен". Как, нагнувши раз, всяк быстро потечет ко злу! А возврат? Сколько редок, столько и труден.

Человек по природе более ко злу, чем к добру склонен

Говори, пой, кто хочет, обманывая несчастных смертных, будто человек по природе ни худ, ни добр; тем и другим делается по воспитанию. Но, взойдя всяк в беспристрастное розыскание своих деяний и чувствований, не должен ли будет по совести признаться, что он всегда открывает в себе более склонности ко злу, нежели к добру. Самое лучшее, бдительнейшее, по истинной философии учрежденное воспитание, куда направляет все свое внимание и тщание? Не к вошрепятствованию ли усилиться худым влияниям дитяти, а не ко усилению добрых? Дитя еще у сосцов матери, как только начинают его члены действовать, тот час все попадающееся в его ручонки любит рвать, истреблять⁵ терзать. Попустим сие его несмыслию; но двухгодичный младенец, понимающий уже с ним говорящих, умеющий сам изъяснять свои надобности, к чему более являет склонность: созидать, питать? Кто более и охотнее мучит несчастных слабых творении, как не дети? С самых сих лет до возмужалости, наставники, учителя чем более заняты, касательно своих питомцев, утверждением ли их в добре, или удалением от зла? Представим разительнейшие доказательства: пустим в свет двух 18-ти-летних юношей, с одинаковыми, сколько можно, душевными и телесными качествами; из коих бы один был воспитан по строжайшим правилам Ж.Жака,

или Жанлисы, а другой наученный только слегка грамоте. Первого, как достаточно наставленного в знании зла, со всеми проистекающими от него бедствиями, и добра, с доставляемым от него благоденствием, попустим жить без всякого надзору; другого же, как истинного невежу, подчиним власти надежнейших наставников; пять лет достаточно для опыта, и вы увидите, что первый едва ли удержит четверть приобретенного добра, а другой едва ли столько потеряет зла; и оба на верное научатся лицемерить. "Из всего в природе ужасного, Человек есть ужаснейшее".

Je difsipe bien Cruettement,
votse amour - p'opre, Mais jen'en
parle pas moms Vrai.
Senelos.

Буйственная моя почеповская жизнь истощила окончательно все средства к моему в Малороссии существованию. Дом, мельница и вся хутора перешли к другим. В такой крайности иной на моем месте, по необходимости, искал бы у родственников, которые точно готовы были мне помочь, даже зять сам заговаривал о примирении; но своеволие, наполняя всю мою душу, направило мои мысли к такому предприятию, которое один злейший мой враг мог бы только мне присоветывать,

Я решился ехать в С<анкт>-П<етер>бург, не имея ни средств там себя содержать, ниже какой-либо надежды улучшить мое положение службою или определением к какому месту.

Бедная моя мать, терпевши много от моих беспутств, хотя о сем никогда на меня не роптала, согласилась на мое бедственное предприятие, уловленная моими лживыми обещаниями, что я еду точно для определения себя в службу.

Сие последнее мое расставанье с Малороссией) соверши-лося в феврале 1777 года. Бедная кибиточка, пара плохих лошадечек потащили меня кой-как, в сотовариществе одного Степушки, во град Смоленск. Сей путь я нарочно избрал, как более соответствующий моей казне и на котором мое плохое состояние менее подвергало оскорблению мое самолюбие.

Дорога на наемных, по лесам Смоленским и болотам Псковским, при роздыхах и ночевании в бедных избушках, вельми была не на мой сибаритский вкус; но переменить сего было нечем, и я в три недели насилу дотащился до С<анкт>-П<етер>бургской Ямской,

Расплатившись с извозчиком, по справке казны моей боярской осталось у меня 35 руб.; в вещах ничего важного; одежды и белья сотни на три. Не выходя еще из Ямской и невольно обративши взор на мое положение, я видел себя уже на валах бурного

От
своевольного
упорства
гибельнейшее
предприятие

С<анкт>-П<етер>бургского моря, без малейшей надежды не только плавать по оному безопасно, ни же возвратиться вспять.

Предопределенный

Я всегда почти предчувствовал бедствия и напасти, мне случавшиеся; но избегать их никогда не мог, как бы насильно увлекаемый моим злым демоном. По совершении нещастия, рассматривая обстоятельства, ему предшествовавшие, всегда открывалась при них возможность увернуться от беды, и иногда так, что один только шаг в сторону, или одна коротенькая записочка все дело могла бы поправить; и я, почти уверенный в том, шел, однако, к разверзшейся предо мною пропасти. Во всех моих нещастиях, сколько мне их не случалось, хотя, по строгому розысканию, я ни одного по справедливости не заслужил; но во всех же, однако, я сам и один был виною, что оных не избег, ибо по совести не могу сказать, чтобы оные были чисто нападки злой судьбы. Ко оправданию, или, лучше, к утешению моему, не нахожу иного сказать, как: в сих случаях я был предопределенный турок.

Трудность составлять знакомства с порядочными жителями столицы; и легкость заводить ничтожные

Не умевши, в мое первое пребывание в С<анкт>П<етер>бурге, составить порядочных знакомств, в теперешнее я и надежды уже не имел к тому, ибо всяк бывалый в столицах знает, сколько для бедняка трудно делать знакомства с порядочными людьми, которые обыкновенно, преобременены будучи своими собственными делами, нуждами, весьма неохотно составляют новые знакомства. Наоборот, сколько сии трудны, столько ничтожные, ведущие часто к гибели, часты и легки; так что на приобретение знакомства одного порядочного человека иногда потребно несколько месяцев, ничтожных же несколько десятков составишь в один день, с тою еще странностию, что в первых, кроме стараний, всегда открываются затруднения, другие же без малейших попечений ладятся и будто сами собою клеятся, улаживаются. Все сие случилось со мною самим, следовательно и известно мне из собственных опытов" Чтобы сблизиться с почтенным, умным, добрым земляком г. майором Вербицким, при одобрении меня ему старинным его другом г. Андреянопольским, я в год не более успел, как мог только посещать его свободно, но удостоиться быть его присным никак не мог, В три года моя теперешняя жизни в С<анкт>-П<етер>бурге5 кроме г. Вербицкого и Фродингов, как моих по жене родственников, я не имел почти никакого больше порядочного знакомства; но ничтожных и устроивших мою гибель, точно не искавши их, столько соорил, что и перечесть было бы для меня не малым затруднением;

Небольшое воздержание для офицерства

Сколько ни был я, однако, распутен, но прежние опыты и офицерский чин удерживали мое стремление беспутствовать по-прежнему. Трактиров, конечно, я не оставлял; ибо где же бы я мог

существовать? Но первое, я не бывал уже никогда в самых низких, где все подлости отправлялись; первоклассные редко посещал, поелику они были не по моему карману; в средних вел себя с некоторою пристойностию, занимаясь после обеда или коммерческими играми не на большие деньги, или биллиардом, или беседованием с знакомыми. От б..., по жизни моей малороссийской, отвыкши, не мог уже никогда к ним обратиться, чему немало препятствовало и небольшое волокитство.

Сия ничтожная жизнь продолжалась почти чрез весь <1>777 год, которого последний день достопамятен по происшествию, доведшему меня до женитьбы.

Знакомство,
проведшее до
женитьбы

Человечек не молодой, толстенький, весельчак и довольно не дурак, имевший прежде в С<анкт>-П<етер>бурге три каменные дома, по художеству своему, как ювелир, знакомый с лучшими домами, посему видевший для себя лучшие дни, к концу пятого десятка лет своей жизни разными случаями обедневший и почти потерявший зрение, кормился, адвокатствуя по маловажным делишкам, а вечера проводил в трактирах, куря табак, запивая пивом, иногда составляя партию в пикет или калаврияс. Сей человек, душа, можно сказать, немецкия трактирные беседы, по любезности своих свойств, полюбился мне, как и я ему; Накануне <1>778 года, засидевшись мы с ним в Рижском, вздумали тут встретить новый год чашею пунша, окончивши который, и вышедши на улицу, услышали, что бьет два часа по полуночи; я, имея квартиру далеко, невольно молвил: спать хочется, итти мне не близко, я готов бы на улице лечь, на сие Фродинг сделал мне самое, по времени, приятное предложение у него ночевать, прибавив, что его квартира не далее 50-ти шагов. Жилище его было: в Валящева дома в четвертом этаже, две порядочныя горницы, наполненные всякою домашнею немецкою утварью, не богатою, но опрятною. Вошедши, хозяин сказал мне, что жена его и дочь гостят у приятеля под Невским; приказал работнице приготовить на софе постель, в которой я весьма покойно проспал до девяти часов утра. Вставши и позавтракавши довольно весело, я собирался домой, но, смотря на улицы, наполненные праздничным народом, раздумье мною овладело, что приметив хозяин предложил провести день вместе, в совершенной вольности. Работнице приказано готовить обед, а сами мы занялись пикетом, В продолжение игры, как я сидел спиною ко двери и обратил все свое внимание в карты, вдруг является между нами молоденькая немочка, которая, сделавши весьма проворно два книскен, говорит Фродингу по-немецки: -Здравствуйте, любез<ный> братец, где сестрица и Анхин?.. -О! это ты, Лорхин; поцелуй меня; откуда ты взялась?.. - Мы с матушкою приехали к Леману, и она меня отпустила с вами повидаться. - Садись подле нас, посмотри на

Встреча
нового года

Появление
нового лица

нашу игру; не хочешь ли кофию; вели сварить. - Карт я? л<любезный> б<ратец>,- не знаю; а кофием нас у Лемана подчивали. В продолжение сего разговора я, сложа карты" рассматривал гостью... Пятнадцатилетняя беленькая, как фарфор, с голубыми глазками, девочка; по малому росту довольно стройная, по взорам и всем движениям истинная невинность; по беленькому английскому, с зеленым тафтяным передником платицу, весьма опрятно одетая; резвая и веселая по ответам на братнины шуточки.

Сердечное
предчество

Мало еще знавший тогда немецкий язык, я не вмешивался в разговоры; но смотрел с удовольствием, и сердце, кажется, как бы сжалось во мне. На меня глядела она без малейшего замешательства. Побывши с полчаса, она удалилась, обещавши, на приглашение братнино, чаще посещать.

По выходе ее, Фродинг сказал мне, что это меньшая его сестра, от второго супружества отцовского, которых всех три и один брат, теперь находящийся в Ост-Индии; что из них две девушки и их мать живут у старшей замужней, на Руке.

Проведши день по сказанному, вечером отправились мы в трактир, где и расстались. Возвратясь домой, я с удивлением приметил, что девушка появлялась частехонько в моих мыслях; на другой день тоже. На третий день, увидавшись с Фр<одингом>, я завел речь о моем у него гощении, и как приятно провели мы время; он по истинной доброте своего сердца пригласил меня снова у него ночевать, сказавши, что жена его и дочь еще не возвратились; я охотно принял его предложение; ночь прошла по-прежнему, но день не так.

Гостя не бывала; вечером же, когда мы готовы были выдти, вдруг явилась хозяйка и с дочерью, чем и остановлены мы на несколько. Она, узнавши от мужа обо мне, осыпала меня учтивостями за сотоварищество ее мужу; просила и при ней не прерывать оно; вытребовала настоятельнейше мое согласие назавтре же пить у нее кофий; все сие изъяснила чистым русским языком с самыми светскими приемами.

: Женьщины

Г-жа Ф<родинг> была женщина лет 40. Здоровая, белая, полная, живая, с беглым взором; дочь ее брюнетта лет 15-ти, при родителях молчалива, но мимо их резвая до дерзости и огненная. На другой день, бывши на завтраке и обласканный более ожданного, я свел с сею семьею теснейшее знакомство: с моей стороны, кроме истинного удовольствия от сего знакомства, в чаянии увидеться еще с Лорхин, которую я еще не забывал; со стороны г-ж, в надежде, которую я даже не подозревал; со стороны доброго немца, по чувствованию ко мне искренней привязанности...

Почти дома

По сему я бывал в сем доме во все часы дня; часто проваживал вечера, и иногда ночевал. Мать и дочь, каждая для себя, были ко

мне весьма благосклонны, за что я платил небольшими, как водится, услугами, не важными подарочками, не дальним иногда катаньем и проч. Так я повел мою жизнь в начале <1>778 года, хотя в совершенной праздности и ничтожестве, но щастлив тем, что нечувствительно отставал от трактиров; б... же омерзели мне до того, что я в них никогда не бывал.

В один из первых дней масляницы, г-жа Фродинг пригласила меня непременно у себя обедать, для приехавшего из Москвы ее брата, долженствовавшего тогда у нее быть. Приехавши ранее гостей, я имел удовольствие найти тут любезную Лорхин, которая приветствовала меня, как знакомого, села подле меня без чинов, стараясь войти со мною в разговор; но по незнанию ею русского, а мною немецкого языка, беседование шло более на пантомиме. Хозяина не было дома; хозяйки занимались приготовлением праздника; следовательно оставляли нас в совершенной свободе. Простосердечная живость и любезность собеседницы моей занимали меня весьма приятно, чему особенно помогствовали неправильно выговариваемые ею русские, а мною немецкие речения. Она силилась мне объяснить, и я довольно понял, что матушка отпустила ее в город на всю масляницу к брату, что она очень сему рада, и что я должен в это время учить ее говорить по русски; а она то же бралась делать для меня на своем языке. Я тут на опыте узнал, что любящиеся немые могут друг друга понимать. В самом жару нашей беседы появился офицер, родом лифлянец, по названию Бауман, сослуживец и знакомый мне еще в полку. С первого шагу я увидел, что он тут не чужой; хозяйка и дочь с ласковостию пеняли ему, что он давно у них бывал; Лорхин, делая книсхен, покраснела; он, сказавши мне слова два, сел по другую сторону моей собеседницы и вмешался в наш разговор. Выгода вся могла быть на его стороне, поелику он заговорил по немецки, но к отраде моей приметил, что отвечали ему односложно и старались преимущественно возобновлять прежний наш разговор. За обедом, после обеда, словом весь день до десяти часов я был в полном удовольствии, не взирая на Баумана, хозяйку и Анхин, завидовавших сему сближению.

По выходе из эстей, Бауман сделал мне странное предложение быть у Лорхин его сгряпчим, открывшись при том, что он уже около года в нее влюблен, но сказать того ей не умел. Сколько мне ни известна была его ограниченность, но подобная искренность заставила меня сказать ему сухо, что не только не могу быть его помощником в соблазнении сея невинности, а постараюсь всевозможно до того не допустить. На сие Бауман уверял меня, что хочет иметь ее женою и что он, попросту сказать, делает меня сватом. По нескольких переговорах, я согласился сделать ему угодное, не даючи слова успеть, хотя искренне думал

Любящиеся
немые могут
друг друга
понимать

Новое
явление

Странное
предложе-
ние

поступить в сем случае честно: ибо соблазнить ее душа моя сопротивлялась, а жениться на ней все запрещало: и так, я думал, повесть сие дело со всею честностию, хотя на поверку вышло совсем другое.

С русской до немецкой масляницы видаясь ежедневно, мы так сладились с Лорхиною, что уже умели не только друг друга понимать, но и довольно занимательно для себя делали наше время. После немецкой масляницы, едуци на Руку, обещала мне возвратиться к воскресенью, и слово свое сдержала. Старая и молодая Фродинга не очень были сим довольны; но я умел всех успокоить, и любезная Лорхин прожила с нами сряду две недели. В сие время я заговаривал несколько раз о Баумане, правда, слегка; отзывы, однако же, были для него весьма неблагоприятны, а, можно сказать, с моей стороны приступы не очень настоятельны. За сим воспоследовавшее отбытие на Руку было продолжительное; и я, оставшись во власти г-ж Фродинг, претерпел насилие от старой и едва отделался от молодой; разумеется, подстрекаемый бесом плоти.

Бес плоти

При возвращении Лорхины, роля моя стала самая трудная; она, с истинною невинностию ко мне прилепленная, старуха ненасытимая, молодая наглая, не оставляли мою душу ни на час в покое. Тогда я вздумал было нешуточно сделаться сватом: начал чаще говорить о Баумане, открыл его намерение г-же Фродинг, обещавшей с радостию ему помощь, сказал слегка о том же Анхине; но самому Фродингу ни слова. От сего дано мне более свободы уединяться с Лорхиною, не стали за нами примечать; и я в один вечер, будучи с нею с глазу на глаз, открыл ей важно намерение Баумана, пересказал его состояние и силился всевозможно внушить ей выгоды от супружества с ним.

Затрудни-
тельное
положение

Сват

Я витийствовал о сем довольно долго, сидя на канаве; она передо мною стояла, не перерывая меня ни одним словом, и когда я был в самом жару разглагольствования, вдруг вижу, она бросается ко мне и, обхватя крепко мою шею своими ручонками, удушаемая рыданиями, с нуждою выговаривает: "ах! я думала вы меня себе берете". - Больше сего она не могла ни слова вымолвить; и я, пораженный сими малыми речениями, как бы волшебным заклинанием, онемел, оставшись в совершенном бесчувствии на несколько минут. Видя ее неутешно плачущую, я приложил все мое старание ее успокоить, но тщетно; самое мое обещание не говорить более о Баумане ни сколько не помогало; она плакала и молчала, с чем я ее и оставил. Вышедши из дому, хотя был уже десятый час ночи и, бродя по улицам, я чувствовал страшную и никогда еще мною не испытанную внутреннюю борьбу: голова моя, сколь ни была пуста, умела, однако, себе довольно ясно представить всю несообразность для меня супружества; сердце же

Оборот
новый

Борьба

при всем своем разврате весьма сильно заступалось за любезную, предначертывая тысячи удовольствий от соединения с невинностию; словом, кто-то умнее меня, будто подслушавши, написал гораздо после мое борение:

"Рассудок мне велит:

Себя ты не губи;

Л сердце все твердит

Пожалуй, друг, люби".

Сердце
берет верх

Пробродивши за полночь, казалось, удалая взяла верх; и, положивши, как бы умненько отделаться, я пошел спать к себе на квартиру, не бывавши уже в ней более недели. Проснувшись, голова и сердце продолжали ссориться, и я чувствовал, что удалая слабеет. Намерение, накануне родившееся, чтобы по меньшей мере три дни не быть, подкрепляемое тогда благоразумием, по утру нашлось почти совершенно из мозга вытесненным. Сердце предложило благовидное посредство: увидеться еще однажды, для того единственно, чтобы успокоить страждущую хотя отдаленною какою-нибудь надеждою и потом исподволь приготовить себе отступление.

Любовь не
по
книжному

Страдалицу нашел я точно в жалком положении; она приготовилась ехать к матери, и осталась, по ее словам, только для того, чтобы меня еще увидеть. Признаюсь, что любви к ней такой как описывают ее в книгах, или как выдают в людях, я точно не имел; ежели не почесть того за любовь, что я желал бы с нею быть хотя непрестанно, ласкать и быть лаекаему, делать ей все угодное, особенно удовлетворять ее нужды и прихоти, и проч., что я бы охотно делал даже для моего любимого друга; но видеть ее скорбящую, плачущую, ее выталкивало меня из моего обыкновенного положения, и я искренно готов был тогда всем жертвовать, чтобы только утешить страждущую, особенно же не быть виною ее страданий. Успокаивая, неминуемо я просил остаться хоть отобедать; получивши на что согласие, само собой разумеется, что я не жалел ни ласканий, ни обнадеживаний; так, усиливая более и более мои ласки, я нечувствительно становился сам нежнее; и когда во излиянии своей души, с истинным ангельским простосердечием пересказывала она мне постепенность ощущений своего сердца, я, не властен будучи удержать движения моего, прижав ее к моей груди, сказал: "будь, м<илая> Лор<хин>, спокойна, я обещаюсь быть вечно твоим".

Чему
быть, того
не
миновать

Однажды
истинное
наслаждени

Сей вечер был может быть, один из сладостнейших в моей жизни. Поездка на Руку отменена до утра; утро снова отдалилось до другого, и так целую неделю мы наслаждались друг другом, более во взаимном общении наших душ, нежели в приискании средств оные упрочить. Занятые всесовершенно собою, мы забыли осторожность, и потому хозяйка очень легко открыла наше

Гонение

согласие и не преминула тотчас воздвигнуть на нас гонение. Женщина, озлобленная потеряннем того, что льстило ее тщеславию, или насыщало ее любострастную прожорливость, превращается в самого лютого дьявола и в недостатке способов мучить ненавидимый предмет путается в мелочные, подлейшие притеснения. Так приобременив бедную Лорхин самыми обидными ругательствами, почти выгнала из дому братнего и, не удовольствовавшись еще тем, успела на Руке воздвигнуть страшную против ее бурю. Гнусный зять и злая старшая сестра, враги заклятые всему русскому, не поскупились ни словами, ни деяниями, могущими терзать чувствительную душу. В сем для любви нашей безвременьи, при сем семейственном недоброхотстве, зная, средняя сестра и брат Фродинг одни были наши друзья. Матери старушке за 70 лет, по щастию, я понравился; сестра находила меня сносным; брат, казалось, еще усилил свою ко мне любовь; но сообщении наши, даже свиданьи, по злобе г-ж Фродинг, стали весьма затруднительны; так что для выполнения наших жарчайших взаимных желаний мы принуждены были искать посторонней помощи, и, к щастию, жившего в том же доме немецкого парикмахера Буши убогая комната сделалась нашим пристанищем. Бывавши по несколько часов ежедневно с глазу на глаз, молодые любящие неотменно пройдут по любовной дороге гораздо далее всех строгих заповедей нравственности, по сему не удивится мой читатель, ежели я ему исповедаю, что любезная моя Лорхин истинно самым невинным образом лишилась своей невинности.

Природа
свое

Мнение о
невинности

Люди привыкли говорить об девицах: невинна, невинность, до их замужества. Не входя в рассматривание сего обыкновения, я скажу: ежели невинность принимается заодно с целомудрием, то честная жена с умным мужем, по смерть свою, может пребыть невинною; так писали, и представили много важных доказательств примерами, славные писатели. Я, не знаясь еще тогда с подобными сочинителями, по моему, может быть, внутреннему побуждению, ненарочно набрел на правила, которые оправдали напоследок сие мнение.

Истинная
невинность

Жена моя, воспитанная в бедном, но честном немецком семействе, под неизменным назиранием матери, не знаясь не только русских нравов, ниже их разговора, плохо читавшая на своем языке, а писать почти не умевшая, доставшись мне почти 15-ти летнею, точно была дочь природы. По щастию, я сам, хотя совершенно распутству преданный, никогда не мог терпеть женщин похабных и никак не приучил себя, чтобы обходиться с ними бесстыдно; от сего с самого начала, приметивши в любезной Лорхин беспримерную стыдливость, я не только не попекся ее истребить, но приложил, напротив, все мое старание ее питать и

поддерживать сколько можно долее. И я могу без хвастовства утверждать, что жена моя, проживши со мною 14 лет, родивши девятерых детей, отошла в вечность, не осквернив ни сердца своего, ни головы никакими мерзостями.

Женитьба моя, составленная без всяких видов и цели, не учинила в моей жизни ни сколько значущей отмены, кроме того, что я начал иметь квартиру покойнее, ежедневный свой обед, отстал совершенно от б... В прочем я жил попрежнему, то есть проводил все дни в совершенном бездельи; вечера же в трактире, не думая нисколько о будущем. Так беспечно спускался я к роковому повороту моей жизни.

Приблизившись теперь к самому важному приключению моей жизни, то есть к роковому перевороту, чрез который стал выгнан из общества, лишен всего моего и, можно сказать, живой погребен, принужденным нахожусь несколько отступить в моем повествовании, для показания бедственных случаев, споспешествовавших моему злополучию.

Неосторож-
ность в
знакомствах

Во вторичный мой приезд в С<анкт>-П<етер>бург, хотя по возможности остерегался я опасных знакомств, но по врожденной мне ветренности и легкомыслию, удаляясь людей только явно известных порочными, не оглашенных же, особенно: ласковых, тихих, добрых, никогда не оберегал; а еще меньше рассматривал: полезно ли мне их знакомство? и какие могут быть от того последствия?

Немецкой
еврей

Летом 1777 года в Рижском трактире нечаянно я столкнулся с одним иностранцем, которого так же случайно, один раз видел я назад лет пять. Сей странный человек из рода израильтян, во время бытности нашей армии в Пруссии, пристал там к провиантским делам, по которым, при возвращении армии в Россию, приехал в С<анкт>-П<етер>бург для щетов и для получения, как уверял, с казны должных ему знатных сумм. В первое мое с ним свиданье, я видел его с ног до головы в бархате и золоте, посыпающего в трактире червонцами и поливающего шампанским. Что он имел деньги, сие можно было заключать и из того, что вербовщиками, вызывавшими в Россию на поселение колонистов, он принят был в компанию, и что в Саратовском уезде был подрядчиком для построения поселянцам жилищ; где, однако же, притесненный начальствовавшим тогда над колониями Резановым, приехал в С<анкт>-П<етер>бург с ним тягаться. Как иностранец и мот, не долго он праздничал; наличные, сколько было у него, и претензия скоро разбрелись по миру; и в теперешнее мое с ним свидание, вместо бархату, он был одет в сереньком байковом ветхом сюртуке, а проживание имел при особе пожилой немецкой Куленгребер.

Ежели бы врожденная ему безотвязность была несколькими степенями поменьше, свиданье сие ускользнуло бы в пучину забвения, как и многие другие. Но нет: судьбе угодно было, чтобы сей человек прицепился ко мне нешуточно, и чтобы я на ту пору был податливее обыкновенного; так что, проводивши в самом пустошном беседовании более двух часов, я должен был согласиться пройти с ним до его квартиры, остаться у него ужинать и ночевать. Страннее всего, что сей человек, никогда мною не только не любимый, едва терпимый, с которым я никогда никакого дела не имел, с первого дня знакомства почти всеща был в моих глазах до самой его смерти.

Бескорыстие
в
знакомствах

Шатаясь непрестанно по всему Петербургу, навязываясь всякому встречному и поперечному, можно утвердительно сказать, что его знали люди из всех состояний, от сенаторов и генералов до блинников. Знакомцами своими он весьма не скупился и ссужал ими всякого при первом свидании. Посему не удивительно, что и на мою долю досталось их изрядное количество. Из всех, однако, чрез его знакомцев, один Леонтий Петрович Соколов остался не только в памяти, но навсегда и в моем сердце, как добрейший из всех моих вообще знакомых и как невинная вина моего нещастия.

Природная
доброта

Сей человек, при тщательнейшем его рассматривании, мог бы, может быть, послужить образцом чистейших природных нравственности. Он родился от приказного в царствование Анны; следовательно воспитания, по тогдашним временам, не мог иметь иного, кроме грубого и суеверного. С юнейших лет посажен в приказ, где продолжал неизменно свое служение до 1780 года; посему нельзя было ему воспользоваться посторонними наставлениями; здравым, что называется, рассудком наделен был достаточно; память имел удивительную. Живши без выезда из Петербурга, все происшествия, от времен Анны, пересказывал с довольною точностию; разумеется, как оные к нему доходили. Говорил просто, ясно и занимательно. Качества сердца его виднейшие были: самый кроткий нрав, человеколюбие, сострадание и бескорыстие. Сие последнее до такой степени было возвышено, что он, бывши 20 лет секретарем и более 10-ти старшим в статс-конторе, не только не устроил своего щастия, но был всегда в весьма посредственном состоянии.

Истинная
благотвори-
тельность

Не бывши ни игрок, ни мот, ни пьяница, покажется неимоверным, чтобы он не имел, хотя .малейшего, в таком богатом месте, дохода; имел и употреблял его на благотворение бедным, из которых несколько семейств точно существовали им. Сделавшись с ним душевно знакомым, я видел некоторых из находящихся под его покровительством. Они не были обыкновенные нищие, а люди честные, семейные, разными ударами судьбы низвергнутые в бедность. Благотворении сии производил он так скромно, что

многие из благодетельствованных даже не знали имени своего благодетеля. Я часто бывал свидетелем, как он отдавал бедному последний рубль из кармана, тогда как дома у него одной копейки не оставалось; словом, сей Соколов, по благородным качествам души, особенно по благотворительному своему сердцу, был достоин гораздо иной участи, нежели какая его постигла.

Тесное
знакомство

С первого дня нашего знакомства, он мне очень понравился, и, по-видимому, я ему также полюбился; ибо мы с ним скоро сделались самыми искренними <друзьями>. Он жил на Васильевском острове, я же у Семеновского мосту, но сие дальнейшее расстояние не препятствовало нам видаться весьма часто. При свиданиях нередко сообщал он мне случившиеся по присутственным местам происшествия, из коих одно, как основание моего злключения, помещаю здесь.

В начале весны < 1 >779 года поручики: Вологодского полку К<a>ш<i>и>нц<o>в, С<анкт>-П<етер>бургского драгунского В<o>лк<o>в, отставной статс-конторы архивариус, коего имени не упомяну, и беглый канцелярист П<o>л<o>з<o>в, люди более, нежели моты, перебрав все возможные роды обманов и оборотов, задумали короновать свое распутство явным злодеянием, то есть кражею государственной казны.

Хищение, хитро
расположенное

План сего хищения расположен весьма замысловато; успех соответствовал предприятию; но пьянство все открыло. Архивариус, хотя и отставной, чрез своих знакомых между приказными статс-конторы узнавши, что в Ревельской губернской канцелярии хранятся суммы, отчисленные для кстраординарных Иностранной Коллегии расходов, предложил Каш<инцову> похитить из них некоторое количество чрез посредство ложного от статс-конторы повеления, дабы выдать, якобы посылаемому за границу, курьеру. Для сего составили они ложный в Ревельскую канцелярию указ, подписались под руки присутствующих, запечатали выкраденною статс-конторы печатью, и, назвав К<a>ш<i>и>нц<o>в<a> с выдуманным прозвищем курьером, отправились трое на почтовых в Ревель, где и получили пять тысяч рублей серебром. Хищение, столь искусно произведенное, укрыть, однако же, им не удалось; сам Бог видно их попутал, ибо они, вместо удаления из Ревеля, зашли в трактир пиршествовать, пить, играть, и так проведши день и ночь, по утру пустились к Петербургу на почтовых же, но с настоящими уже их прозвищами. Дорогою на одной станции произвели ссору и драку; в Ямбурге еще день прображничали.

Между тем донесение из Ревельской канцелярии о выдаче пяти тысяч рублей с нарочным отправлено к графу Панину; сей, справясь с статс-конторою и увидевши подлог, тотчас о том сообщил генерал-полицмейстеру, а от сего чрез посланных

немедленно открылось все мошенничество, и плуты, подъезжая в Петербурге к своей квартире, как бы к пущему своему обличению, обронили из повозки мешок серебряных денег. Тотчас взяты они под стражу и преданы суду; денег не успели они промотать более 400 руб.; происшествие сие скоро стало всему Петербургу известным, и скоро же по обыкновению больших городов забытым,

Секрет

В половине июля Соколов, увидясь со мною, за секрет сказал мне, что дело К<а>ш<и>нц<о>в<а> генерал-полицмейстером совсем было приведено к концу, и доклад уже был поднесен, но князь Вяземский, озлобившись, что дело сие мимо его прошло, сделал от себя ИМПЕРАТРИЦЕ представление, дабы следствие о сем произвести обстоятельнее, то есть передопросить виновных, - не делали ль они, или не знают ли кого делавших, или намеревающихся учинить вообще каких преступлений? На сие последовало ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕЕ соизволение об учреждении при Сенате секретной Комиссии о Кашинцове и его сообщниках, под непосредственным надзором князя Вяземского. Сие известие не более на меня действовало, как и первое; ибо я, не имея ничего общего ни с Каш<инцовым>, ни с Комиссиею, пропустил все мимо ушей.

В августе от Соколова же слышал я, что Комиссия уже открылась в крепости, что преступники перевезены ночью туда же, что главный в ней любимец князя Вяземского обер-с<екретарь> Терский; что в Равелине Св.Иоанна в казематах с великою поспешностию строят много чуланов; что кроме Каш<инцова> и его товарищей взяты уже в Комиссию еще несколько людей, касательно Банка. Обо всем я слушал весьма равнодушно.

В сентябре глухо начали поговаривать о сей Комиссии в городе; догадывались, что открыт важный заговор, ибо по строгости с подсудимыми и по приготовлениям чуланов не другое что могли заключать.

Пропажа
людей

К концу сентября и в начале октября стали люди видимо пропадать; иной, поехавши в гости, остался там навсегда; другой, позванный к своему генералу, исчез невидимо; из гвардейских же полков многие - в безызвестную команду.

8 октября Соколов, пришедши ко мне вельми туманен, пересказывал, что в крепость уже множество натаскано; что банковый судья Адамович, при смерти больной, стережется в своем доме весьма строго; что жена его и зять взяты в крепость; что ежели кто только от подсудимых именован, тот непременно назначается в крепость. Так настраивая меня, он ушел. Я же умствовал: мне бояться нечего, в банке я должен не более трех месяцев, под законный залог; с судьей, ни с его женою и зятем,

ниже с кем бы то ни было, совершенно не знаком; следовательно Комиссия эта меня не коснется.

Сосед
офицер
пропал

На другой день приходит ко мне⁵ весь в слезах, доброго моего соседа офицера Брецинского слуга. - Что ты, Федор? -Ах! сударь, барин мой пропал. - Как? - Вчера по утру приезжал за ним нашего генерала Салтыкова аудитор; они с ним поехали; я ожидал его к обеду, к вечеру: не бывал; бегал к генералу на дом, - не знают; был у всех его знакомых, нигде не видали и не слыхали; ах! сударь, наведайтесь вы, не узнаете ли чего-нибудь? - Хорошо, мой друг, я иду со двора, постараюсь; а между тем сам думаю: черт возьми наведыванье; как бы самого не зацепили; не лучше ли от этого штурму куда-нибудь уклониться. Но как оставить жену? Куда ехать? и с чем ехать? Невольное раздумье и глупое надеяние удерживали меня в моей беспечности.

Соколов
исчез

12-го, очень рано по утру, пошедши нарочно к Соколову наведаться о дальнейших движениях Комиссии, нашел весь его дом в слезах и сетовании; он в ту ночь был взят и увезен. Болтнувши несколько слов скорбящим во утешение, я поторопился оставить сие плачевное место и, идучи с сжатым сердцем обратно в город, рассуждал: Соколова взяли; по одному наименованию берут; не мудрено и мне быть взяту. Вдруг мысль родилась уехать к Бауману в Вольмар. Денег нет; иду занять у женина брата; за дорожную дело не стало бы. На беду Седерстрем сам на тот раз был без денег, но обещает к утру непременно снабдить 50 руб.

Мучимый нежностью к жене, оставляемой мною без всякого призрения, страхом быть захваченным в крепость, нетерпением исполнить задуманное путешествие и неизвестностью успеха, я весь сей день сумрачный бродил по улицам, никуда не заходя и ничего не евши. Когда уже настала самая темнота, то есть в пять часов, пришел я домой; старался казаться спокойным, принимался шутить, но змия грызла мое сердце, и я никак не мог скрыть моей мрачности. В 7 часов обыкновенно уходил я каждый вечер в трактир; жена, видя, что я не собираюсь, спросила меня: разве я не выхожу? - Нет, мой друг; темно, грязно, останусь лучше дома. Во всякое другое время сие было бы ей приятнейшим подарком; в сей же вечер сама она старалась меня уговорить выйти из дому, но я упорно оставался; сидел, грустил, как бы ожидая приговору; словом: час мой ударил, ковшик горечи поднесли, надобно было выпить.

В 9 часов послышался стук в передней; я, сидя против отворенной зальной двери, где не было огня, и увидев блеснувшие пуговицы, пошел осведомиться[^] - кто тут? Человек⁵ стоящий в тени, берет мою руку и говорит тихо: "чтоб не испугать Елеонору Карловну, я скажу, что заехал звать тебя на вечеринку"; потом громко: "а я тебя везде искал, был в двух трактирах, да вздумал и

И я увезен

сюда заехать, чтоб взять тебя к Ульрихше". Сие говорил нашей части полицейской офицер Лихтенберг, нам знакомый и иногда у нас бывавший. Жена моя, встревоженная, удерживает меня: - Как, теперь поздно; извозчика не найдешь; офицер отвечает: "у меня карета; пожалуй проворнее, поедem", - Надобно одеваться. - Что за одевание; довольно сюртука. И так, торопливо накинувши сюртук, обнявши милую невинность, вышел я на улицу, где увидел карету, четвернею запряженную и двух верховых. Спрашивать было не о чем; сажусь молчаливо, Лихтенберг подле меня; велит ехать к обер-полицмейстеру. Помолчавши довольно, спрашиваю - Не знаешь ли зачем? - Право не знаю. - Верно в крепость? - Пустое! - Приезжаем к дому, входим в комнаты, где Петр Васильевич Лопухин говорит: "на вас есть просьба, может быть и пустошная, но до утра вам надобно остаться в полиции". Потом дает знак майору; сей приглашает меня с собою; сходим вниз; садимся в ту же карету, и чрез четверть часа я помещен в офицерской караульне. Капитан случился знакомый: "ах! брат, и ты попал! уже довольно на моем карауле отвезено; да и теперь никак человека три здесь ночуют", С горя велели растворить чашу пуншу; испили порядочно и уснули довольно крепко. На самом рассвете спросили меня в верх. Тут г.Лопухин ожидал только меня, и коль скоро я показался, сказал: пойдem. Он вперед, я за ним; за мною еще несколько; и так на улицу к Мойке; там в ожидавшую нас шлюпку. Коль скоро мы поместились: отваливай, сказано, как и вчера. Мойкою выбравшись на Неву, шлюпка прямо начала держать к крепости и пристала к Невским воротам"

Беглый
взгляд на
место
пребывание
инквизиции

Вошедши в крепость, прошли мы комендантской дом, миновали гауптвахту, оставили в правой руке церковь, и так подвели нас к западным деревянным воротам, вводящим в рavelин св.Иоанна. Запертые ворота не скоро отворили и впустили нас в пространный, сколько можно было видеть, треугольник, посредине которого находилось продолговатое деревянное строение. Тут опять нас остановили, а г. Лопухин пошел в дом.

Дом сей не имел ничего замечательного с наружности, кроме большой парусинкой занавески, которая закрывала его сени. Чрез несколько минут поднялась занавесь и нам ведено взойти, Коль скоро стали мы перед сеньми, занавесь опустилась, а дверь отворилась, чрез которую виден был довольно длинный коридор, освещенный фонарем. Проведши нас несколько шагов в темноте, справа отворили дверь, и мы очутились в довольно светлой горнице, пред человеком порядочно одетым и недурного лица. Он, перекликаяши нас четверых, сказал с некоторою жалостию: "теперь извольте идти к месту".

Вышедши в коридор, мы тут увидели образину человека самого скаредного; нет, не человека, а истинного старого Сатира,

Сатир
маневрирует
по своему

которого на ту пору голова обвернута была белою окровавленной тряпкою. Так мне показалось; а в самом деле он от головной боли привязал себе на лоб клюквы. Велевши за собою следовать, он вывел нас перед дом, расставил всех четверых врозь лицами, пошептал нечто своим солдатам, вымолвил: пошел, - и мне приказал за собою следовать. Идучи от дому, я глядел и ничего не видел, кроме каменных крепостных стен, с редкими в них дверцами и малыми окошечками. Подаваясь все вперед, приближались мы ко въезду на стену; я не знал, что о сем/помыслить, как красноголовый мой, повернув влево, в самом углу отпер небольшую дверь, я увидел огромный, со сводами во всю ширину стены, погреб, или сарай, освещаемый одним маленьким окошечком. Не успел я, так сказать, оглянуться, как услышал: "ну, раздевайте". С сим словом чувствую, что бросились расстегивать и тащить с меня сюртук и камзол. Первая мысль: "ахти! никак сечь хотят" заморозила во мне кровь; другие же, посадив меня на скамейку, разували; иные, вцепившись в волосы и начавши у косы разматывать ленту и тесемку, выдергивать шпильки из буколей и лавержета, заставили меня с жалостию подумать, что хотят мои прекрасные волосы обрезать. Но, слава Богу, все сие одним страхом кончилось; я скоро увидел, что с сюртука, камзола и исподнего платья срезали только пуговицы; косу мою заплели в плетишок; деньги, вещи какие при мне находились, верхнюю рубаху, шейный платок и завязку, все у меня отняли; камзол и сюртук на меня надели. И так, без обуви и штанов, повели меня в самую глубь каземата, где, отворивши маленькую дверь, сунули меня за нее, бросили ко мне штаны и обувь, потом дверь захлопнули и цепочку заложили.

В тюрьме
заклЮчение

Видя себя в совершенной темноте, я сделал шага два вперед, но лбом коснулся свода; из осторожности простерши руки вправо, я ощупал мокрую стену; поворотясь влево, наткнулся на мокрую скамью и, на ней севши, старался собрать мой рассыпавшийся рассудок, дабы открыть, - чем я заслужил такое неслыханно-жестокое заключение? Ум, что называется, заходил за разум, и я ничего другого не видел, кроме ужасной бездны зол, поглотившей меня живого.

Пифагорейцы

По прошествии, может быть, четверти часа, слышно стало, что подходят, крадучись, к моему чулану, отпирают дверь, и я увидел лысого солдата, который с свечью в руке начал чего-то искать на полу. Скажи, мой друг, за что меня заперли? - Молчит. - Кто здесь судьей? - Ни слова. - Разве ты не русской? - Нет ответа. - Не имевши еще времени быть усмирным, схватываю его ухо больно не бережно: - "Ты, видно, немой? - И он, сердечушка, благим голосом завопил: "Шалишь, хозяин". На сей вопль прибежали еще двое солдат и один унтер, который сказал мне грозно: "Не забиячь,

барин; здесь келья гроб, дверью хлоп", - Да что же он мне не отвечал; я офицер. - Здесь ты не хозяин; и коли станешь забиячить, то уймут; а баять здесь не велят. Сказавши это, дверь захлопнули и цепь наложили.

Великая
радость
говорить
проповедь и
жить домом

Хотя я снова остался в темноте, но и кратковременное освещение начертало весьма явственно всю гнусность и ужас моей темницы. В мокром, смрадном углу загорожен хлев досками, на пространстве двух с половиною шагов, в котором добрый человек пожалел бы и свиней запирасть. Кто же были сии люди, задумавшие и устроившие подобно убивственные узилища для своих братии, людей же, хотя бы и преступных? Ближайший вельможа, вернейший исполнитель повелений премилосердья Е<катерины>, провозгласивший торжественно на весь свет: "лучше оправдать десять виновных, нежели наказать одного невиннаго". А тут и сотни невинных, которым не объявлено даже, за что они воровски похищены из своих жилищ, прежде всех вопросов и суждений преданы уже наитягчайшему тюремному наказанию.

Душевное
сострадание

В первые три дни моего заключения я никак не мог настроить свою голову ниже к малейшему порядочному суждению. Непрестанное воображение убивственного узилища, гробовая темнота и тишина, прерываемая иногда шептанием стражей, весьма похожим на ползание гадких насекомых, неизвестность течения времени, сердечная скорбь о милой, на верное страждущей, супруге, лишение всего и безнадежда когда-либо быть между своими, - все сие, одно с другим непрестанно сталкиваясь и одно другое неизменно запутывая, производили в голове моей ужасную бурю, а в сердце мертвенное отчаяние.

Время все
переработы-
вает

Но всему свое время, как и конец. Обуревания моей души в третий день несколько утишились; волнение крови от трехдневного поста уменьшилось; мысли начали собираться и улаживаться порядком.

Благий
совет
доброго
человека

Позабыл я сказать, что еще в первый день унтер, ставший предо мною и показывая мне пятикопеешник, сказал: ГОСУДАРЫНЯ жалуется тебе на корм; что велишь купить? - Ешь сам. Так и в следующие два дни. В четвертый, что я считал по пятакам, лысый солдат, вошедши опять в мою лачугу, говорил мне тихонько: "Што, сударь, не покупаешь? Бог милостив, коли не виноват; а морить себя грех; у тебя теперь пять алтын; вели, я сготовлю тебе кашу знатную, и калачик принесу". - Друг мой, у меня во рту все сухо. - "Тотчас, батюшка, принесу чайку". - За сим, и скоро на самом деле, принес он мне в горшечке сбитню и копеешную булку. Сие русское питьецо, освежив засохшие во мне соки, способствовало не мало ко успокоению моего духа. На другой день также по утру сбитень и булка; в полдни каша с

говядиною; что продолжалось ежедневно во все время моего пребывания в сем каземате.

Преведение
в порядок
мыслей

Коль скоро я начал есть и пить, то и все жизненное начало снова во мне появляться. Первые спокойные мысли я обратил на обозрение моего положения. По бесчеловечному заключению я не мог иного придумать, как: есть на меня подозрение в весьма важном преступлении. Перебравши на досуге, и неоднократно, все происшествии моей жизни, до самых мельчайших, я истинно ни в одном не находил ничего такого, чтобы заслуживало таковую беспримерную строгость. Буйствы и забиячества мои прежние не могли быть к сему поводом; долг в банке меньше всего мог способствовать к сей жестокости. И так за что иное, кроме преступлений по 2-му пункту<?> Но я в сем не только делом, ниже когда-либо мыслями всесовершенно не был виновен; ибо правительственными делами я столько же тогда занимался, сколько и астрономиею, то есть взглядывал на небо, видел звезды и планеты, не заботясь никогда знать: как они тут помещены? и как движутся? По сим суждениям выводил заключение: верно открыт какой-нибудь знатный заговор; кто-нибудь из моих знакомых, в оном замешанный, болтнул мое имя; при допросах и очных ставках истина откроется, и я, как невинный, конечно, буду освобожден. Так, безумный, нустоумствовал я, не зная еще тогда всех адских приемов правительств, и всех дьяволов, работавших ими, на пагубу человечества.

Успокоенный, однако, моими суждениями, я решился ожидать терпеливо зову пред суд, как единственного предмета моих желаний. Между тем дни и недели, хотя весьма для меня медленно, текли, и я уже дожил первых чисел ноября.

Первый
позыв не
удачен

7-го сего месяца, утром, заметил я необыкновенное шептанье и движение у моих стражей. Скоро подходят к моей клетке, отпирают ее, и унтер говорит мне: "Одевайся, хозяин, ступай со мною". Надобно знать, что по причине многотопления печи, и от того почти банного жару, я всегда сидел в одной рубахе. Одеваться было не долго: сапоги были на мне, ш<таны> без пуговиц надеть было нельзя; и так, накинувши сюртук и подпоясавшись носовым платком, я побрел за унтером. Но лишь только отворили наружную дверь и меня коснулся свежий воздух,, глаза мои помутились, и я, как догадываюсь, впал в обморок, каковнй был первый, а может быть и последний в моей жизни. Не знаю, как меня втащили в мою лачугу; но опамятававшись, я видел себя опять в темноте на моей скамье, и виденный свет я считал сновидением, пока мой добрый лысый не уверил меня, что я точно был у дверей, но что пне попритчилось, и потому не повели меня в присутствие.

Другим
разом
добрым
часом

Сие известие крайне меня опечалило; ибо я боялся, чтобы зов мой снова не оттянулся; но, к счастью, на другой день опять пришли за мною, и я, приближавшись к дверям, просил наперед их отворить, дабы я мог, не выходя, несколько свыкнуться с воздухом. Вышедши на двор, я видел землю, покрытую глубоким снегом, и царствование настоящей зимы, что мои голыя лядвии весьма ощущали.

Судилище

Чрез коридор введен я в прежнюю горницу, на сей раз занимаемую судьями. Председательствующий, с мясничьею рожею и взорами целовальника, был г-н Терский, во всем Петербурге известный под названием Багра, в знаменитое отличие от его братьи мелких крючков. По правую его сторону сидел штабс-офицер в кавалерийском мундире, мне незнакомый; подле его, хотя с наклоненною головою, нетрудно было узнать честного и доброго князя Мещерского, члена юстиц-конторы, человека мне знакомого; двое остальных, сидящих ко мне спинами, были мне совсем не видны; напротив председателя помещался виденный мною при приводе.

Подавшись несколько к председательствующему, я встречен был от него нижеследующим: "Здравствуй, г.Винский! прошу со вниманием слушать² (может быть, он не слово в слово так говорил; но содержание его речи истинно было таково): до сведения ЕЯ ИМПЕР<АТОРСКОГО> ВЕ-ЛИЧ<ЕСТВА> дошло, что в С.-Петербурге многие молодые люди из дворян, проживая праздно, ведут жизнь крайне подозрительную, утопают в распутстве и мотовстве, затевают дела самые незаконные, клонящиеся к потрясению всего благосостояния общества. Для прекращения сего ГОСУДАРЫНЯ изволила указать учредить при Сенате сию Комиссию, для исследования, со строжайшею точностию, всех преступлений. Но как МАТЬ, соболезнующая о своих детях, объявила свое соизволение, чтобы Комиссия пеклась более всего возбудить в каждом преступнике раскаяние и заставить его учинить самопроизвольное, искренное признание, обещая чистосердечно раскаивающемуся не только прощение, но и награждение, как строптивым и непокорным ея воле, за утаение малейшей вины, жестокое и примерное наказание, как за величайшее злодеяние". Видя его замолчавшим, я собирался нечто сказать, но при первом слове он меня прерывает: "на меня возложена особенная обязанность внушать каждому подсудимому волю НАШЕЯ МОНАРХИНИ; ты ее слышал, располагай себя по тому; прибавлю еще, что укрывательство с твоей стороны будет

² Может быть, он не слово в слово так говорил; но содержание его речи было таково.

Допрос

совершенно тщетным, ибо все твои деяния, до малейших, Комиссии известны". После сего сказал: "Ну, Малафеич, начинай".

Тут показался из другой горницы человек с белою бумагою и пером в руках; сел у конца стола, написал несколько строк, потом спрашивает меня: "Как зовут? которой поп крестил? " и пр., что касается до допроса. Помня речь Терского, хотя и почитал ее за ловушку, но ответы мои располагал так, что и самых шалостей подвержностно касался, не высказывая, однако, ничего явно. Багор иногда вмешивался в вопросы, стараясь меня спутать; как при вопросе: "Зачем ты приехал в Петербург?" - "Потому, что по моей отставке я имею право жить, где хочу". - "Да чем ты живешь?" - "Деньгами". - "Откуда ты их берешь?" - "Получаю из дому". - "Чать по трахтирам?" - "Трахтиры правительством дозволены". - "Да там делается много не позволенного?" - "За сим есть надзор", - "По крайней мере я с ними никогда не бывал в деле". Когда дошли до банка, Багор снова вмешался: "Ну, а как же ты денежки-та получил?" - "Как обыкновенно получают". - "Нет, сколько ты дал Адамовичу, или его зятю?" - "Ни копейки; ибо я не знаю, и никогда не видал ни того, ни другого". - Тут сбесился мой Терский, заревел страшным голосом: "Ах! ты лжец, нарядный вор, и ты отпираешься, что не знаешь Адамовича, банкового судью, а из банка деньги взял?" - "Деньги я взял по переводу г.Стромилова, который и свое о взносе, и мое о выдаче 500 руб. объявлении подал один в присутствие; я же, подписавши в юстиц-конторе обязательство и расписавшись тут же в книге, за вычетом процентов от него и деньги получил, что все сделано по точным правилам банка", - "Правила в сторону; а ты, наверное, знаешь Адамовича и его зятя Епанчина?" - "Хоть умереть, ни того, ни другого". При сем князь Мещерский, при котором все дело со Стромиловым происходило, примечая из моего лица, что хочу на него сослаться, наклонясь несколько, говорил что-то тихонечко Терскому; тогда сей сказавши мне: "И не знаешь? Малафеевич, так этого и писать не для чего". За сим, к окончанию допроса, учинено мне паки увещание: "не знаю ли я кого из преступников? не известны ли мне какие-нибудь дела, вредные для общества?" и пр. и пр. На все один ответ: не знаю, и никогда не знал.

Дополнение
беспристраст-
ного
правосудия

После сего Терский, просмотревши написанное, сказал мне с сатанинскою улыбкою: "По сему ты святой? ась?" - "Святой не святой; да не очень и грешен". - "Ты еще и пошучиваешь". Нахмуривши харю: "Я тебе говорил, что Комиссии все твои дела известны". - "Говорили, но я знаю, что нечему быть известным". - "А как я разверну сию бумагу, тогда уже поздно будет". - "Разверните". - "О! ты, брат, видно хват; тебе смерть копейка". - "Смерти я не боюсь; а сказать напраснины не хочу". -

"Посмотрим". Понизив голос: "Теперь пойдй". Так кончился мой страшный допрос.

Из судейской ввели меня в приказную, где я увидел человек двух юстицких знакомых. За мною скоро вошел князь Мещерский, приветствовал меня весьма человеколюбиво, сказал, что ко мне есть принесенные некоторые вещи, которые и велел тотчас мне отдать, прибавив: "Вам велят и денег побольше выдавать".

Неожиданная
отрада

Оттуда провели меня в другой каземат, который был сух и светел, по причине большого окна, Унтер, введши меня в оный, сказал: "Теперь ты тут будешь хозяином". Нет возможности изъяснить тогдашнюю мою радость, увидевши себя на просторе и при дневном свете, которая еще усугубилась при появлении связки, мне врученной, в которой находились: тулуп, ш<таны> и камзол суконные, двое чулок, две рубахи и сапоги; унтер, отдавая их, выложил еще серебряной рубль на стол, сказавши: "Из твоих денег велено выдавать тебе по четверти на день, и вот на четыре дни". Никогда я не считал себя столько богатым, и так достаточно снабденным, как в сию минуту; особенно поужинавши повкуснее и легши спать на посланном тулупе.

Непредвиден-
ная напасть

На другой день часу в 11-м потребовали меня к подпису допроса, который подписавши в подъяческой, я слышал некоторых суждения, что меня верно первого освободят. Не успела еще сия радость коснуться моего сердца, как услышал я страшное реверие Терского, горланящего: "Да, он чать еще здесь, подавай-ка его сюда". Тут дверь скоропостижно отворяется, кто-то говорит мне: "Ступай в Присудствие". Вхожу; вижу Багра, свирепо подымающегося с своего места, подходящего ко мне и вещающа: "Так-то ты думал свои плутовствы сокрыть; ты, малой, самый безвинный; досмотри-ка на сего человека, знаешь ли ты его?" Признаюсь, что сие неожиданное пылкое наступление сильно меня смешало. Посмотревши на стоящего от меня влеве, в замаранном нагольном тулупе, пребольшою черною бородою обросшего человека, и точно его не узнавши, я сказал: "В здешнем маскераде самого знакомого не скоро распознаешь?" - "Это Л.П.Соколов, знаешь ли его?" - "Знаю", - "А что воровать ты с ним хотел, то утаил в своем допросе; а он, как истинно раскаивающийся, все показал". - "Бог знает, где он хотел воровать, а я сего никогда от него не слыхал; следовательно и соглашаться с ним не мог". - "Как? ты еще запираешься? говори-ка, старинушка". На сие Соколов, взглянув на меня со слезами, отвечал: "Виноват, отец мой Гр<игорий> Ст<епа-нович>! во всех своих преступлениях признаваясь, я и о двух тысячах рублей показал, которые хотел занять чрез вас из банка". - "А! - зарычал Багор, - что ты на это скажешь?" - "Хотел он, да не я; говорил ему о сем словами, не думая никогда произвести делом, чему может послужить

Без вины
виноват

доказательством, что о сем более года перед сим, в частых наших свиданьях, никогда о том ни словом не поминали". - "Что тут пустое врать; ты намеревался взять две тысячи рублей из банка; сколько должно на то число заложить крестьян, ты их не имеешь; следовательно ты хотел занимать фальшиво и чрез то обворовать казну". - "Малафеич, прибавь это с объяснением: в допросе о сем умолчал, но на очной ставке уличен и признался". - "Помилуйте, в чем признаваться?" - "Молчи; ни слова; здесь Петра и Павла, надо творить правда. Пошел к месту".

Ошибочное
суждение

Возвратившись в мою светлую галерею, я нашел ее, от повстречавшегося мне несгодья, вельми потемневшею; но, обдумавши сколько можно точнее все происшествие, открывалось, что это была истинная натяжка, которая всякому сама собою обнаруживалась, и что при суждении, хотя бы и намерение поставили в вину, я не должен ожидать никакого взыскания, ибо задержание одно слишком уже за оное удовлетворяло. Мечтал, не зная того, что сия натяжка могла быть растянута до бесконечности. После сего я никогда уже не был призываю в Комиссию.

Перевод
Комиссии в
крепость, и
определение в
оную нового
начальника

Чрез несколько дней стражи наши стали поговаривать, что канцелярию переводят в крепость, и что определяется в Комиссию главный генерал. 20-го вывели меня и еще многих из казематов, провели чрез деревянные ворота, и по левой стороне крепости в здание, известное под названием Италиянского дворца. Тут в зале нашлось нас десятка с три, разношерстно наряженных. Скоро услышали о приезде генерала Толстого, определенного главным в Комиссию" Преображенцы, сколько их тут было, обрадовались; да и другие, по слуху зная о его доброте, ожидали всего доброго. Побывши с час в Комиссии, он вышел к нам со всеми присутствующими; и первое его слово, взглянув на несчастных, было: "Ех! ех! как вас перерядили". Потом, обратясь к Терскому, спросил: "К чему такие жестокости?" Сей что пробормотал, а мы слышали: "Монастырь, устав". Генерал, посмотревши на нас с жалостию, спросил: "У кого ваши вещи?" - и узнавши, что у тамошнего караульного офицера, велел тотчас всем раздать и притом оставить жить в сих покоях, сколько могут поместиться; назвав некоторых по фамилиям, заглянувши в бумагу, спросил: "Подпоручик Винский здесь?" На ответ мой: "здесь, вашепр<евосходительство>" - "ваша супруга была у меня; она здорова; останьтесь здесь жить, и вы можете с нею завтра видаться". Тут приказал новому караульному офицеру: "родных и знакомых беспрепятственно ко всем допускать; в кушанье и питье никаких затруднений не делать; вместо собственной услуги употреблять солдат, и прочие возможные облегчения". Авы, господа, взглянув на нас, как благородные люди, верно не употребите во зло моего снисхождения. Да пожалуйста, выберите

бороды и исправьте одежду, чтоб мне не горько было вас видеть". После, поклонившись весьма обязательно всем, уехал.

Какая тут началась суматоха, это изъяснить трудно. На житье осталось нас всех 17 человек. Тотчас учредили компанию и старшиною поручика Пучкова. Чрез час явилась у нас водка, вино и достаточный завтрак. Вытребовали фельдшеров; началось бритье; после обеда новая сцена: явился красноголовый Сатир для раздачи нам вещей. Какую жалкую представлял он фигуру, возвращая будто мертвых от гроба. Бесили же его и дразнили столько, что он ночью занемог и спустя недели две умер. Мы торжествовали, что уморили злодея, двадцать лет дышавшего стенами и упивавшегося слезами несчастных.

Свидание с
ближними

На другой день, как праздничный, присудствия не было; и комнаты скоро наполнились родными и знакомыми, приехавшими видеть милых узников. Лорхин моя, чуть ли не из первых, вбежала без памяти, бросилась ко мне на шею и обмерла. Какое свиданье! Какие сердечные излиянии! Сколько она бедная потерпела! И какое явила мужество! Не зная двух слов русского языка, не имея никого сотоварищем, решилась одна бродить по Петербургу, отыскивать своего мужа. К щастию, кто-то, добрый человек, научил ее попросить первого г Лопухина, обер-полицмейстера. Тут, хотя она и никакого не получила точного сведения, по крайней, принята была человеколюбиво и, говоря природным своим языком, узнала хоть имена некоторых судей. Испытала жестокость чугунного Терского, добилась вручить просьбу ядовитому Вяземскому, виделась с сострадательным Мещерским, который и связку мне взялся доставить: наконец удостоилась чести быть принятым благородным Толстым, который, с неизъяснимою благосклонностию принявши участие в ее страданиях, обещал ей чрез три дни со мною свиданье, и посему-то меня, совсем ему незнакомого, спросил из первых.

С сего дни, проживши еще в неволе тринадцать месяцев, я не могу пожаловаться, чтобы задержание мое имело что-нибудь тягостного, кроме выхода из крепости; я всем почти нужным, житейским пользовался; и даже привык было к сей мирной беззаботной жизни.

Вина
перевода
комиссии

О переводе Комиссии из Равелина и об определении г. Толстого начальником оныя известным учинилось. Князь Гр<игорий> Ал<ександрович> Потемкин, будучи всемогущ и своеволен, натурально не любил своих соперников; от них же Вяземский был из первых. Адская Комиссия, сим заведенная, обхватывая все состояния, цепляла и Преображенский полк, состоящий под непосредственными повелениями Потемкина. С первых движений он молчал, высматривая ход лукавого Вяземского. Приметивши же, что вместо чаемых важных открытий

заговоров и злоумышлении, все, по подозрению забираемые в Комиссию, являются только моты и шалуны, и предвидя, что, давши волю Вяземскому, половина его полка наверное была бы в крепости, он решился легонько открыть ГОСУДАРЬНЕ глаза на Вяземского затеи, доказать ей тщету оных, важные понапрасну издержки, простертые по всему государству, особенно в дворянском сословии, уныние, и тем испросил, чтобы Комиссия поручена была, мимо Вяземского, человеку беспристрастному, с повелением окончить ее над теми только, которые находятся уже в крепости.

Что г.Толстой был честен, это известно; как и предан князю Потемкину, также справедливо.

Первый
выпуск
подсудимых

Комиссия, с сего времени, занялась весьма деятельно следствием; и в сочельник, то есть 24 декабря, выпустила от себя первое отделение подсудимых, состоящее: из злодея Каш<инцова> и его соумышленников, из Адамовичевых приспешников, словом: из 13-ти человек, истинных и важнейших преступников. По выходе выбывших из Комиссии генерал потребовал живущих тут в присудствие, которым сказал: "Труднейшее окончено; после"праздников займемся вами, и верно не замедлим; не тужите, надейтесь на Бога". Толикое внимание к нашему положению, конечно, заслуживало всю нашу признательность.

Второй
выпуск

На первых днях масленицы еще учинился выпуск, состоящий по большей части из преображенцев, или из имевших с ними дела. Генерал сделал снова нам ласковое обнадежива-ние, и мы его благодарили. По сему отпуску опустевшие комнаты наполнены новыми жильцами, между которыми я с радостью увидел моего любезного Соколова и Брецинского.

В продолжение великого поста приметно было, что генерал редко приезжал в присудствие. На страстной неделе выпущены были еще несколько подсудимых, в том числе купцы и иностранцы, замешанные по банку. В сей выпуск поступил и Брецинский, жертва доброты своего сердца и неопытности, молодой человек, заслуживающий душевное соболезнование всех добрых людей, которого историю бедствий считаю не излишним здесь написать.

Гибель
завидного
молодого
человека

Сей благородный юноша, сделавшись в самых нежных летах бедным сиротою, по человеколюбию одного отдаленного родственника призрен, воспитан в Университетском Московском пансионе, и определен 17 лет в службу по армии; с открытием первой Турецкой войны перенесся на степи Буджакия по ревности к службе и по дарованиям не замедлил выйти в офицеры; служивши же всегда с отличием, удостоен в начале 1779 года от начальства важным препоручением: быть приставом и препроводить сераскира в С<анкт>-П<етер>бург. В сей роскошной

столице, при блистательном тогдашнем дворе, в раю, можно сказать, принаполненном всех родов забавами, утехами и веселостями, молодой ловкой человек при подобной должности, занимая довольно видный пост, имел возможное удобство все видеть, быть видимым и многим пользоваться. Дом для житья в Малой Морской; избыточное содержание, прекрасный экипаж, отличительный прием от всех, даже от вельможей, куда только приглашался сераскир, словом: шесть месяцев он плавал в реке удовольствий и, не хотя их вдруг лишиться, при отпуске сераскира в отечество, перепросился в штат генерала Ник<олая> Салтыкова, командовавшего С<анкт>-П<етер>бургскою дивизиею. Ведя такую жизнь в столице, не трудно наделать себе знакомых тем вернее и скорее, чем занимаемое нами местечко завиднее, и мы сами к дружелюбию расположеннее. Известно также, что офицер, любящий службу, охотнее всегда сближается с военными. Посему знакомство неосторожного Брецинского с хитрым Кашинцовым нимало не удивительно; сей, почитаясь лучшим Великолуцкого полка офицером, по обхождению самый приветливый, по житию самый развязный, по опытности самый интересный, не много долженствовал употребить старания, дабы втесниться в открытую душу благородного юноши и поместиться при нем ближайшим. Кроме частого свидания и тесных связи, дел, однако, Брецинский никаких с Каш<инцовым> не имел; может быть, он оставлял его для переды; когда же я с ним познакомился, то Кашин<цов> был уже под стражею.

По принятии князем Гр<игорием> Ал<ександровичем> Потемкиным в полное свое заведывание военного департамента, многие по армии учинены перемены и введены новости, из которых немаловажною можно поставлять преобразование иррегулярных войск в регулярные полки и причисление их в состав армейский. От сего Петербург наполнился; особенно князь окружался разными языки и племенами, как то: козаками, греками, албанцами, татарами, горцами и всякою иною чуждою, никогда до того столице невиданною. Все с чинами, с большим жалованьем, с почестями, в блестящих странных одеждах. В сей толпе разнородных, Бог один знает, каких не находшюся, что называется, молодцов! Можно почти утвердительно сказать, что большая часть из них причисляли себя сами, ибо довольно было иметь азиатскую рожу, странную одежду, чудную какую-нибудь шапку, и таковой смело мог себя выдавать принадлежащим к штату его свет<лости>. Между сими новобранцами весьма скромно помещался некто Михаила Князев, отставный поручик; он был вхож, и выдавал себя Хитрый ближним, славным трем братьям Горичам; но в самом деле он был того ни один из его знакомых на верное не мог знать; да и сам он едва ли о том был

известен; по лицу же по приемам, по душевным качествам он был истинный армянин, наилукавейший. Ума имел достаточно, опытность выработанную, вкрадчивость надежнейшую, осторожность неизменную; почему все плутни и обманы, которыми одними он существовал, ежели и выходили наружу, то один обманутый оставался в накладе и дураках, а он в барышах и умных. Сему-то злодею судьба повелела погубить любезного юношу. Когда и как познакомился он с Брецинским, сие мне неизвестно; но по случившемуся можно заключать, что он успел им завладеть совершенно; ибо когда я чрез мое знакомство с Брецинским, жившим тогда с Князевым, стал к ним вхож, то уже легко можно было видеть, что он находился в полной зависимости. Брецинский у Князева был как бы любимое избалованное дитя, которого все желаний, даже прихоти, выполнялись охотно; за то и сам, где дело шло о видах Князева, Брецин<ский> не только в делах, но и в словах, искал его одобрения. В кратковременное мое знакомство Князев обходился со мною вежливо, но из осторожности ни о каких делах никогда ни слова, чему и Брецин<ский> следовал. По сему, за что сей был взят в крепость, я точно не знаю.

По перемещении Брецинского из Равелина к нам в Комиссию, мы жили в одной половине; тут, сблизившись теснее и узнавши друг друга короче, мы сообщили взаимно и со всею искренностию все, нас касающееся.

Когда Брецинский, рассказывая мне свою жизнь, из которых некоторые подробности помещены мною выше, приблизился ко времени знакомства его с Князевым, то он мне сказал: "Признаюсь тебе, мой друг, сей человек в три или четыре дни своего со мною свиданья столько обнаружил мне доброты своего сердца, кротости своего нрава, столько явил мне основательности в своих суждениях, стойкости в своих правилах и знания людей, что я, как бы увлекаемый волшебною силою, прилепился к нему всею душою, полюбил его, как моего лучшего друга, внимал его словам с сердечной доверенностию, словом, поставлял его знакомство таким приобретением, которого вознаградить я ничем не мог. Познакомившись с ним уже достаточно и удостоившись от него нескольких откровенностей, когда я обнаруживал ему мое положение или виды и надежды на одну службу, то он со всем почти со мною соглашался; но в самом соглашении так искусно вмешивал свои суждения о заботах, нуждах, трудах, опасностях, а более всего о неминуемости, что с летами, или с потеряннем здоровья, служба оставляется, по большей части не обнадежась куском насущного. Сии и сим подобные частые у нас беседования весьма много ослабили мою горячность к полю; особенно, когда он сделал мне доверенность, пересказавши, что смолоду сам

весьма был к службе пристрастен, но что служивши в таких местах, где к отличиям не было случаев, и к концу третьего десятка своих лет увидевши тщету и почестей и воинских вознаграждений, он решился, пока еще был в силах, похлопотать понадежнее о насущном; что для сего приехавши в столицу, как иностранец и недостаточный, весьма много сначала он затруднялся, но при неусыпном старании нашел дорогу, которая, может быть, доведет его не только к безбедному, но и к завидному положению. Человек с дарованиями и с прилежностью, по нынешним временам в Петербурге, весьма может существовать. Сие, или лучше признаться, удовольствие быть с ним неразлучным, сильно на меня подействовало. Между тем приближалось время отъезда сераскира в Крым; мне должно было или, возвратясь с ним, попрежнему определить себя на долгую службу, или, отказавшись от него, поместиться в Петербурге. Но военную службу совсем оставить я ни за что не соглашался и по тому одному, что при первом производстве я поступал в капитаны.

Друг мой все сие не только одобрил, даже показал дорогу и пособил, что я в два дни помещен был в штат генерала Салтыкова. Распрощавшись с сераскиром, я перешел жить к моему другу; и живучи с ним вместе, видя его заботливость, самое бдительное попечение не только удовлетворять, даже предупреждать, предвидеть все мои желания, я, кажется, еще усугубил мою к нему любовь и привязанность. Будучи с ним неразлучны, мы находили лучшее удовольствие в одиночном беседовании. В сии часы раскрывая свое сердце, он известил меня о настоящем положении его дел, которые на тот раз были весьма затруднительны, о своих надеждах и о способах усовершенствовать оные. В сих способах находилось несколько таких, о коих доверенность, для доставляемых ими выгод, я принял с восхищением, но от которых, ежели они теперь приходят мне в голову, кровь моя застывает. Се есть роковая тайна, которой я тебе теперь, а может быть и никогда, не открою; я чувствую, что она погубила меня на веки.

За сим остается тебе еще сказать, что все сии его дружеские со мною поступки, его великолепные планы и надежды употреблены были на то, чтобы меня ограбить и погубить. Начало сему учинено: первое деньгами, какие у меня оставались тысяч около двух, потом займом мною из банка трех. Сии последние взяты не более, как за два месяца до моего заключения, и я тебе боюсь, что я из них ста рублей на себя не употребил. Когда известность о Комиссии сделалась уже всем несомнительною, тогда при изъявлении моих опасений, кроме обыкновенных успокоений, он уверял меня, что имеет благодетелей самых сильных; что в крайности он точно пожертвует всем своим благополучием, но меня не допустит узнать и малейшее оскорбление. На самом же

деле, когда я для него нахожусь в пропасти, когда всем позволены свиданья, он ни разу меня не видал; на три или четыре мои поеольствы всегда один ответ, что он скоро меня увидит, что его обнадеживают всем добрым и прочее сему подобное". - "Да ты всем нуждаешься, неужели и в сем он тебя оставляет?" - "Он недогадлив, а сказать ему, хоть умереть, не соглашусь".

За день до выбытия из Комиссии несчастный Брецинский, соединясь со мною, сказал мне: "Ну мой друг, час мой ударил, я сегодня узнал, что завтра отправлюсь в кригс-рехт, следовательно я пропал. Строгость моего осуждения, может быть, тебя удивит, для сего я тебе открою роковую тайну, дабы ты, зная весь ход моего нещастия, видел, что я, хотя и заслужил наказание, но завлечен в преступление самую адскою хитро-стию, и потому не совсем недостоин сострадания добрых сердец. Я тебе сказывал, что, живучи с Князевым, удоволь-ственнейшее мое занятие бывало: беседовать с ним одиночно. Он же, усиливая изо дня в день свою откровенность переска-зыванием дел и происшествий самых важных, и тем настроивши мое легкомыслие к слепому верованию, в один вечер, со всеми употребительными оговорками, открыл мне ужасную тайну или, как теперь я вижу, нагельшую ложь; словом, он меня уверил, что дважды фортуна давала ему временщинство, и что в первый раз лишил его одного князь, уславши на Кавказ; в другой же, даже имевши свиданье, он скоропостижно занемог и, протрадавши около месяца, нашел уже место занятым. Но что под рукою был он уведомлен, чтобы держал себя как можно скромнее и от князя осторожнее; что посему он надеется непременно воозвратить упущенное. Всякому другому, рассказывающему мне подобную чуху, я бы, кажется, в глаза насмеялся; но Князев своим красноречием, своими картинами, своим интересным видом, так завладел всем моим понятием, что я не только всему поверил, но, кажется, наплатил тем и душу мою и все существование до того, что я более недели был как бы восхищенный до третьего небеса, и наяву и во сне непрестанно мечтал о том щастливом времени, когда я чрез моего друга буду выведен, возведен, прославлен.

"По пылкости моего сложения не могли в себе вмещать моего воздушного щастия, я бы хотел всем оное сообщить, дабы предварительно иметь некоторый род наслаждения в рассказывании; посему нетрудно поверить, что я в жару спора с Кашинцовым не удержался, чтобы не болтнуть несколько о временщинстве. Сей, будучи не меньше Князева хитр и искусен пользоваться пылкостью неосторожной молодости, расположил свой спор так, что, то вопрошая, то возражая, то отвергая, выцедил из меня всю мою тайну. Конечно, как вздор, была бы она им скоро забыта; но несчастный случай, уловительные приемы Комиссии, а

может быть и злость, видя свою гибель неизбежною, решили его о сем донести Комиссии, и меня выставить, как зачинщика, или сообщника, дерзнувшего клеветать на... От сего-то столь продолжительные по три дни мне допросы и самые бурливые сцены. По сему одному я должен был очистить 16 пунктов; и конечно я их изгладил, то есть во всем заперся, и Кашинцов ни чем не мог меня уличить, но все сие, однако, осталось в допросе, и я точно уверен, что меня, или как клеветника, или сообщника, непременно накажут жестоко". - Предчувствие несчастного в точности сбылось: он осужден быть вечно за" ключенным в ручные и ножные железы и работать в Нерчинских заводах. Князев же, на верно знавший все происходящее в Комиссии, за день до отправления Брецинского в кригс-рехт, переменил свою квартиру и чрез то присвоил себе даже оставшиеся Брецинского вещи, которые позволено было ему, для своего содержания, продать. И так Врецин<ский>, обманутый, ограбленный и осужденный, в рубище потащился на канате в Нерчинск, а Князев, плут, грабитель, определенный к месту, поскакал в венской коляске в Саратов.

Окончание
комиссии

После Святой Пасхи, присутствии Комиссии бывали очень редко, и из немногочисленных оставшихся страдальцев начали высылать по одному. К Троицыну дню оставалось всех нас только шесть. Мы на верное полагали, что к сему дню нас всех решат; но, против чаяния нашего, в пятницу съехались все присутствующие и генерал, не бывавший с великого поста. По кратковременном заседании вышли все и генерал Толстой, проходя мимо нас, сказал: и вы скоро освободитесь, не тужите". И так все удалились. От приказных же мы узнали, что Комиссия кончилась, и что присутствующие приезжали подписать только определение о закрытии Комиссии. -Как же мы остаемся? - был наш вопрос. - Не знаем, - был их ответ.

На Троицынской неделе Малафеич прибыл на подводах с ящиками, забрал все бумаги и увез их с собою. Об нас же сказал, что наши допросы остались в Сенате.

Так, с окончанием Комиссии, оставленные неоконченными, мы были тогда, может быть, единственными несчастливцами, которых, восемь месяцев державши в заключении, судивши и не досудивши, бросили, но не освободили. Полагая, однако, что что-нибудь да должно с нами сделать^ мы вооружились терпением. Несноснейшее в нашем положении было то, что мы и наведаться уже о себе никак не могли.

Пустые
умствования

Рассуждая между собою о сем неожиданном с нами происшествии, мы никакого не умели делать заключения; и старый наш секретарь Соколов, сколько ни сведущ был в делах, подобного ни одного не знал. Но как несчастным обыкновенно одна отрада

надежда, то и мы осмелились догадываться, что нас, как маловиновнейших, Сенат на верное освободит, зачетши содержание в наказание, как и законы велют.

Необходимость быть пожертвованными

Несмысленные, а то и забыли, что ястреб ни одной птички, попавшей в его когти, не отпускает и волк ни одного пойманного ягненка не освобождает. - Мы оставлены не как маловиновные, но как маловажные; то есть: мы не интересовали генерала, поелику мы не были Преображенцы и не годились Терскому, поелику мы дать ему ничего не могли; посему нас и определили на содержание Вяземскому. Ибо он, встревоживши ГОСУДАРЫНЮ пустым изветом и издержавши на Комиссию значительные суммы, долженствовал непременно выставить преступников,

Я меньше всех беспокоился: первое, зная, что я почти безвинен; другое, что меня всегда обнадеживали, что задержание заменят мне, и что я без всякого взыскания буду свободен.

Все, однако, что мы ни думали о себе частно, или заключали совокупно, нимало не переменя нашего положения, заставляло с терпением ожидать будущего. Между тем дни пробегали, недели проходили, месяцы протекали, одна наша злая участь оставалась неподвижною. Никто об нас не наведывался; а мы, хотя и усердно желали бы осведомиться, но не знали, кого спросить. С наступлением холодных дней от г.ко-менданта возвещено нам, что на топление занимаемого нами дома нет дров и что для того переведут нас в каземат. Сей каземат ничем не был похож на равелинские; он был, лучше сказать, покои, сделанные в стене, довольно сухие, светлые и теплые; мы и наша стража поместились в них свободно.

Настала зима и Рождество; как сей праздник в России есть один из важнейших, для которого на две недели закрываются все присутственные места, то мы и небольшое наше, всегда обманываемое ожидание, отложили на долго.

Необыкновенное

Но то, что начинается необыкновенно, видно и оканчиваться должно так же.

На другой день праздника офицер с гауптвахты, представши нам, возвестил, чтобы мы все тотчас следовали за ним. Сборы не важные; чрез четверть часа все готовы; и поход открылся. Офицер в заглавии, за ним страдальцы, позади несколько солдат. Куда нас вели, никто того не знал; да и о чем было спрашивать или сомневаться? В дни великого праздника за тем и позвали нас, чтобы возвестить нам радость, то есть свободу.

Вышедши за стены крепости, глазам моим представшюся обширное, как бы никогда ими не виданное пространство. Две Невы и по их берегам огромныя зданиия, а более всего толпы народа, едущего и идущего, неизменно меня занимали. Я мечтал

и радовался, что севодни же, может быть, буду участвовать во всеобщем движении.

Аминь

Перешедши большую площадь пред Коллегиями, вместо Сената препроводили нас в Юстиц-Кантору. По докладу были мы немедленно впущены в судейскую. Тотчас присутствующий, с держимою в руках бумагою, поднявшись с своего места, чему последовали и другие члены, подходит к нам важно и громогласно читает: "Всеподданнейше внесенный нам от Правительствующего Сената доклад, ВСЕМИ-ЛОСТИВЕЙШЕ подтвердить соизволили: коллеж<ского> ас<сесора> Соколова, поруч<ика> Гиммеля, подпоручиков: Рад<ищева>, Теляковского, Калитеевского и Винского, лишив чинов и дворянства, послать: Рад<ищева> и Теляк<овского> в Колу; Соколова, Гиммеля и Калите<евского> в Тобольск, Винского в Оренбург, вечно на житье".

От сея ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЯ милости зарыдали все мои товарищи, остолбенел я. Между тем вывели нас в подъяческую; тут добрый Мещерский, обливаясь слезами, заставил и меня плакать. Возвестили нам, что подводы и провожатые готовы; торопили, как можно, собираться; едва позволили кой-как снарядиться необходимейшим. Товарищи мои уехали прежде; я же за сборами промешкал до вечера, и в шесть часов, ввалившись в кибитку, по освещенным, шумным радостью улицам, вывезен из преславного Санкт-Петербурга,

Так совершился гибельнейший для меня переворот. Я описать старался его с мельчайшими, даже скучными, подробностями, дабы показать чувствительному читателю в самых малостях, как ничего не значили дети у Премилосердя Матери! и что непрестанно, на разные распевы провозглашаемое, правосудие Российский Минервы было ни что иное, как нарядное разбойничество.

Щебетание
кузнечика

По извету: "что кто-нибудь намерен из банка занять денег, но занял или нет, неизвестно?" - скажите, кто лучше это знает, - можно ли по сему кого-нибудь взять под стражу? - и я точно посему взят. Положим: "для вида" Правительства необходимо бы то было. - Но можно ли с равелинскою жестокостию поступать с тем, кто задерживается для банка? При допросе позволено ли именем ИМПЕРАТРИЦЫ обольщать подсудимого или расставлять ему ловушки? - После допроса можно ли подсудимого содержать 15 месяцев понапрасну под стражею? - В деле после следствия, поступающем в суд, не тем ли оно начинается, что подсудимый подтверждает свои допросы, или передопрашивается; почему у нас сие было отнято? - В приговоре не должны ясно быть показаны преступления подсудимого и закон, по которому он наказывается? - Почему же в конфирмации о том ни слова? Может

быть председатель боялся опоздать к обеду, для того не хотел читать доклада? - Нет, читать было нечего; ибо и в бумагах, с которыми я приехал в Оренбург, об винах моих ни слова. И, наконец, почему избран не только не присудствен-ный, но большого праздника день, для объявления нам ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕГО бесчеловечия? - Дабы..., дабы... по возможности укрыть приговор сострадательного Правосудия. Нет, нет, и на смертном одре скажу: "Судили меня неправосудно, приговорили бесчеловечно".

Лучше
поздно,
нежели
никогда

Родившись в стране поработенной, воспитанный у монахов, определенный начать мнимую отечеству службу между мамелюками, не выдавши, не слыхавши и не читавши ничего кроме рабственного, не имевши ни малейшего понятия о страшном животном человеке, еще меньше о составе обществ, законах, властях, правительствах, я вопиющую несправедливость, причиненную мне правосудием, принял с истинным скотским равнодушием: ни единой жалобы против моих обидчиков, ни единого проклятия на сигклит разбойников, на их Атамана, на их Повелительницу; одно сожаление о потере вольности и удалении в суровую сторону наполнило всю мою сущность; я плакал, как ребенок, и повиновался как вол.

Много протекло времени, прежде нежели набрел я на способы, чтобы видеть дела и делателей в их настоящем виде, вознегодовал, оскорбился, видя себя столь бессовестно обиженным, успокоился, утих, узнавши, что моей братии, жертв правосудия, несравненно безвинней меня, во все времена, во всех правительствах, во всех народах премногие тысячи изгнаны, зарезаны, удушены, живые сожжены и проч. и проч... Гнев мой переменился в тихое негодование, одобряемое самим разумом. Собственно за себя я искренно перестал сердиться на всемилостивейшую содетельницу моего вечного нещастия; но не видеть произвольно ее злодейств? приписывать ее лукавствам ум? ее дерзостям мудрость? Нет, нет, я на сие не согласен.

Знаю, что многие вознегодуют на меня за жесткие изречения начет премудрыя; но сим обожателям великия, скажу: Правда есть мой Бог; она не всегда бывает выглажена; к тому, тысячам ложных похвал великий ли причинят ущерб несколько десятков истинных укоризн.

Театр

Оставляя С<анкт>-П<етер>бург, я щел себя как бы изгнанным с великолепного и многоличного Театра. Правда роля моя была самая мелочная, но оспорить меня никто, по справедливости, не может, чтобы, живучи около десяти лет в сей столице, я не был действователем. Игравши, я не имел ни времени, ни умения ценить дарования прочих действователей; живучи во уединении, я собрал

об них кой-какие напоминания, и их-то на прощаньи с театром, намерен здесь поместить.

Некоторые
внутренние
распоряжения

Е<катерина>, главное лицо, приближалась уже в сие время к своему перигею. В игре становилась она от часу искуснее; похвалы и рукоплескания раздавались ей со всех концов Европы. Роли играла разные и довольно удачно. После занятия престола обратила на короткое время свое внимание на внутренние дела. Отобранные Петром Третьим у монастырей деревни, возвращенные при начале ее правительствования, скоро опять отняты под предлогом, что прежний отбор учинен был не основательно. Она же для сих имений учредила особый Приказ, обещавши торжественно: имении сии, как священную собственность, сохранять в ненарушимой целости, никогда не смешивать их с другими именьями, считать их вечно монастырскими и доходы от них употреблять на одно содержание монастырей, монахов, школ, больниц и других Богу угодных заведений, между которыми очень скоро поместила графа Орлова, пожаловавши ему, в вечное и потомственное владение, в Ростовском уезде 10 тысяч лучших экономических крестьян. Тайную анцелярию, Петром же уничтоженную, хотя не восстановила, но вместо ее учредила при Сенате Секретную Коллегию, под непосредственным начальствованием князя Вяземского, и производство дел поручила славному кровопийце Шешковскому. Попытки публичной, конечно, не отмени; но что творилось в Равелине Св.Иоанна, на домах Вяземского и Шешковского, это и в розыскных приказах едва ли случалось? - Сенат разделила на департаменты; трем первым Коллегиям, то есть: Военной, Адмиралтейств и Иностранной, пожаловала новое образование; как <и> кадетским корпусам и воспитанию благородных девиц. -Вознамерившись обозреть Империю, начало учинила Лифляндиею; но скоро возвратилась в С<анкт>-П<етер>бург, по причине происшествия, затеянного Мировичем, следствием коего было убиение злощастного Иоанна Антоновича. Сколько изъявила публичными отзывами, на словаре и на бумаге, сожаления о сем напрасном убийстве, столько душевно благоволила об оном; о чем заключали все по значительным награждениям, учиненным Савелову и Чевкину, палачам несчастного принца. - Задумавши сделаться законодательницею, повелела во всем государстве избрать от всех сословий по одному депутату, для сочинения, по ее Наказу, законов. В ожидании же прибытия их в Москву, сама изволила предпринять путешествие по Волге, на великолепных галерах блистательною и многочисленною свитою. Плавание, начатое в Костроме, продолжилось только до Симбирска, откуда, по причине полученного донесения о болезни цесаревича возвратившись в

Напрасное
злодеяние

Москву, открыла величественную кукольную игру законодательства. Пышное шествие во храм, блистательное заседание на троне, высокого витийства приветствии от всех сословий, колокольный звон, народные клики, пушечная пальба не умолкали во все время, пока совершилось великое дело образования Комиссии о сочинении Проекта Нового Уложения. Наказ прочитан в первом заседании; Комиссия по предметам разделена на 22 отделения, под распоряжением двух маршалов, председательствовавших в дирекции. Дело началось довольно торопливо, длилось около года, потом вдруг Комиссия сокращена в двенадцать членов, под начальствованием князя Вяземского, а прочие депутаты распущены по домам: одни, подверженные немилости за неуместную стойкость, другие, награжденные пожалованиями за догадливую подлость. Из всего, происходившего в сей Комиссии, достопамятнейшим может почтется публичное прение князя Щербатова, защищавшего рабство крестьян, с депутатом Карабьиным, говорившим за их вольность, которое прекращено было без дальнейших пустословии объявленную чрез Вяземского волею Государыни о сем не говорить-" Рукопись ИМПЕРАТРИЦЫНОЙ десницы, положенная в драгоценный ковчег, отдана для сохранения в Сенат; сочинение же Законов, под разными названиями, под разными начальниками, разными Немецкими Салонами продолжается по сей день.

За сим последовала первая война с турками и польскими конфедератами, посылка в Архипелаг Российского флота и, наконец, Кайнарджиский мир. Описывать сии важные происшествия не щитаю нужным, поелику оные всем известны. Тогдашние повествования сих деяний, по новости ли, или по ненавычке еще бессовестнейше обманывать, вразумляют любопытного читателя достаточно о всех приемах, чрез которые совершено усмирение турок и обессиление Польши. Кагульская победа, одержанная Российским Тюреном, мужественными чиновниками и храбрыми воинами, от истинных знатоков военного дела достойно прославляемая; взятие Бендер грудью, и совершенное истребление Агарян-скаго, в их собственных водах, флота - деяния, по справедливости, могущие требовать сравнения с бессмертными подвигами у Платеи, Маратона и Саламина, представленные от отечественных и чужеземных писателей не сомнительными доказательствами поверхности россиян над оттоманами. Отторжение от Польши третьей части ее владений и дружественное оных разделение между соседями, хотя и не одобрялося повсеместно; тогда и криводушничая стыдились еще бесчестно лгать; посему: насилие не именуется справедливостию, грабеж обогащением ограбленных, угнетение благоденствием угнетенных. В тогдашних писаниях можно было каждому ясно

видеть, что три мочные соседы, видя четвертого, по слабоумию не радящего о своих пользах, непрестанно пьянствующего и забиячущего, решились, для общего спокойствия, отнять у него значительную часть его собственности; решились и, не пустословя понапрасну, каждый себе любое отделил, поставивши на рубежах вместо столбов войски; и наияснейшая, подонкишотствовавши, принуждена была своего собственного добра отступиться. Словом, публичные дела сих годов можно читать во многих сочинениях; я же здесь, по возможности, постараюсь написать несколько частных, со всевозможным тщанием утаенных, и из сих одни мне известнейшие.

Полдник по
русски

По окончании первой Турецкой войны, когда остаток Российского флота долженствовал из Архипелага возвратиться в Кронштадт, граф Алексей Орлов придумал оставить в Италии памятник русския честности и своего человеколюбия. В Тосканском герцогстве возвращена, воспитана и жила в сие время дочь императрицы Елизаветы, не знающая, может быть, о своем странном рождении; по меньшей мере, не занимавшаяся Россиею. Граф, во время зимований своих в Пизе познакоившись с сею несчастною, будто до теснейшего, при отбытии своем определил увезть ее в Россию. Для сего, задолго еще склонил ее и успел согласить, чтобы она простилась с ним на флоте. - Принцесса, может быть узнавши нечто о своем происхождении, может быть и по чистому своему добродушию; бывши для всех русских ласковою и благодетельною, и по сему не имея вины ни к малейшему подозрению, пригласив с собою несколько своих приближенных, приехала из Пизы для сделания сея чести Орлову нарочно в Ливорну, В назначенный день адмирал с знатнейшими офицерами, приняв принцессу с берегу, на украшеннейших шлюпках препроводил ко флоту, находившемуся уже вне гавани на рейде. С кораблей приветствовали гостью пушечными выстрелами, расцвечением мачт флагами, поздравлениями ура, и граф сам на лестнице подал княжне руку. Пиршество открылось великолепным полдником, на котором отборнейшие плоды, вкуснейшие яства, изящнейшие прохлады, редчайшие пития и замыслова-тейшие украшения сколько увеселяли зрение, столько же услаждали вкус; при чем музыка, попеременно то нежная италиянская, то воинственная русская, восхищала слух. Веселие было в полной мере, как граф с величайшею вежливостию предложил принцессе: не угодно ли ей будет посмотреть морских кораблями движений? Неблагоразумная, не видевшая того никогда, охотно согласилась на вероломную забаву. Поданы сигналы, корабли снялись с якорей, распустили паруса, начали свои эволюции и, маневрируя, не чувствительно удалялись в открытое море. Княжна, занимаемая непрестанно, была в полном

удовольствии, но, увидевши приближение ночи, попросила о возвращении. Тогда сцена вдруг переменяется: княжну с первопопавшею в руки италянкою схватывают, запирают в каюту; следовавших за нею италянцев ссаживают на задержанное, идущее в Ливорну, судно; корабли прибавляют парусов и направляют путь свой прямо в Россию. Так, внука ПЕТРА ВЕЛИКОГО, выдворенная в прелестной Италии, дабы отдаленностию от отечества укрыть ее от адских дворских притязаний, чужеземкою, хищнически завладевшею престолом ее Матери, исторгнута из мирного теплого края и перенесена во влажные подземелья хладного Петрополя.

Слух, глухо носившийся о сем происшествии, скоро затих, и злосчастная дочь и внука обладателей России забыта, как бы не существовавшая. До моего знания сие дошло странным образом: в занимаемой мною, в крепости комнате я увидел нечаянно в углу одного окошечного стекла написанное ДГО. Рассматривая примечательнее, открывалось, что стекла все прежде были забелены, что доказывалось оставшею в некоторых углах белую краскою. Я долго глядел на мое открытие и махиально выговорил дш. Старик солдат, мой прислужник, случившийся на ту пору со мною, вдруг меня спрашивает: "что это, батюшка, дня?" - "Это по-итальянски Бог". - "А мия дня?" - "Это мой Бог". - "Ну, так то оно и есть". - "Да ты почему сии слова знаешь?" - "Я тебе, сударь, скажу, только ты помолчи: годов пять тому, втемную, осеннюю ночь привезли в Равелин двух барынь, не русских; одна была как бы госпожа, молода, лица красного, рослая, белая, другая похуже, смугленькая. Первая была больна, и к ней доктор раза по три в день приезжал; но видно ей тяжело было в Равелине и так ее, ночью же, перенесли в сей дом, и она жила в самой сей комнате. Я был с другими при ней, и мы часто слыхали, как она выговаривала МЫ ДІЯ; а плакала она, сердечушка, и день и ночь. Она опять скоро занемогла, сделалась больно тяжелою, то ее снова увезли куда-то, где, говорят, она скоро померла".

Происшествие с сею княжною в Ливорне, описанное мною выше, я слыхал от моего доброго Чичагова, которому передано оное морским офицером, служившим тоща на том самом корабле, который привез несчастную в Россию. Се была совершенно напрасная жертва честолюбия Екатерины. Она, говорят, сильно негодовала на Орлова за сей поступок, старалась всем возможным уверить, что оный сделан без ее знания; но опровергнуть подозрение вернейшим, то есть освободить и возвратить невинную в Италию, ей не пришлось в голову.

Война с турками еще продолжалась, как прусский принц Генрих, брат короля Фридриха II-го, посетил императрицу в С<анкт>-П<етер>бурге. Блистательнейшие праздники,

замысловатые увеселения, богатые подарки являли Е^{<катерину>} обходительною, величавою, щедрою. Сей князь будто проложил в Россию дорогу другим высоким лицам. Скоро за ним посетила Екатерину Гессендармштадтская фамилия, из трех княжен, которых одна избрана супругою цесаревичу. По возвращении двора из Москвы принц Генрих снова пожаловал в С^{<анкт>}-П^{<етер>}бург, положил на мере брак овдовевшего великого князя и склонил его учинить посещение королю Прусскому.

Король Шведский, Император Римский и Наследник Црусский один за другим посетили также Екатерину. Праздники, торжества, всех родов увеселения наполняли не дни или недели, но целые годы, удивляя и восхищая всех сколько великолепием, столько же разнообразием и вкусом.

Блеск двора, наполняя лучезарностью столицу, от доверенных Екатерины отражался, казалось, сугубым сиянием.

Потемкин, вознесенный в достоинство Римской Империи князя, хотя временничал не долго, но Екатерине столько умел угодить и сделаться ей необходимым, что остался навсегда у ней всемогущим. Не могши, однако, как я прежде сказал, поравняться с древними вельможами, оттеснил их всех от двора в самое короткое время. Графы Разумовский и Панин удалились в деревни; Захарий Чернышев, пожалованный фельдмаршалом, принужден был ехать в свою Белорусскую губернию и Военную Коллегию уступить Потемкину. Граф Румянцев, завоеватель Кайнарджиского мира, в полном смысле генерал и патриот, заманенный в С^{<анкт>}-П^{<етер>}бург для испытания всех родов уничижений, после годового терпения отправлен открывать свои малороссийские и некоторые соседние наместничества, ставши по сему новому назначению в зависимости князя Вяземского.

Хотя, по сущей справедливости, Потемкина нельзя порицать жестокосердым и гонителем своих недоброхотов; напротив, много было примеров, что он бывал нередко к ним великодушен; по большей же части, мстил своим злодеям одним презрением. История, однако, князя Петра Михайловича Голицына являет противное. Сей генерал-поручик, служивший всегда с отличием в армии, за год пред сим, главноначальствуя войсками против Пугачева, низложивши злодеев среди лютой зимы под К^{<репостью>} Татищевую, освободивши Оренбург от осады, рассыпавши толпы мятежников и тем настроивши окончательное истребление изверга, по прибытии в Москву повел себя касательно нового любимца с совершенным невниманием; к чему подстрекаем был сколько знатностью своего рода, богатством и оказанными заслугами, столько же и природною ему гордостью. Лестный от императрицы прием, и паче поддерживая в нем все сие, скоро произвел в столице слух, что он заступит место

Потемкина, чему почти все верили, кому было известно, что князь и из себя довольно был недурен. Когда молва о сем событии становилась по Москве почти общею, Потемкин приготовил всему сему опровержение совсем нового изобретения. Утром одного дня явился в дом князя Голицына отставной майор Лавров и просил князя об особенном переговоре, на котором потребовал от князя удовлетворения за причиненную якобы ему от него, во время служения еще его в княжьем полку, обиду!. Князь, не только обиду, но и самого его забывши, отвечал вспыльчиво и грубо. Проситель, сего, как видно, ожидавший, возразил полновесным ударом в лицо его с<иятельст>ва. - Князь, взбесясь от сего неслыханной в России дерзости, бросился сам на него и, с пособием людей, схватив и связав злочинца, отослал с изветом в полицию. Вся многочисленная Голицыных фамилия требовала, громко и настоятельно, примерного дерзкому оскорбителю наказания; все, до кого сие происшествие доходило, судили об оном различно; но явное покровительство Лаврову, от Потемкина деемое, вразумляло каждого, откуда произошел удар. Учреждено, по высочайшей воле, особое для рассмотрения и суждения сего дела судилище. Голицын, однако, одумавшись и видя, что сей суд послужит только к пущему их обесслав-лению, силились выдать, что Лавров был сумасшедший, но сей при первом допросе уничтожил сие домогательство, доказавши, что он не есть, и никогда не был, сумасшедшим. Через несколько же дней вдруг вышло именное повеление, где без каких-либо малейших предлогов приказывалось: "то дело предоставить суду Божию". Сим публика удивлена; фамилия Голицыных уничижена; Петр же, доведенный до беснующа-го отчаяния, не нашел лучшего средства успокоиться, как, вызвав своего сослуживца и почти друга бригадира Шепелева к единоборствию, дать себя убить. Тело его со всеми воинскими почестями предано земле; Шеп<елев> отпущен на три года за границу; Лавров, прославленный и обогащенный, возвратился к своим пенатам. В сие время начали на театре появляться новые лица, из коих некоторые, от мелких ролей, переходили очень скоро играть первые. В числе сих Безбородько, приобретши своими дарованиями благоволение САМОДЕРЖИЦЫ, умел чудесно протесниться между двумя могучими САТРАПАМИ, то есть: Потемкиным и Вяземским, и, создавши для себя новый генерал почт-директора чин, ежели не поравнялся с ними, по меньшей мере, сделавшись от них независимым, удержал, до смерти Е<катерины>, всю ее доверенность.

Гвардия, корпус со времен Петра Первого всеми его преемниками до того уважаемый, что в нем не только офицеры, но и унтер-офицеры, непременно должныствовали быть из настоящих

дворян, в правление Потемкина наполнилась всех родов разночинцами, даже азиатцами.

Водворение в России иностранцев, Петром Великим сильно покровительствуемое, сколько было тоща нужно и полезно, столько по кончине его, особенно в царствование Анны, сделалось для России тягостным; так что Елизавета принуждена была издать закон о не производстве иностранцев, не знающих российского языка, в офицеры. С половины царствования Екатерины II-я не только европейцы, но всех стран чужеземцы, начали у нас поступать на службу, производиться в чины, вписываться в сословие дворянства и занимать государственные должности. С<анкт>-П<етер>бург, как бы рассадник всех сих нечистых растений, распложал их по всей Империи. С сего времени начали появляться между гвардейскими офицерами чухонцы, а в Сенате заседать маймисты. Немчура же, как однодневная мошка, забивалась в мельчайшие изгибы государственного тела. Ни один народ не обнаруживает более неприязненности к иностранцам, чем русский, но и нище они не усвоиваются так легко и повсеместно, как в России.

Производство в чины, до сего времени бывшее важным действием правительства и исполняемое по заведенным правилам, от Потемкина и Вяземского направлялось по одному их благоволению; посему купец наряжался в майорский мундир и отпущенник, по прокурорству, выходил в надворные советники. Места, должности, кресты и награждения сыпались как снег; и одни только честные да ленивые их не получали.

Е<катерина> в сих годах была самою деятельною. По преодолении первых затруднений одной ея головы достаточно было изображать, располагать, давать наставления, по которым министры ея при европейских дворах начали выступать надежнейшими шагами. Внутренние дела находились в чудесном движении: Потемкин переиначивал войско, созидая и разрушая все самопроизвольно; Вяземский открывал непрестанно новые театры, то есть: наместничества, которые, подавая случай в разных местах Империи к пышным торжествам, поочередно отправляли ко двору с благодарениями депутации.

ИМПЕРАТРИЦА, плавая радостно в море величия, нази-рая все своим оком, как самодержица, утопая в сладострастии, как человечица, переменяла без малейших оглядков своих любимцев и тогда утомляла уже шестого явного; учредив же утешников своея ненасытимая похотливости важнейшими государственными чиновниками, ругалась бессовестно не только над своими подданными, но над целым, можно сказать, человечеством.

Тоща, наряду с другими, и я поклонялся сим божкам. Не видел в них иного, кроме красоты, сияния, могущества. Теперь, по

рассеянии тумана, когда люди и их деяния представляются мне в настоящем своем виде, я не могу довольно надивиться, как сих бесстудных подлых мущино-б..... не покрывали и не покрывают справедливо

ими заслуживаемыми бесчестьем и поношением? Бедная блудница, продающая себя, дабы не умереть с голоду, за деньги, презирается от всех и считается хуже самых злодеев. Благородный или сиятельный мущина-б...., продаваясь бес-

студной Мессалине, вместо поругания домогается общего почитания.

Где высокое чувство человеческого достоинства? где нравственность? где справедливость? что религия? сильнейшее, по вашему, обуздание страстей, единственный бич пороков? почто она молчит? какой честный, чувствительный человек не вознегодует, видя, как ваш первосвященник лобызает бесстудных жены руку, еще носящую, может быть, пятна блевотины ее любовдеев?

О! как рад, благодарен, что сия мужественная мысль есть собственная моя, возрожденная негодованием в моем мозгу!

Разъезжайте гордо на английских конях, овдовевшие Е<катери>ны блудники! мечите с сияющих ваших колесниц нерадиво очи на пресмыкающуюся чернь! Знаю, что миллионы вас не разумеют, что тысячи вам поклоняются, сотни вам завидуют; но в глазах честных людей, но по самой справедливости, вы не иное что как продажные б..., несравненно подлейшие, низшие кабацких потаскуш, поелику тех нужда несколько извиняет; а вас?., насильно себя погружавших в смрадную пропасть похотливых старухи, чем можно извинить?

Вечное проклятие Ей, и всегдашнее поношение вам!

. Д1х!

III. ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ ИЛИ СРЕДНИЕ ГОДЫ

Выезд из
С-п-бурга

Прощание
с женою

Жена, как
должно

Я сказал выше, что для перевезения меня в Оренбург даны мне две повозки, каждая парюю коней, и три телохранители. При суматошном отправлении, самого важного не удалось мне сделать, именно: проститься с милою женою. Я знал, что она в гостях у большой своей сестры на Руке; посему оставалась мне одна сомнительная надежда, - там с нею увидиться. Выехавши из города, пощастливилось мне уговорить своею унтера, пока прописываться будут подорожные, сводить меня в дом штаб-лекаря, бывший вторым от караульни. Как описать удивление хозяев, записных моих врагов, видящих меня неожиданно в их жилище? Как изобразить отчаяние моего бедного Лорхин, коща она узнала, что я осужден в вечную неволю и зашел только с нею проститься <?>. Бросившись ко мне на шею, она рыдала, не могли ни слова вымолвить. Мать ее сидела полумертвая; средняя сестра обливалась слезами, тогда как старшая и зять изрыгали на меня все клятвы и осыпали меня самыми обиднейшими ругательствами. Преожесточенный всем сим, я вырвался из милых объятий с насилием и побежал к моей повозке стремглав, заглушая чувства, раздирающие мою душу.

Лишь только усевшись и скрепя сердце, хотел я сказать: пошел, - услышал голоса с правой руки: постойте, постойте. Унтер говорит: две женщины бегут, видно проститься; слышу шаги, и вижу, что одна, прыгнувши ко мне в сани и схватя меня весьма крепко обеими руками за шею, кричит: "нет, я с тобою, мой друг, не расстанусь; вели ехать; ступай, пошел". Будучи в крайнем замешательстве, я сам кричу: пошел. Сани летят; слышу еще в воздухе: Schwesterchia, Bruder, и мы за Рукою. Опомнившись несколько, спрашиваю; как она решилась на сей поступок? - "Ах! они меня вчера и третьего дни непрестанно уговаривали, чтоб я тебя оставила; хотели меня услать в Выборг; на отказ мой грозились меня от себя не отпускать; я им божилаюсь скорее умереть, нежели с тобою расстаться. Они верно знали, что тебя посылают сегодня, ибо весь день меня из горницы не выпускали и платье и шубу спрятали; сестра надо мною сжалась, дала мне свою мантилию и проводила меня сюда". - Да ты, моя милая, замерзнешь? - "Нет, нет; мне подле тебя будет тепло". - Конечно неимоверный, по нынешним временам, поступок; но оный точно произведен в действие шестнадцатилетнею, иностранкою, вырвавшеюся из рук родных в домашнем платье и в одной мантилий, решившеюся с мужем ехать в изгнание за 2500 верст. До Славянки я был почти в несомненном надеянии, что нас догонят и Лорхин мою отнимут; но, против чаяния, не только не

Переезд из
С.Петербург
в Оренбург

было за нами погони, но и ночь в сем месте мы провели довольно спокойно.

Узнавши на другой день при выезде, что уехавшие прежде меня мои товарищи, назначенные в Тобольск, тут же ночевали, мы соединились с ними; и так неразлучно продолжали наше путешествие до Казани. Описывать города и места, на сей дороге лежащие, я не считаю нужным, поелику они довольно известны; приключений с нами, заслуживающих внимания, также не случилось; мы ехали почти по своей воле, довольно покойно, ибо не проезжали в день более 50 верст.

Благотворе-
ние
неподражае
мое

В Казани мы должны были разлучиться, и расстались с искренним сожалением, как родные братья, не надеясь никогда уже видеться, разве только в вечности. В любезном моем Соколове я лишился друга, собеседника, утешителя, и что всего важнее, в самой его бедности моего благотворителя. Мы все вывезены из Петербурга весьма не с грузными карманами; у меня было 14, у Лориньки как-то случилось на тот раз 7 рублей, и мы были богатейшие. С первых дней надобно было купить кое-что необходимейшее; для сего в Новгороде же издержано около десяти рублей; посему к Москве оставалось уже у нас весьма не много; и по уважению, что мы долженствовали еще проехать более 1500 верст, издержки свои мы крайне убавляли. До Москвы, имея на каждой станции порядочные, по крайней мере просторные кибитки, мы помещались в них без дальнего стеснения, но проехавши Москву, когда должныствовали мы ехать на крестьянских подводах, тут не только кибиток, да и саней порядочных нельзя было иметь; тоща мы начали испытывать крайнее утеснение, особенно бедная Елеонора Карловна, будучи за половину беременна. В городе Покрове, остановившись обедать, когда я, не имея никакого средства пособить реченному несгody, старался ободрять мою жену к терпению, Соколов отлучился из горницы и, чрез четверть часа возвратись, говорит мне: "Я сыскал изрядную кибитчонку; и не дорогую; вели, брат, укласть в нее все свое; Елеоноре Карловне будет в ней покойнее". - Друг мой сердечный, и недорогую мне нечем заплатить". - "Да она уже заплачена"" - Как? ты, не имея сам необходимейшего? -. "Пустое, брат, полтора рубли еще у меня осталось, а пять копеек царицыны". Кибитка заплачена четыре рубли с полтиною; и так сей добрый человек имел всего шесть рублей, и от тех три четверти посвятил терпящему человечеству. О, вы! Кузьмичи, Ильичи, Андре-ичи, Фалалеичи, и вы все любимейшие чада Плутуса, - все, миллионы свои нажившие самыми благонамеренными средствами, - кто от кабаков, кто от промыслов, кто от подрядов, кто от закладов, - скажите по совести: в состоянии ли кто-ни-буд-ь из вас тысячною частицею своих

сокровищ пожертвовать для нужды ближнего? Да! вы подумаете, а может быть и скажете: "разве мы не жертвуем на пользу общую?" Знаем, знаем: иной от двух миллионов даже до двух десятков тысяч, и в то время, когда бедняк, поднеся свой рубль, отдал половину своего имущества; но вы христиане, Евангелие должно быть вам знакомо, припомните вдовицы-ны два лепта и устыдитесь пред Соколовым...

Первые
впечатления
от татар

От Казани дорога к Оренбургу, особенно переехавши Каму, почти вся заселена татарами. Первый ночлег имевши у торгового татарина, мы не могли довольно налюбоваться чистотою и опрятностию особо нам данной комнаты: диван, покрытый коврами и мягкими подушками, пол, устланный кошмами; к тому предложенный сим хозяином чистый белый хлеб и весьма хорошее свежее коровье масло заставили нас возыметь о татарах самые выгодные мысли; на другом, однакож, ночлеге все другое уже нам представилось: изба мокрая, смердящая самою отвратительною вонью, окны плевою бараньею обтянутые, стужа, по причине неимения сеней, прямо врывавшаяся в избу; к тому виденное нами гадкое стряпанье салмы и нелюдимость хозяев, - все сие так невыгодно поселило татар в моих мыслях, что тридцать лет живши между ними, никогда не мог себя принудить даже отведать их пищи.

7-го февраля прибывши в Бугульму, первый Оренбургской губернии городок, узнал, что губернатор г.Рейнсдорп, к которому я был адресован, умер, и что его должность занята вице-губернатором князем Хвабуловым; известие для меня немаловажное, поелику я знал, что г.Рейнсдорп был человек умный и добрый. В сем вшивом городишке воевода отнял у меня мою гвардию, препровождение мое поручивши одному старому солдату. Правда, сей добрый старик иногда помогал моей нужде.

Прибытие в
Оренбург

16-го февраля, в сыропустное заговенье пообедавши в "б Сакмарске, пустились мы к Оренбургу. Проехавши Каргалу и приблизившись к 9-й версте, открылась мне необозримая равнина, покрытая снегом, не имеющая не только дерев и кустов, ниже каких-либо видных из-под снега растений. На правой стороне видно было кругловатое возвышение, с левой два довольно высоких хребта; впереди город Оренбург, как груда собранных в одно место церквей и колоколен. При первом обозрении сердце затрепетало и мысли сказали: "вот твое жилище и гроб". По мере приближения город прибывал в окружности, но терял в виде, ибо его стены, с сея стороны одетые камнем и от времени почерневшие, казались к белизне снега весьма страшными, что воображение несчастного узника еще более усиливало.

Проехавши ворота, увидели мы прямую длинную улицу, загроможденную катальщиками всех званий, так что по ней

проехать никак было нельзя. Посему боковыми улицами пробрались мы кой-как до постоянного двора и тут, поместясь в заднем уголку, провели мы вечер самый не масляничный, ибо радость и веселие от нас были весьма далеко.

Представление
губернатору

На другой день с алгвазшюм отправились мы к г.вице-губернатора. По долгом в пустой передней ожидании, позвали меня в комнату. Его сиятельство лежал на софе, перед ним стоял с бумагами секретарь. Едва вскинувши на меня взор, спросил секретаря: "Что с ним делать?" Сей отвечал ему несколько слов. Князь сказал мне: "Ступай, брат, за ним". - "Ваше с<иятельство>, до сегодняшнего дни я получал казенное содержание; теперь как изволите приказать?" - "Ты прислан сюда на житье, а о содержании твоём ничего не сказано". - "Чем же я буду жить, в<аше> с<иятельство>?" - "Будешь сыт, было бы что есть". - Сии жестокие слова сказал он не от жестокосердия, но в шутку, как то объяснилось после учиненными от него мне многими милостями.

Сей день я должен был весь просидеть в губернской канцелярии, пока совершались приказные обряды касательно помещения меня в число жителей оренбургских, разумеется, несчастных. К вечеру отвели мне в небольшой улице, в мизерном домике, маленькую горинку, довольно чистую и теплую, приказавши хозяевам со мною обходиться ласково.

Получение
свободы

Оставшись один с женою, и чувствуя себя после 18-ти надзора, я ощутил было сначала некоторую приятность; но взглянувши на брошенные в угол наши бедные пожитки, видя мою несчастную Лорхин в задумчивости, сообразив бегло, - где я, и что я? -грусть мгновенно сжала мое сердце. Жена, приметив мое уныние, подошла ко мне и своим ангельским взором и нежнейшими ласками разогнала весь мрак моей души. - "О чем мой друг тужишь? теперь мы, слава Богу, вместе; никто не помешает нам быть неразлучными; мы станем работать, будем веселы и щастливы". - "Работать, - отвечал я смеючися, - но я ничего не умею, а ты не сможешь". - "Научимся, мой друг, научимся". И после сих слов принялась улаживать наше житье, чем и меня заохотивши себе помогать, гореванье мое весьма облегчила. О! в сих единственно случаях, то есть в порядочном несчастии, можно только узнать: "что есть добрая нежная жена?"

Хозяйка, простая, даже глупая, но добрая крестьянка, вошедши к нам, спрашивала: не угодно ли нам чего поесть? - расхваливая свою капусту, редьку, огурцы и прочее, употребляемое в великой пост. Поблагодарив за ее предложение, мы расспросили кое-что о городе и, узнавши, что город, по тогдашним торгам, снабден был достаточно всякими товарами, съестные же припасы даже были весьма дешевы, мы сожалели о нашем недостаточном состоянии, но получили некоторую надежду.

Разбирая нашу бедную рухлядь, мы неожиданно увидели две пары новых шелковых чулок, завалившихся в моей укладке. Как мы оба обрадовались сей находке! Мы тотчас назначили их быть проданными для нашего содержания. Позвана хозяйка, взялась продать, но боялась быть обманутою, ибо таких вещей никогда не видала; успокоили ее всевозможно; согласилась, но сказала, что базар бывает после обеда; а у нас к завтраму ни копейки; обещала ссудить четвертью рубля; просили купить поутру для нас говядины и хлеба; и так первый вечер прошел.

На другой день приносит хозяйка на десять копеек говядины, предовольно для горячего и изжарить; за пять копеек белого хлеба на три дни; словом: обед изобильный. Лорхин занялась стряпнёю; я пошел к князю на двор, узнавши, что у него есть учитель для детей, француз. Тут принят я был довольно ласково; учитель из чад Гароны, старик, вызванный в Россию для поселения, не умевши совладать с нашею землею, решился лучше обрабатывать умы и сердца молодых дворян; решился и успел, ибо имел место, приносящее ему 500 руб. годового жалованья и все содержание; а как воспитывал? чему учил? О! это дело совсем было ему чуждое. В сей дом для детей надобен был француз; он француз, и по рукам. Почто забавляться на твой щет, любезный простосердечный, в тогдашнем смысле истинный гусар, князь Матвей Афана<сьевич>? Не ты сие затеял; ты только последовал десяти тысячам глупцов, ловивших в перехват всех бродяг французских для воспитания своих чад.

Старик Ганио, хотя истинный мужик, но по мере просвещения его отечества держался в сем доме довольно изрядно; для детей он был угодливая нянюшка, для князя забавник. Обошедшись со мною ласково, он хотел сказать князю, что я знаю по-французски и что меня можно рекомендовать в ка-кой-нибудь дом учителем. Лишенный всех средств к существованию, я согласился на предлагаемое, предоставляя случаю весь успех оногo. Возвратясь, я нашел мою милую Лорхин, ожидающую меня с обедом. Какой обед, мой Боже! Глиняная посуда, деревянная ложка, но мы ели точно с охотою, со вкусом, приправляя все сладостными мыслями, что мы вместе, никем более не надсматриваемся; послеобеденное время провели в разговорах, в ласканиях один другого; словом, наиприятнейше. К вечеру хозяйка наша принесла нам 3 руб, 80 копеек денег. Сумма, какой давно уже мы не имели в своих руках. За двое новых туринских чулок 3 рубл. 80 к Л Слава Богу и за те.

На другой день Лорхин была у дочери князя; возвратясь, не могла довольно нахвалиться приветливостию и добродушием милых княжны. Она, узнавши от Ганио, что я говорю по-французски, хотела сама постараться сыскать нам местечко.

Сей день проведен, как вчерашний; но ночью моя бедная подруга занемогла не шуточно. Беспокойствию в дороге и другие потрясения повредили несчастное творение, носимое ею под сердцем. Она начала чувствовать страшное мучение, продолжавшееся чрез весь день, и которое не иным окончилось, как рождением мертвого ребенка.

Спустя несколько времени князь, призвавши меня, говорил: "Я слышал, ты мастер по французски, и еще кое-что учителя знаешь? Сходи к майору Рыбкину, скажи, что я тебя прислал". - "Ваше с<иятельство>! я говорю по французски, и еще знаю некоторые науки, но учителем быть я никак не готовился". - "Экой ты чудак; ведь ты говоришь по французски; так мудрено ли учить дитя азбуке; ступай, знай; да смотри, не плошай: он скуп, как жид".

Пришедши к сказанному господину, я встречен был довольно ласково от него и его супруги. Оба мне обещали свою высокую милость, если я буду стараться, прилежно учить их Катеньку. Представленный дочке, я нашол ее за французскою азбукою в складах. Попросивши меня прослушать ее, родители удалились, и я принужден был часа два заняться преинтересными складами. Наконец, явился отец, спрашивал: "понятна ли Катенька и не забыла ли задов?" Я отвечал: о понятии на первой раз не могу сказать ничего худого; забыть же ей почти нечего, ибо она только лишь выучила азбуку. Г. майор, входя к жене, приказал подать мне рюмку водки и просил, чтобы я каждый день до обеда приходил учить Катеньку. О награждении он ни слова, а я как бы это смел начать?

Князь, по доброте своей души, сердился, что начал я учить без договору; я, по мягкости моей, каждый день собирался о сем предложить, и все молчал; Рыбкин, по жесткости своей, молчал также, надеясь ничего, или по крайней мере, весьма мало, платить. Так протекло около двух недель, и я начинал чувствовать в самом необходимом крайнюю нужду.

Не знаю, чем бы сие кончилось, ежели бы Бог не явил мне неожиданно своей милости. В обед одного дня я потребован к князю. Время необыкновенное заставляло догадываться о чем-нибудь важном. Вхожу, князь с веселым лицом говорит: "С Рыбкиным, брат, ты не сладишь; ступай-ка к здешнему откущику на двор теперь же; спроси там Астраханцова, и скажи ему, что я тебя прислал. Завтра же поутру явись ко мне непременно с отчетом, что там будет".

Откупщиков нашел я за благословенною трапезою. Человек, распудренный в прах, сидевший в заглавии правой стороны, сказал мне: "Конечно вы от его <сиятельства>?" и просил тотчас садиться с ними обедать. Увернуться было нельзя; сел и, окинувши взорами

честную беседу, увидел, что она составлялась из двух пудренных, несколько бородатых,' нескольких с почками, большей частью стриженных, и их дражайших половин. Стол преизобильно покрыт был лучшими рыбами, кашами, пирогами, кулебяками и прочим благочестивым кормом. Запивали пивком, медком и наливками. После обеда г. Астраханцов ввел меня в свое жилище. Он-то был, распудренный, красноречивый, с вытяжкой произносящий свои глаголы, главный и важнейший всего откупаповелитель. Потребовавши, чтобы я что-нибудь написал, хотел еще знать, могу ли я сочинять? Для опыта дал мне прочесть небольшую бумагу, и велел по оной написать г.губернатору прошение. Сочинение одобрено в полной мере, и из разговора можно было заключать, что он, зная по русски плохо читать и писать, слышал о красноречии и любил высокопарные речения. Предложил мне должность заниматься одним сочинением просьб и его собственною перепискою, словом: я принимался к нему секретарем. Жалованья предложил он мне на первый случай 200 рубл. в год и 100 рубл. На квартиру, прибавив к тому: ежели имею надобность, получить, сколько угодно, вперед денег; я попросил 50 руб.; безпрекословия выданы; и я к вечеру, возвратясь домой, принес с собою: голову сахару, фунт чаю, пять фунтов кофию и 45 рубл. 50 коп. наличных. Такая приятная нечаянность много ободрила мою подругу; мы, до сего видевши себя непрестанно под мрачными тучами, с сего дня могли надеяться иногда и вёдра.

На другой же день квартиру переменили; дворовую Мариихин, колониетскую девку, за 15 рублей в год наняли в работницы; необходимейшим завелись, и стали жить поопрятнее, есть, пить вкуснее и спать покойнее.

Князь, узнавши о всем обстоятельно, сказал: "Вот так-то, брат, будет лучше; да смотри, сам не плошай!" Не плошай - совет добрый, но коего я никогда не мог употребить в пользу, ибо к сему требовалось более досужности, пролазничества, бесстыдства и прочих достохвальных качеств, способствующих, что называется, к наживе; а я их начисто был чужд. Теперь, стоя у конца моего течения и смотря на прошедшее время, заключающее в себе множество различных случаев и происшествий, вижу весьма ясно, что я мог бы, как и другие, кое-чем для переды запастись, ежели бы решился пред богачами ползать, глупцам вторить, бездушников хвалить, волокитам помогать и проч. и проч., весьма обыкновенное между всеми лучшими нынешними людьми. Многие, зная некоторые случаи моей жизни, может быть называют меня дураком, что я не умел воспользоваться своим временем; пусть и так, но подлецом, по справедливости, никто не может меня назвать.

Проживши с неделю с моим Астраханцовым, написавши ему удачно несколько бумаг, пришел я у. него в такую милость, что он открыл мне все важные тайны откупа, то есть, что он в расстройстве и в казенном надзоре, по злоупотреблениям товарищей его хозяина, имеющего в откупе семь частей; что он, Астраханцов, прислан главным управляющим от стороны хозяина; посему он неминуемо должен будет завести приказную ссору, и для того он хочет меня иметь собственно для его хозяина. В сем расположении я сам находил для себя более выгод, ибо долженствовал угождать одному, а не троим.

Сие не могло на долго укрыться от товарищей, и я скоро почувствовал их к себе неблагоприязнь, хотя и нимало не могшую мне вредить. К светлomu празднику, за написанную по вкусу моего принципала бумагу, я получил от него не в зачет 50 рубл. Чрез сие я мог соорудить себе новый сюртук, Лорхин также, хоть не важные, некоторые обновки. К самому празднику обослал нас г.Астр<аханцов> изобильно, особенно что касалось до пиемаго.

Наставшу маю месяцу, когда кассир вопрошал: сколько мне положено жалованья? - Астраханцов дал письменный приказ: производить комиссионеру Винскому, из части его хозяина, по 400 рубл. в год, без зачету выданных 50рубл. Так я в короткое время достиг безбедного содержания, и с сего времени я жил в полном удовольствии. Но какая жизнь, когда я теперь об ней вспомню! Быть ежедневно в сообществе корчмарей, слышать непрестанные их ссоры и раздоры, напиваться без вкуса по дважды в день, а иногда и трижды, словом: быть настоящим ярыгою, - так провел я почти два года, и не могу сказать, что бы из меня вышло, ежели бы я далее оставался при сем месте?

Очередь дошла Оренбургскому краю быть причастну преобразований: генерал-поручик Якоби был назначен от императрицы обозреть сию губернию и положить на мере открытие нового наместничества. Сей чиновник, будучи умен, обходителен и в делах сведущ, при первом своем приезде в Оренбург имел с собою много людей с дарованиями, Приятного обхождения, словом: людей весьма от Оренбургских каторжных жителей отличных. Открытие же в Уфе наместничества еще более доставило краю людей весьма порядочных, так что грубость и скотство, прежде здесь господствовавшие, тотчас принуждены были уступить место людскости, вежливости и другим качествам, свойственным благоустроенным обществам.

Уфа, сделавшись губернским городом, наполнилась многими благородными семьями из других мест, которые, заехавши в отдаленный пустой край, конечно, во многом имели недостаток. Учители языков, особенно французского, ставши за несколько лет в дворянских домах необходимостью, были из первых исканий сих

Подлая жизнь

Открытие
Уфимского
наместничества

Переселение
в Уфу

заезжих господ. Некто г.Шишков Федор Я., по новому учреждению губернии таможенный советник, приехавши в Оренбург по своей должности и увидевшись со мною, как сослуживец в Измайловском полку и добрый человек, вошел искренно в мое положение и, желая сколько можно улучшить мою участь, предложил мне сделаться домашним учителем у одного его приятеля, чиновника, живущего в Уфе.

Домашним
учителем

Откуп кончился; ссоры и все кабацкие дела прекратились; жизнь моя корчмарская опостылела уже и мне, а жене моей давно была несносна; посему, и еще более, дабы только выехать из ненавистного Оренбурга, я охотно согласился на предложение доброго г.Шишкова, предоставив его полной воле постановление за меня условий, что он совершил как истинно честный человек и мой благодетель. 9-го августа 1783-го отправился я из Оренбурга, а 13-го был уже в Уфе и помещен в доме г.надворного советника Ник.Мих.Булгакова. Договор постановлен был для двух детей: учить французскому языку, географии, истории, арифметике, за что полчать в год деньгами 300 рубл. и все содержание со услугою и выездом для жены и меня. По щастию, дети, бывши на руках француза около года, еще азбуки не вышли. Посему начать мою школу я мог для себя с честью, ибо грамматику я твердо еще помнил; начатки других наук также были еще не забыты; впрочем, уча, на досуге можно и самому учиться, что точно со мною сбылось, ибо я, пробывши около шестнадцати лет в разных домах учителем, ежели не выпустил своих учеников виртуозами в науках, зато сам столько успел в знании французского языка, что мог читать и переводить всех родов авторов без словарей.

Новая жизнь

В порядочном дворянском доме должно было непременно переменить образ моей бывшей жизни, то есть: опрятнее одеваться, есть в пору, пить в меру, находиться чаще между порядочными людьми и так далее. К сей несколько приневоленной перемене я положил для себя обет: "недостающее во мне для звания порядочного учителя пополнить прилежностью и истинным усердием во исполнении сея должности". Могу похвалиться, что в продолжение, во всех домах, моего учительства, я точно не только не пропускал дней или часов, определенных для учения, но от времени, узнав легчайшие или вернейшие способы к преподаванию наук, я употреблял их охотно, даже жертвуя собственными моими часами и занятиями. Я бы мог здесь ясно доказать ничтожный способ домашнего учения, обыкновенно употребляемого, и пользу того, к которому я, по усердию моему, добрел; но... петь глухим и картины показывать слепым тут не место; знающий же дело меня поймет. Кто отправлял мучительную учительскую должность, тот верно знает, что, выписав грамматику, разговоры, лексиконы и распорядив по

Самопроизво-
льный обет

них уроки, не великая трудность а только скука просиживать в школе часы с учениками - обыкновенная метода иностранцев и наших педантов. Но есть средство самое верное и ученику полезное его языку чрез чтение с переводом и истолкованием слога того языка и разности нашего. В сем способе вся трудность учителю, поелику он должен не только с усердием, но и с крайним терпением и снисхождением внушать ученику скучные правила, не именую их, что особенно трудно на первых десятках страниц; но я по опытам уверен, что, прошедши так с учеником только четверть тома, он столько уже знал язык и его состав, что ему можно было тотчас поручить переводы самых трудных авторов. Сей способ для иностранцев совершенно невозможен, ибо он требует от учителя знания обоих языков всесовершенного.

Жизнь
русская
домашняя

Знавши до сего русских в столицах или на улицах, теперь же начавши жить с ними поближе и, что называется, в их домашнем быту, я много увидел неожиданное, и много узнал, чему бы никогда не поверил. Ник<олай> Мих<айлович> Бул<гаков>, его супруга Праск<овья> Мих<айловна>, трое детей, и до 60-ти обоего пола челядинцов, составляли в настоящем виде русской дворянской дом. Господин был за 40 лет, кроток, снисходителен, искателен, не корыстолюбив, хотя и не щедр. Госпожа лет под 40, ласкательна сначала без меры, искательна до низкости, услужлива до подлости, завидлива, скупа, сварлива, тщеславна, болтунья, бесстыдница и к людям жестока. Дети, как избалованные барчагы; сын Алексей девяти лет, истинный ососок; дочь Анна 15 лет, уже, что первое меня удивило, заглядывающаяся на мужчин; Аленушка 4-х лет с рожком во рту. Челядинцы, как и везде, составляли домашний скот; одни приближенные, любимцы имели лучшее одеяние и содержание; другие, назначенные работать руками и ногами, имели одно нужное, и то бережливо.

Управление
домом

Госпожа управляла домом самовластно, или лучше, самовольно. Управление сие во всех подробностях есть дело до вольно любопытное, ибо тут непрестанно незнание сражается с невежеством. Сколько меня сначала удивляло: "не делай своего хорошего, делай мое худое". Обыкновенный русского дворянства ответ на представление своего холопа. Хозяйство русския домоводки состоит все из самых мелочей; на кухне масла, яиц и других припасов ежедневно издерживается втрое больше надобного и от неумения повара употреблять, и от привычки воровать, чему ни одна хозяйка воспрепятствовать, кроме крику и побоев, надлежащим образом не может, ибо ни одна не знакома с кухонными работами. И смешно и жалко бывало смотреть на спор незнающей госпожи с невежею поваром; сия кричит: "У тебя севодни соус был совсем не хорош". - "Не хорош, суд<арыня>, да чем же?" - "Еще б я знала, чем? Не хорош, скверен,

тебе говорят; вот я тебя, каналью, научу". - "Воля ваша, суд<арыня>, а я лучше не умею". - "Еще ты смеешь, сук<ин> йын, говорить? Разве даром за тебя деньги платили?" - "Большие, суд<арыня>, деньги 15 рублей; да тому же более уже 30 лет; тогда и не слыхать было о таких кушаньях, каких ты изволишь требовать". - "Разговорился, бестия?" - "Воля твоя, суд<арыня>, ведь мне скоро 60 лет; я же человек ломанный; пора бы отставить". - "А вот я тебя отставлю; забудешь ты против барыни рот разевать". Щастлив, когда таковые беседы одними угрозами кончатся.

Закон, запрещающий дворовым людям ни в каком случае не иметь голоса против своих господ, делает их истинными безответными скотами, покорность коих посему дальше всякия вероятности как и зверство их властелинов. Надобно быть допущену во внутренность домов дворянских, и самому не быть ни по чему русским, дабы видеть все своевольства ежедневно в сих вертепах. Я начал мое ознакомление с домами точно не в худшем, и по совести не могу сказать, чтобы я, где ни жил, видел тиранствы, творимые у Мих<аила>, Вас<илия> Матюниных и их сестриц; но с тем же чистосердечием должен написать, что и в сем доме, за малейшие проступки, часто по одному своенравию госпожи, лилась кровь несчастных. Помещенный в главном корпусе дома, так что одни только узенькие сени отделяли меня от комнат хозяйки, я невольно должен был видеть или слышать экзекуции, всегда отправляемые обыкновенно в сенях в присутствии госпожи.

Распространяться о проступках нет надобности; всяк знает, что пред господином, - что ступил, то провинился, и за все наказывается; важнейшими, однако, всегда почитаются волокитство и домашняя кража. Крайнее удивление возбуждается в иностранце истреблением по дворянским домам челядинцами посуды и других вещей. Они все быют, ломают, теряют, будто на подряд, а глупые хозяева довольствуются одним лишь за то наказанием.

Надзор за комнатными девками есть первая заботливость госпожи. Малейшее сих несчастных поползновение, даже ничего не значущая игра, никоша не прощается; яснее же доказанное преступное деяние, кроме истязаний телесных, во всех благочестивых домах наказывается выдачею несчастной преступницы в замужество за какого-нибудь уроды. Сколько раз я бывал заступником, ходатаем за таковых несчастных, и всегда почти безуспешно, ибо у благочестивых барынь сей проступок без помилования.

Бесчеловечное
наказание

Трудности
жить в
русском доме

Кража домашняя, особенно господского и бездельного, разыскивается, взыскивается и наказывается со всюю жестокостию; но украденное на стороне всегда почти укрывается.

Первый год моего житья с русскими для меня был весьма тяжел, ибо сколько уже ни испорчен я был в моей нравственности, но обхождении и все приемы русских заставляли меня, особенно мою бедную Лорхин, много переносить неприятностей. В русском домашнем с посторонними обхождении множество случается мелочей по скупости или по глупости, которые щекотливого человека ежедневно станут выводить из терпения. Не живавший с русскими ослепится первыми их приемами и ласковостями; но не пройдет двух недель, и все сие воспримет совершенно иной вид. Скоро предупреждение заменится упорнейшим невниманием, ласки угрюмостью, угождении отказами и проч. Челядинцы с первых дней начинают творить все возможные пакости. Они в каждом доме, составляя для своих выгод братство, всякого постороннего опасаются и потому стараются ему всегда досаждать. Приобрести же их приверженность почти ничем нельзя, ибо сколько они ни корыстолюбивы, но вероломнее еще больше.

Хотя распуста мною владычествовала еще полновластно, хотя многие свободные вечера и свободные дни провождал я в нескольких домах, как и прежде, в дионисияках и карточной игре, со всем тем учительская должность, требующая некоторого рода степенности, расшевеливая и временами смачивая засохшие в сердце моем семена малороссийского воспитания, тем пособствуя им кой-где возникать, возродила во мне пристрастие к двум занятиям, ставшим, наконец, истинным посредством для сбережения моего здоровья и для обработки моей нравственности.

Прилепление
к чтению

Дабы не сидеть праздноскучно в классе, пока дети учили уроки, я начал читать книги; сперва, как и многие, только чтоб убивать время; но книгами не всегда можно шутить: оне часто, или тихонько закрадываются, или насильно втискиваются в человеческое сердце, разумеется, однако, ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ. Начавший тогда выходить в свет Всемирный путешественник, зажег во мне любопытство. Блажен, чье сердце способно принять сию божественную искру, и преблажен, кто, воспламеняемый сим священным Огнем, нападет сам собою, или наведен будет добрым человеком любопытствовать, то есть научиться одному полезному. К нещастию рода человеческого, дщери ада, изуверство и ложная политика умели столько засыпать гибельными мнениями спасительные правила чистой нравственности, что одни щастливые и отлично прозорливые смертные могут их отличать от лжей, бесстыднейше выдаваемых за истины.

Продолжая чтение, я скоро заметил, что в российских книгах много не доставало для удовольствования моего любопытства; для сего начал знакомиться с французскими. По щастию, у губернатора имелась богатая библиотека, и он благоволил дать мне позволение ею пользоваться. Первый Вольтер заохотил меня читать и рассуждать. Занимательный слог, важность вещесловия, смелые истины тот час мною переведены и сообщены знакомым, как новость. Похвалы, благодарность более и более заставили упражняться в переводах; а сим самим приобреталась нравственность, ибо писать и бражничать - сладить было никак нельзя. Славолюбие есть одна из деятельнейших сердца человеческого пружин; умеи только ее трогать, и она произведет неимоверное.

К сему времени случай доставил мне знакомство почтенного Александра Иван<овича> Арсеньева, дворянина отличных достоинств, по уму и доброте сердца. Он, получивши превосходное воспитание и достаточное научение в родительском доме, потом усовершенствованный долговременным пребыванием при своем дяде, бывшем министром в Англии, употребленный отличительно при посольстве князя Репнина, состоял тогда по военной службе подполковником. Ни одного из русских не знал я, кто бы, как г. Арс<еньев>, живши весьма долго между иностранцами, более привержен был к своему Отечеству и любил его страстнее, хотя и весьма не принадлежал к тому безмерному скопищу, где русской дым называется сладким, как благовонным. Сей благородный человек, по благодущию своему, занялся образованием моего невежества, как благодетель ближнего. Около года имел я щастие почти ежедневно пользоваться его беседою; он-то ободрил меня заняться переводами важнейшими; его: *ed io correggiu suo pittore* навсегда врезаны в моем сердце. Он мне между прочим говаривал, что авторы в Европе, особенно французские, начали в сие время выдавать свои сочинения под названиями странными, что любопытнейшее по большей части можно находить в таких книгах.

По отбытии уже его из Уфы, увидевши в каталоге книгу под заглавием *L'an 2400*, я тотчас ее выписал. С первых глав: Сон, Греза, обезохотили было меня заняться сею книгою; но, прочитавши внимательнее приношение самому лету, я ощутил в душе моей неизъяснимое влечение полюбить сего смелого сочинителя, твердого поборника истины и неустрашимого защитника прав человечества. С сего времени сей знаменитый писатель и ему соответствующие сделались моими любимейшими авторами. Им одним обязан я благодарностию вечною за небольшое количество знаний, мною приобретенных, особенно за

возвращение на путь чистейшей нравственности, от которого я был уже столь удален.

Переводы мои, сообщаемые моим знакомцам, доставляли мне лестную награду похвалами и благодарностию. Я ожидал было лучшего, то есть, что читающие их хоть столько же ими воспользуются, сколько я; и для сего надрывался выбирать любопытнейшее и трудился точно не лениво. К несчастию должен признаться, что ожидание мое едва ли имело в ком успех; по меньшей мере скажу, не хвастаясь, что я имел удовольствие видеть предлагаемые мне мои собственные переводы за новинку, вывезенные из середины Сибири; в Симбирске же и Казани они весьма многим были известны.

Станным, может быть, покажется читателю, что я вторичного моего из Малороссии выезда ни единожды не упомянул о моих родственниках. Вина сего молчания - неимение ничего важного, по сей части, к сообщению; к тому как мать моя, во время нахождения моего под судом, скончалась, я стал как бы чужой моим родным, или лучше, моей сестре, которая по смерти нашей матери, закусивши удила и загнавши своего бедного мужа в Чернигов судействовать, пустилась без оглядки своевольничать. Я и теперь не упомянул бы о сем, ежели бы сестрица моя не сыграла мне самой досадной шутки во время пребывания моего в доме г.Булгакова. Надобно знать, что мы, с первого года ее замужества, то есть, с 1775-го, были с нею не в ладах; она кичилась своим полковничьим званием, я защищал мое первородство; и так частехонько от споров доходили по взаимной неуступчивости до ссоры. В Петербург она ко мне совсем не писала; правда, и я не исправнее ее был. По преселении в Оренбург я писал к ней со всею возможною такорностию и унижением, надеясь возбудить в ней сострадание; но на письма мои или отвечала весьма сухо, или оставляла их без ответов; о пособии же никошда и не думала. Так протекло пять лет моего заточения, и я привыкал считать себя безродным. Зимю в 1786-м году от тощашнего губернатора Квашнина-Сама-рина неожиданно получил я сестрино письмо и два имперIALа. В письме, извещая, что она едет в Санкт-Петербург, требовала, чтобы я прислал к ней в Малороссию мою жену, которую намеревалась она взять с собою и употребить ее там ко испрошению мне свободы. Дело сие, по моим тогдашним обстоятельствам, было для меня самое тяжелое; но, повинувшись моей злой участи, собравши последние крохи и с помощью г.Булгакова, отправил я по назначению мою бедную жену. Умалчивая, что она принята была весьма худо, еще хуже отправлена при обозе в Петербург, скажу только, что сестрица моя, представивши один только раз ее графине Апраксиной, потом совершенно бросила до того, что ежели бы не имела сия родных,

то и приютиться ей было бы негде. Окончила же сие свое великодушное предприятие, оставивши мою бедную жену в С<анкт>-П<етер>бурге без денег, без покровительства, не сказавши ей о своем отъезде, ниже меня известивши. Получивши о сем уведомление от жены, ежели бы я не был уверен в ее истинной честности, я бы подумал, что она своим поведением довела сестру до такой жестокости; но приезд ее ко мне пояснил все дело. Сестрица поступила тут, какистинная своевольница, чуждая не только нежных ощущений сердца, даже не повинующаяся и пристойности. Но три мои, о сем досадном происшествии, убедительнейшие просьбы не удостоила ни единым словом, чем и меня принудила было перервать с нею всякое сообщение.

Жизнь моя, в доме г.Булгакова, кроме изъясненных выше небольших неприятностей, в прочем была довольно сносна, ибо, не заботясь о ежедневном насущном, имея упражнение, я возобновил еще для себя потерянную было забаву, именно оружейную охоту. Оренбургский край, преизобилуя всех родов дичью, доставлял чрез сию охоту и для здоровья весьма полезное занятие, и для моего лакомства изобильное удовлетворение. Могу по совести похвалиться, что я в тридцати пяти годах моей жизни, можетбыть, ни одного днянепрожил без дичины своего стрелянья, и что забава сия, послуживши к поддержанию моего здоровья, доставляла мне всегда немалое удовольствие собственно сама собою.

У нас в России можно полагать только два рода охоты, то есть: ружейная и псовая. Звероловство и рыболовство суть промыслы. Оружейная охота, то есть стреляние дичи из ружей, против псовой, или ловления зайцев собаками, имеет великие преимущества. Оружейный охотник, не могучи всем деле иначе действовать, как непосредственно сам, ежели искусен в стрельбе, имеет право присвоивать себе некоторый род искусства, доставляющего, как и другие художества, своим производителям известность, отличия. Псовой охотник в своей ловитве сам собою ничего не значит, ибо догнать и поймать зайца не от него собственно зависит; следовательно без личного искусства, какое право на известность, еще больше на отличие?

Оружейная охота, по своему производству, есть самая простая, до того немногосложна и безубыточна, что ею может пользоваться почти каждый гражданин. Псовая, напротив, столько требует приготовлений, разных посторонних пособий, столько издержек, что одни только богатые люди, в своих поместьях, могут ею, по русскому обычаю, в полном смысле пользоваться.

Стрелок, вздумавши позабавиться охотою, встает тихо с своей постели, на заре выходит из дому без шума, проходит жительство, никого не обешокоивая; ищет добычи, или легонько насвистывая,

Оружейная
охота

Сравнение
охот:
оружейной
и псовой

или тихо напевая песенку, ходит по полям, лугам и лесам, не только не причиняя земледельческим нивам повреждения, ниже делая в полевых работах малейшую помеху. Псовники, в назначенный день для выхода на охоту, с полуночи наполняют весь дом шумом: клики людей, ржание коней, лай и вой собак, заставляя деревенских соответствовать тем же, разбужают все живущее в селении и, вынуждая к тому же рыкание испуганных коров, блеяние овец, визг свиней, плач детей, вопли баб, составляют такой адский концерт, который всех воробьев полусонных выгоняет из гнезд. При таковом всеобщем смятении охотники проезжают деревню, ще первая гоньба начинается за дверными собаками и терзание<м> несчастных овец и свиней, попадающихся на улицах. Что производится на местах самая охоты? Какой подымается там крик, свист, хлопанье арапником, ревение рогов? Как сей гам, в окрестности нескольких верст, наводит всему дышущему всеобщий трепет? Какая прчиняется пагуба осенним посевам и вешним <всходам>? Как вытаптываются луга? Все сие потребовало бы особенного описания, и все сие, конечно, каждый псовник знает, но не скажет. А что стоят бедным земледельцам, особенно коронным, отъезжие, что называется, дворянские поля?

Оружейный охотник, в сотовариществе добрых приятелей, - слуги в ней, как товарищи, никогда не допускаются, -весьма приятно может забавляться, ибо сия охота при самом своем производстве не отнимает возможности беседовать, даже об важных делах; но он ничуть не имеет неперменной надобности в товарищах, поелику, действуя сам собою, он всегда достаточен один для своего дела. - Псовый, напротив, один и сам собою почти ничто не может сделать. Товарищество ему необходимо, из которого для труднейших производств обыкновенно назначаются слуги. Беднейший господин должен для охоты иметь их при себе не меньше трех; богатые держат десятки и сотни. Все они, как охотники, не только участвуют в самой забаве, но и при суждении и разговорах о травле. Тут-то наблюдатель имеет случай полюбоваться, глядя, как барская глупая надменность и жестокость якшаются в холопьем подлым невежеством. - Оружейная забава, по собственному своему производству будучи временна, по простоте своей не требуя излишних забот, не отнимает у благонамеренного охотника ни времени, ни способов заниматься другими, полезнейшими делами, даже учением. - Псовая, продолжаясь целые дни, недели, у многих месяцы, по многосложности своей требующая много заботливости, по производству своему приучающая к праздности и пустословию, отвлекает молодых барчат от полезных дел, поселяет в них вкус к молодечеству, то есть к буйству, наклоняет почти всех к

безженству, словом, делает их совершенными негодьями, вредными себе, пагубными их рабам, несносными даже своим знакомцам, ежели они не псовники.

Оружейный охотник, ежели, как сказано выше, занимается другими полезными делами, особенно учением, может быть добрым мужем, нежным отцом, верным другом, приятным собеседником, словом: полезным членом общества. -Псовый, по сказанному же выше, чуждаясь всего дельного, учения же бегая, как опаснейшего неприятеля своему пристрастию, никогда не может быть добрым мужем, нежным отцом, ибо сии должности сами собою требуют важного занятия. Беседовать же гг.псовники, кроме о своих собаках, ни о чем начисто не умеют. Сколько раз я бывал свидетелем, как иной, прилучившись к порядочной компании, просиживал целые дни, не вымолвя ни одного слова.

Оружейный охотник, действуя сам собою, не имеет причины, за какие-либо неудачи или ошибки, на кого другого сердиться, еще меньше взыскивать. - Псовый же, - ежели не гонят собаки - бранит псарей; ежели проглядыт зайца - бесится на охотников, ежели не лезет на него добыча - винит всех, и часто на месте же несчастные получают награждение арапниками. -

Стрелок всей опасности подвержен от одного ружья; но ежели он искусен в выборе оных, знающ и осмотрителен при зарядах, то ему совершенно нечего бояться. -о Псовник, ездя всегда верхом, подвержен непрестанной опасности, и за самую лошадь, и еще больше по причине рытвин, ям, водомоин, сурчин, пней, колод и проч., которых он видеть и уклоняться не всегда может. Из ста стрелков может быть два, три были подвержены в их жизнь опасности; но из ста псов-ников верно девяносто пять были не один раз не два перста от смерти.

Заключю доказательнейшш. Стрелок все то, что может только Псовник своими собаками поймать, весьма легко получает от ружья, но Псовый 0<хотни>к тому, что приобретается ружьем, и примеряться не смеет.

Ревнивость

Русские умствуют: "кто не ревнует, тот не любит". Сие, по моему самое плохое, заключение никогда не улаживалось в моей голове. Ревновать значит: подозревать в обмане такое существо, которое мне любезно, и самому унижать себя, то есть думать про другого, что он меня достойнее. Сия гнусная страсть никогда в истинно добром сердце не может помещаться. Я сам по себе никогда не испытал ее мучения; но беспокойствия претерпел от нее довольно.

Скоро по переселении моем в дом г.Булгакова приехала к нему на житье его меньшая, недавно овдовевшая сестра Авд<отья> Мих<айловна>, барыня молодая, любезная, кроткая, веселая, дружелюбная. С первых дней жена моя с нею подружилась; и я

сему сердечно радовался, поелику связь сия для обеих была весьма выгодна. Сделавшись по доброте своей неразлучными, оне скоро возбудили в мерзкой душонке хозяйки негодование, заставившее сию подлую женщину прибегнуть к самым гнусным средствам для разрыва сея связи.

Праздныя часы, коща оставался дома, по большой части провождал и я с ними, находя более удовольствия у веселых молодых, нежели у брюзгливой бабы. Она, попытавшись несколько раз разрушить наше сообщество то требованиями сидеть у ней, то брюзжанием, что мы шумно веселимся, ибо комнаты были смежны, то настоящим негодованием, что мы всеща вместе, решилась на адское дело поселить в невинную душу моей жены ревнивость. Долго ей сие не приносило желаемого успеха, ибо моя Лорхин, привыкши сказывать мне обо всем, и первые приемы г.Булгаковой пересказала. Почувствовавши, сколько зла может произойти, ежели невинное сердце заразится сею мучительною страстию, я приложил всевозможное старание объяснить клевету и все ее последствия, усиливался, сколько уьсел, обнаружить злость клеветницы и, будучи точно ниже мыслиею поползновен, я думал, что слова мои и поступь защитят нас от сея напасти. Но, увы! злоба взяла верх над простосердечием; все мои старания, убеждения, доказательства сделались тщетными, бедная Лорхин заразилась сею бедственной страстию, страдала и мучилась ею более семи лет, ибо я, как истинно безвинный, употребивши сначала все способы к ее излечению, но, видя упорность не внимать моим убеждениям, по крутости моего нрава предоставил, наконец, все времени, которое, конечно, ее исправило; но что она претерпела? и сколько я перенес досад? Сие одним нам известно.

Кроме сего досадного происшествия, жизнь моя в доме Г.Булгакова, в прочем была довольно сносна. Учение, хотя не могу похвалиться, чтобы было завидное, имело, однако же, свою пользу тем, что я, поступая искренно, не только никогда не внушал ничего детям порочного, но старался всевозможным образом поселить в них человеколюбие, справедливость, бескорыстие и другие, нужнейшие для русских, добродетели. Из сего дому перезван я был, за полгода до моего срока, в дом г Левашова; оставил господ Булгаковых с искренним сожалением от их стороны, преуещенный благодарениями и обещаниями. Чем вообще русские весьма чтивы... на словах, но не на деле.

Четырехлетнее мое в губернском городе пребывание сделало великую перемену не только в моем житъе, но и в образе мыслей. Униженное мое положение и необходимость быть знакомому с порядочными людьми принудила меня жить благоразумно. С сего самого времени я поставил себе правило: быть всевозможным с

полициею в миру; и могу похвалиться, что, исполнявши оное всегда старательно, я был всегда спокоен и лучшими людьми любим.

Начало
исправления
нравственность

Чтение, переводы и беседование с знающими людьми, которых на сей раз в Уфе находилось довольно, оживили семена нравственности малороссийской. Мне не великого труда стоило перемениться, ибо я природно был добр, человеколюбив, бескорыстен. Не мог еще совершенно побороть дурных во мне склонностей, как-то: мотовства, бражничества, беспечности; но буйство, грубиянство, низкия знакомствы окончательно были прекращены. Сродная, однако, мне неуступчивость не только не уменьшалась, но от времени делалась сильнейшею. Чему виною было внутреннее чувство, подстрекаемое уже несколько смелыми авторами, и что от меня требовали несправедливого. С сего точно времени начало во мне раскрываться мое природное свойство. Сколько я в юношеских летах любил, почитал и слушался людей умных, знающих, добрых, столько же и теперь прилеплялся к ним и искал их благосклонности с такою ревностью, что ее можно было назвать пристрастием; зато невежи и злонравные были сердечно мною ненавидимы. "Несчастье есть лучший учитель". Я точно на себе испытал. Принужденьгай до моему униженному положению быть в обществе более зрителем, нежели действователем, я неприметно сделался физиономистом; определенный всякое дело, особенно суждении других, разбирать и определять в одном себе, я нечувствительно навикал заводить собственный свой суд. Подкрепляемый чтением важных книг, я не много затруднялся беседою моих соотечественников, открывая в ней с нескольких слов всю сущность и мысли беседующих. Мораль и Политика были мои любимейшие занятия; Метафизика же возбуждала во мне непреодолимое отвращение. Поставивши неперменным правилом говорить только о том, что мне было известно и справедливо, никога я от оногo не отступал, и в сих-то случаях неуступчивость моя выходила, может быть, за пределы.

По
необходимости
созерцатель

Русские
беседы

Кто бывал допущен в русския искренния беседы и имел возможность делать наблюдения, тот признается, что оныя состоят по большой части из повествований. Десять и двенадцать человек обыкновенно слушают одного рассказика. Вещесловие всегдашнее в деревнях: хозяйство, охоты, путешествии; в городах: то же, с прибавлением городских и столичных новостей; о политических делах говорят мало; но ежели случится собственная война? - непрестанно, и с неисповедимым пристрастием. При повествованиях слушатели ободряют рассказика взглядами, улыбками, иногда и словами. При рассказываниях ссылки и поверки всегда бывают на бывалых; никогда ни на одну книгу ни один русский не ссылается и ни одного автора не именует. В

случае возражения подпираются сами собою, родными или ближними, отчего человеку, знающему обхождение и вежливому, крайне затруднительно с ними беседовать. "Дворяне почитают невежество своим правом". Ни к кому не может справедливее относиться, как к русскому. Человек со сведениями не только не уважается, но, можно сказать, некоторым образом обегается. Смотря по обстоятельствам, хотя и будет он терпим, но в доверенности не будет никогда. Сие-так далеко простирается, что иностранные учителя, которых берут для детей в дворянские дома, удобнее уживаются самые посредственные, даже невежи, лишь бы они умели подделываться к нравам хозяев, сносить их шутки, часто весьма дерзкие, особенно находить вкус в пище и питье домовом; а ежели решаются еще постничать, суеверствовать, то сим и цены нет. Посему человек с обширнейшими знаниями, честнейших нравов, деликатнейшего обхождения никогда не удерживается у деревенских дворян.

Что невежествующие говорят иногда о делах важных, заводят споры и стоят крепко за свои мнения, сие, может быть, свойственно всем народам; но русские единственны тем, что учившиеся, в молодости имевшие достаточные сведения, начавши жить в деревнях, ставши хозяевами, отцами, скоро привыкают к разговорам и мнениям своих соседей, поставляют, как бы зазорным, свои знания, и в случае прений, всегда держатся стороны невеж. На улики: "вы сами сему учились; вы знаете, что я говорю справедливо", и проч. не стыдятся отвечать: "Мало ли что пишут ученые; что лучше "Святой Руси".

Знакомствы
навсегда

Живучи в Уфе, мне пощастливилось познакомиться с весьма добрыми и умными людьми. Из них же вечное мое напоминание о тебе, почтеннейший и любезнейший друг Петр Иванович Чичагов. В тебе я потерял одного совершенно моего единомышленника, сострадательного друга, честного и с обширными знаниями человека. Мир праху твоему! Приводя часто на память твою доброту, твою кротость, твою йеизменную чрез 20 лет со мною приязнь, я всегда в мыслях прибавляюще забуду тебе, любезный Петре, забвенно буди моя душа". Не проходит, может быть, ни единою дня, чтобы я тебя не вспомнил; без тебя я стал истинный сирота. Нет ни единыя души, которую понимала бы моя, ниже единого сердца, которое билось бы для моего. С какою гор сетью воспоминаю наши беседования о происшествиях, начавшихся в наших глазах, от которых надеялись мы спасения, щастия человеческому роду; но увы! все сие, по отшествии твоём, восприяло новый вид, или лучше: древнейшие рода человеческого враги, самовластие и суеверие, переменяв только одеяние и речь, возложили снова, чрез безумных честолубцев, оковы рабствования, еще тягчайшие прежних, на выи глупой черни.

Благодарение и тебе, любезный добрый Миллер! Твоя дружеская улыбка, сотовариществовавшая всем твоим речам, никогда для меня не переменялася; и при последнем прощании ты так же дружески меня проводил, как за 20 лет до того встретил. Гагемейстер не долго для меня жил, но много мне добра желал. Вы все уже давно в вечности.

Не забуду никогда и живущих еще. Тебя, почтенный, искусный, человеколюбивый врач Занден. Тебя, благотворитель мой Степан Сем<енович> Андреевский, который не только по искусству своему освободил меня от тяжкия болезни, но умными твоими суждениями, беспримерною добротою твоей души ускорил образование моей нравственности. Ты, от благородного упражнения врачевать болезни телесныя переместившись на лестницу службы гражданской, по уму твоему и сердцу можешь быть в пространнейшем кругу благодетелем несчастным; дай лишь Бог, чтобы ты никогда не забывал: *honores mutant mores*, и чтобы скверна корысти не коснулась чистоты твоея души.

Кеслер и Рейн также мне навсегда пробудут шмятны; первый за любезность его нрава и трогательные тоны форте-пиано; другой за сотовариществование мне, или лучше, за возобновление во мне любви к стрельбе.

Из всей моей в Оренбургской губернии жизни уфимская, в разные приемы составляющая более 12 лет, была для меня счастливейшая. Молодость, здоровье, беззаботливость, занятия разнообразные, полезные, приятные, знакомства, особенно с любезным Чичаговым и весельчаком Кеслером, точно доставляли мне много приятностей; и с умнейшею поступью я, конечно, тут же бы мог завести что-нибудь для переды, но, осужденный с ребячества волочиться, я тащился за моею судьбою беспрекословно.

Оставивши булгаковский дом для г.Левашова, по сумбурству же его я принужден был от него отстать и, возвратясь в город, жить на квартире, исправляя должность в доме г.Рычкова бродящего учителя. Доход, правда, был не велик, но знакомство и карточная игра пополняли недостатки. За год пред сим я начал страдать головою болью, которая в сию зиму так начала усиливаться, что я со всем моим о себе нерадением принужден бывал часто лежать в постели.

В сию зиму почтенный штаб-лекарь г.Андреевский приезжал из Челябинска в Уфу, дабы познакомиться с доктором Занденом. Он, услышавши, что один его земляк несчастлив и болен, тотчас по добродушию своему меня посетил. Сердечная его ласковость и искреннее участие во мне открыли ему всю мою душу. Из человеколюбия захотевши быть моим благодетелем, сказал: болезнь ваша может быть очень важна; должно непременно вам

лечиться; но здесь ни время, ни место сего не позволяют; поедem со мною в Челябину; ятаммогу вам вернее пособить. Переезд сей, по моим недостаткам, был совершенно для меня не возможен; на сие он отвечал: может быть возможность откроется.

В сие время, недели уже с две, я долженствовал каждый почти вечер беседовать в булгаковском доме подполковнику Александ<ру> Пав<ловичу> Мансурову собственно для пикета. Сей господин, преисполненный добрых и худых качеств, был мне давно слегка знаком; на сей раз, по причине ипохондрии, не могучи сносить шумных бесед, по родству тимашевского дома, в коем он был старинный друг, с домом булгайовским, все почти вечера провождал в сем, где хозяйка, также за болезнью, никуда не выезжала. И для пристойности, и для занятия гостя любимую им игрою, я был избран, как приверженец фамилии. Беседа наша была самая приятная; дочь, не выезжающая же для матери, кокетствовала, подполковник волокитствовал, мать закидывала тенеты, я, по рассеянности сопротивления, пользовался игрою.

В первый вечер, по свидании моем с Андреев<ским>, г.Мансуров, будучи очень весел, вдруг сделал мне предложение ехать с ним в Челябину, ще квартировался его батальон. На Ответ мой, что я обязан с г.Рычковым, что я имею семью, - он мне сказал: "Рычкова я упрошу; супругу вашу переселим в мою деревню; сами лето проживем в лагере, а к осени поедem жить в деревню, около которой и мой батальон будет зимовать", - "Но что мне у вас делать?" - "Быть моим товарищем; ты игрок, стрелок, весельчак; для ипохондрика не надобно лучшего; за пребывание же твое я даю тебе все то, что ты получал в сем доме". Предложение было лестно, но я все еще отговаривался, как хозяйка взяла его сторону и сильнейшими убеждениями старалась меня склонить. На другой день дело объяснилось: г.Мансуров овдовел и был по природе влюбчив; г-жа Булгакова вознамерилась свою Анну Н<ико-лаевну> пристроить и меня иметь при нем своим поверенным; словом их виды - друг друга подтенетить, мои - воспользоваться доброхотством г.Андреевского все весьма скоро сладили, и мы 9-го февраля были уже на пути к Челябине. Сколько я обязан г.Андреевскому, сие я никак изъяснить не в силах; он точно излечил меня телесно и душевно; без его словохотных бесед, без его неутомимого старания внушать истины, им знаемые, я бы никогда не воздержался ни от крепких напитков, ни от буйных поступков. Тримесяца, сним вместе проведенные, были мне полезнее десятилетнего учения. Придержавшись по возможности его советов, я до половины шестого десятка моей жизни не знал никаких болезней; помню его слова: "Огненные напитки крепко здоровому только не делают вреда, а пользы никоща никому ни

малейшей". В душе моей горжусь моею стойкостью, отбросив их все совершенно.

Г.Мансуров, в конце мая возвратясь со мною в Уфу, скоро сватанье свое привел к концу и о сем меня известил, прибавивши: "Теперь житье твое у меня еще нужнее; мы и наши жены будем всегда неразлучны". Так он сгоряча мыслил, и я сам тому радовался; но Прасковья Михайловна, будущая теща, как заботливая барыня, совсем иначе сие распределяла. Будучи корыстолюбива, подозрительна и глупа, ей тотчас помечталось, что жена моя, а более я, можем быть камнем преткновения для ее замыслов; посему приложила все свое старание отсоветовать г.Мансурову сделанный со мною договор; сей, во все время моего в Уфе пребывания проводивши меня от одного дня до другого обещаниями, при самом отъезде свбем к батальону, оставляя меня под видом препровождения моей жены в деревню, для чего хотел выслать своих людей и коней, из Троицка писал к своему нареченному шурину, чтобы он сделал со мною договор и написал со мною контракт для управительской должности. Обманутый так бессовестно, отставленный булгаковским домом безжалостно, прожившись от найма квартир, услуги и содержания, я доведен был до самой крайности. Без советов и пособий доброго Чичагова я не знаю, как бы выдрался из сей беды. Он возобновил и совершил переговоры с домом Рычковым, съехавшим уже в деревню; он же пособил мне переселиться к ним.

Живши в Уфе довольно приятно, я оставлял ее с сожалением, не надеясь от деревенской жизни ничего удовольственного.

Переезд до места моего назначения совершили мы, однако, не скучно; прекрасная осенняя погода, изобилие дичи, многие по дороге картинные виды, лучшие и дешевые жизненные припасы не попускали нас горевать об оставленном городе.

Подъезжая к селу Спасскому, месту пребывания семейства Рычковых, каменная церковь и дом, пространный с аллеями сад метнулись издали в глаза; но, подъехав к ним и видя, что все сие было ежели не весьма старо, то в крайнем запущении, я не мог возыметь о пребывании моем предварительно приятных мыслей. Проехавши по большой улице мимо каменного дома, провезли нас к деревянному новенькому домику, который, начиная только заводится, был еще без загорода. На сем дворе маленькое одиночное здание, состоящее из одной голой светелки, и чрез сени бани были апартаменты, назначенные к моему житью.

Хозяев не застали мы дома. Они поехали обедать и ночевать к Рычкову же Вас<илию> Петровичу/Имея свободное время, я исходил все село не ружьем обошел все его окрестности. Местоположение не совсем было без приятностей; но помещение дома совершенно не у места, то есть в яме, из которой вид был на

одну церковь с кладбищем и на угрюмый сад. Самое интереснейшее в сем селе был ключ живой воды, бьющей из многих расселин и составляющей весьма быстрый и сильный ручей.

Господа, возвратясь на другой день утром, обласкали нас по своему довольно. Хозяин был около 50 лет, физиономии самой непривлекательной: кос, слюняй и до крайности неопрятен. Нравственно он был того рода чудака, которых учат, будто нарочно, чтобы яснее обнаружить их глупость, заставляют служить, дают места, дабы показать их ничтожество, но не злой, и иногда даже добрый. Супруга его, барыня лет под 30-ть, белотелая, жирная, веселая, самолюбивая и самодовольная во всем.

Образ их жизни и обхождение были бы нам много затруднительнее, ежели бы по договору мы не были почти совсем отделенными, то есть мы только обедали с ними в скоромные дни; в постные же стол и ежедневный чай мы имели в своей хижине; посему мы более держались у себя, пока ознакомились со всем семейством.

В каменном доме жила старая барыня, Елена Денисовна, вдова родоначальника всея сея семьи статского советника Петра Ивановича Рычкова. С ней вместе обитали четыре ее дочери - вдова Марья Петровна Толстая, который сын был моим учеником, и три девицы: Анна, Агриппина, Прасковья. Старуха была из богатого симбирского дворянского дома, обхождения весьма приветливого, хлебосолка и обязательная к чужим, но к своим крайне жестока, скупа и своенравна. По кончине супруга добрые люди попеклись поселить в ней страсть к игре; и старушка ночи, а часто и дни просиживала за ломбером. Играть доброхотные приезжали издалека; я же, будучи домашним, весьма скоро удостоен отличными милостями.

Она, дочь ее вдова и я составляли ежедневную партию. Ежели бы я не боялся Бога, или лучше, ежели бы я умел чужие слабости обращать в свою пользу, я бы точно мог от сея барыни, по картам, иметь свое вечное состояние.

Василий Петрович Рычков, сын старья барыни, хотя отдельно живший, по частому своему быванию в семье, имел великое влияние на весь дом. Он осыпал меня сначала учтивостями и ласками, но скоро заставил вкусить самых горьких неприятностей, по одной своей запальчивости и тщеславию. Сия последняя добродетель, можно сказать, всей семье была общею; ибо они, будучи не из старого дворянства, а по одному Петру Ивановичу, их отцу, во всех своих поступках, делах, даже речах, являли как будто они боятся урониться. От сего часто бывали со мною самые досадные и смешные приключения, о которых напоминать нет дальней надобности.

По прошествии года, особливо когда я перешел на житье в дом старья барыни, где занимал целый, довольно пространный, флигель, жизнь моя в Спасском была самая покойная: за учением не сильно гналися; нравственностью, дабы я не поселил в детях чего-нибудь несообразного с правилами нового их дворянства, занимались сами родители, дичи было крайнее изобилие, выезд свободный; карточная игра, иногда скучная, пополняла малые наши доходы; словом, мы тут жили удовольствием.

На другую зиму жена моя, для сотовариществования больной Марьи Петровне, ездила с нею в Уфу, ще прожила и весну; я, приехавши к ним повидаться, перезван был Левашовым к нему и так неожиданно распрощался со Спасским и с его доброю к нам хозяйкою.

Переселение к г.Левашову было некоторым образом для меня произвольное: обиженный им в первое приглашение, я не хотел было с ним вовсе дело иметь, но, увидевши детей, обласканный ими, я забыл все и четыре года прожил в сем доме, перенося многие неприятности. о

Сергей Яковлевич Левашов, надворный советник и совестный судья, был человек крайне странный. В юношестве без всякого воспитания, в молодости без малейшего образования, в мужских летах без нравственности, достаточный казанской дворянин, по сему родными и знакомыми в его своеволии там несколько стесняемой, оставив молодую жену и пятерых любезных детей, переселился в Башкирию, где, купивши землю, переводил крестьян, строил дома, рассаживал сады, заводил оранжереи, учреждал фабрики, заводы; но все сие только начинал, а не оканчивал. Дом его снаружи, по виду был казарма; во внутренности же отштукатурен как палаты. Сад был не огорожен, но ворота в него воздвигнуты были столярной работы и с немецкими петлями и замками.

Описывать все его странности было бы и скучно, и трудно; скажу только еще: бывши почти безграмотен, охотник превеликой был диктовать письма, особенно наставления прикащикам, садовникам, конюхам и другим своим чиновникам. Щедр, даже мот бывал из тщеславия, скуп же по природе; нрава самого крутого и жестокого, но к сентиментальному разговору всегда приставал, выдавая себя за Стерна.

Детей, с ним бывших, четверо: две дочери, два сына, и племянник составляли мой пансион. Средняя дочь, Наталья С<ергеевна>, пятнадцатилетняя девушка, одарена была отличною способностью и охотою к учению; старший сын, Николай, был также понятен и прилежен, да и прочий довольно изрядно учились, что, при их ласковости, поселило во мне неимоверную ревность споспешествовать их успехам.

Скажу, не хвастаясь, что Наталья С<ергеевна> через два года понимала столько французский язык, что труднейших авторов, каковы: Гельвеции, Мерсье, Руссо, Мабли, переводила без словаря; писала письма со всею исправностию правописания; историю древнюю и новую, географию и мифологию знала также достаточно.

Жизнь наша в сем доме была довольно сносна; к странностям хозяина присмотревшись, все прочее шло порядочно; ласки же и дружелюбие девиц Елеоноре Карловне доставляли много приятностей. Зиму мы жили в городе, ще катаньи, собраньи, балы, для меня и карточная игра, жизнь нашу делали весьма удовольственной; весну, лето и осень обыкновенно проживали в деревне; тут разные, ежедневно почти новые занятия: прогулки, купаньи, рыбная ловля, стрельба и множество других забав, сокращали время нечувствительно.

В сие время любезная моя Е<леонора> К<арловна> освободилась совершенно от губельной ревности; ласки ее ко мне и нежность возвратились с прежнюю, или еще сильнейшею, горячностью; я сам, кажется, почувствовал новый жар к моей милой подруге; все приемы первоначальной любви, со всеми теми же прелестями, наполняли наши души. Старании быть чаще наедине, попечении взаимно делать друг другу приятное, сердечные излиянии, неутомимость в наслаждениях, словом, все делало нас щастливыми, а двое милых детей, из которых Кирюша по пятому году, милая резвая лепетуша, и Катенька по третьему, любезная, веселая, как ангел, усугубляли наши радости.

Но, увы! сие благоденствие, сия сладостная супружняя жизнь, сладостнейшая, может быть, самого начала оная, была для меня весьма кратковременна. Милая моя подруга, бывши во все ее замужество, хотя не больною, но всегда в немецком теле, года за два до сего времени пополнела, повеселела, сделалась большою затейницею всяких забав, игор, обещавшая по всему добрую о своем здравьи надежду, в сентябре <1>792 года ездивши в Уфу, получила простудную лихорадку, которая в октябре, обнаружившись грудною водяною болезнию, прекратила ее жизнь на 29 году.

Горестнее всего мне было тогда, да и теперъ вспоминаю с сожалением, что я последние два месяца ее жизни почти не жил с нею, и что она скончалась в Уфе без меня.

Собиравшись давно, 2~го сентября в сем году я ездил к Рычкову, где пробыл до 25-го. Жена, проводивши меня до Уфы, оставалась тут же и дожидаться. Я нашел ее в четырехдневной лихорадке; но, не уважив сего, особенно за отлучкою нашего врача и друга г.Зандена, я взял ее в деревню. В первых числах октября г.Занден был у нас, видел ее в самом припадке, оставил лекарство,

но советовал, при усилении жара, приехать в город. Последуя сему в точности, 9-го в ясный, прекрасный день, в покойной коляске отправилась она в Уфу. Две почты извещал г.Занден о ее состоянии, перед третьей прислал нарочного, уведомляя об открывшейся опасности, и чтобы я поспешил сам в Уфу. Зная искусство и благоразумие сего врача, почти уверенный в несуществование уже Елеоноры К<арловны> между живыми, я тотчас отправился; но моя милая подруга за два дни, то есть 21-го, скончалась.

Описывать мою горесть, как давно прошедшее, не поставляю нужным; скажу только, что она была точно искренина, и что сожаление о сей моей потере никогда не выходило из моего сердца. Жизнь моя после сея эпохи, хотя нельзя сказать, чтобы хуже была прежней, но признаться должен, что с покойною подругою была бы она несравненно лучше; теперь же, коща я уже стал стар и дряхл, и когда предел мой у меня в виду, я каждодневно ее воспоминаю, ибо чувствую, что одна только добрая жена быть могла бы, в сие роковое время, истинным моим попечителем, утешителем, ангелом-хранителем.

Преисполненный благодарения моему Богу, я не могу иначе, как хвалиться моими добрыми детьми. Они, неизменным и усерднейшим своим, о моем благосостоянии, попечением доказывая в полной мере, сколько я им любезен, конечно ни одна из двух не пожалела бы ни трудов своих, ниже своего здоровья для успокоения и поддержания моей болезненной старости; но со всем тем оне никак не могут заменить для меня своей покойныя матери. Добрая жена, соучаствуя мужу во всех деяниях супружия жизни и подаваясь с ним вместе в старость, нечувствительно навывает знать и удовлетворять все его вкусы прихотения и, сознакомившись даже с его слабостями, недостатками, не только не брезгует ими, но самые отвратительные немощи облегчает и врачует доброхотно.

По успокоении несколько первых ощущений горести, обративши внимание на мое положение, я видел ясно, что бедные дети мои наиболее потеряли, лишившись матери. Их пол в сиротстве, таскание мое с ними по чужим домам угрожали мне многими затруднениями, для преодоления которых я принял меры, какие, по моему бедственному состоянию, были только возможны. Я уведомил сестру о приключившемся мне нещастии; извещая об оставшихся у меня на попечении двух сиротах ее пола, просил, чтобы по родству и человечеству соблаговолила быть их матерью, В прошении моем употребил все средства убеждения для преклонения к состраданию ея строптивыя души, облегчая по возможности способы их содержания, то есть, первое: я не прежде намеревался их к ней отпустить, как чрез шесть или восемь лет;

сие находил даже необходимым, дабы Кире, достигнувшей пятнадцатого года, мог я сообщить все семейные наши дела, и на случай, дабы оне не совсем были безгласны; второе: я ей обещевал ежегодно высылать в пособие двести рублей. На сие не удостоен я ниже отзывом, поелику сестрица моя в сие время крутилась в столичном вихре.

Облегчилось сие, однако, хотя не существенно, тогда некоторою надеждою: дочери г.Левашова по своему собственному побуждению, а по молодости их лет не причастному еще корысти, предложили своему отцу и получили его соизволение, чтоб детей моих принять к себе для воспитания, с тем, чтобы их по возможности и пристроить. Предложение сие меня до крайности порадовало; я знал, что им каждой утверждено было от отца по сту душ лучших крестьян; посему как воспитать, так и пристроить моих детей не многого бы им стоило.

Из благодарности за таковую милость, почитая ее несомненною, последний год моего житья в сем доме, я могу сказать, что точно не жалел самого себя, стараясь всеми силами удовлетворять детскую горячность к учению. Нередко по двенадцати часов в сутки я, как осужденный, переходил от перевода к истории, от сея к автору, к сочинению, и проч. и проч.

Живучи в сем доме, особенно после кончины моей жены, множество я имел странных приключений, которые описывать не поставляю, однако, нужным, ибо оне растянули бы только мое повествование.